

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ГОВАРД ФИЛЛИПС

ЛАВКРАФТ

МИРЫ КТУЛХУ

Мифы Ктулху

Говард Лавкрафт
Миры Ктулху (сборник)

«Издательство АСТ»

УДК 821.161.1
ББК 84(7Сое)

Лавкрафт Г. Ф.

Миры Ктулху (сборник) / Г. Ф. Лавкрафт — «Издательство АСТ», — (Мифы Ктулху)

ISBN 978-5-17-109997-8

Проза Лавкрафта – идеальное отражение внутреннего мира человека в состоянии экзистенциального кризиса: космос холоден и безразличен, жизнь конечна, в словах и поступках нет никакого высшего смысла, впереди всех нас ждет лишь небытие, окончательное торжество энтропии и тепловая смерть Вселенной. Но это справедливо для читателей прошлого тысячелетия. Сегодня мы легко можем заметить, что Великие Древние Лавкрафта стали «своими» и для людей, искренне любящих жизнь, далеких от меланхолии, довольных собой и своим местом в мире – вот в чем настоящий парадокс.

УДК 821.161.1
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-109997-8

© Лавкрафт Г. Ф.
© Издательство АСТ

Содержание

Мифы Лавкрафта	6
Дагон[1]	11
Безымянный город[4]	15
Собака[6]	23
Праздник[7]	28
Зов Ктулху[8]	32
I. Ужас, запечатленный в глине	32
II. История инспектора Леграсса	37
III. Морское безумие	45
Данвичский ужас[9]	52
I	52
II	55
III	58
IV	60
V	62
VI	65
VII	68
VIII	72
IX	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Говард Филлипс Лавкрафт

Миры Ктулху

- © В. Владимирский, вступ. ст., 2018
- © В. Петелин, ил., 2018
- © Перевод. В. Бернацкая, 2016
- © Перевод. С. Лихачева, 2016
- © Перевод. К. Королев, 2016
- © Перевод. О. Колесников, 2016
- © Перевод. Ю. Соколов, 2016
- © Перевод. Е. Любимова, наследники, 2016
- © ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Мифы Лавкрафта

Имя Говарда Филлипса Лавкрафта окружает множество мифов. За свои сорок семь лет он успел прослыть социопатом, затворником, женоненавистником, ксенофобом, сумасшедшим, чуть ли не тайным агентом рептилоидов и приспешником Ктулху. Явление, в общем, распространенное: так происходит практически с каждым крупным писателем, который не добился признания при жизни и был оценен по достоинству только после смерти, от Эдгара Алана По до Филипа К. Дика. Увы, к разочарованию любителей сенсаций, жизнь нашего героя достаточно хорошо задокументирована и подробно изучена, чтобы утверждать: слухи о причудах Лавкрафта сильно преувеличены.

Г. Ф. Л., как называют его поклонники, появился на свет 20 августа 1880 года в небольшом городе Провиденс (штат Род-Айленд, Новая Англия). Его отец, коммивояжер Винфилд Скотт Лавкрафт, рано пропал с горизонта: в 1883 году он «начал странно себя вести», был помещен в психиатрическую лечебницу, где и скончался пять лет спустя. Историки до сих пор спорят, что стало причиной недуга: нервный срыв, как полагал его сын, дурная наследственность или «веселая болезнь» (предположительно сифилис), которую Лавкрафт-старший подцепил в одном из своих вояжей.

После исчезновения отца из его жизни Говард остался на попечении матери и двух теток, а главное – наедине с библиотекой деда, заядлого книгочея и библиофила. Именно эти роскошные, обшитые кожей тома определили мировоззрение и литературные предпочтения будущего классика. Здесь Лавкрафт познакомился с античными мифами и «Сказками тысячи и одной ночи», без которых не было бы безумного араба Абдула Альхазреда и его «Некрономикона», но что важнее – проникся бесконечным пиететом к писателям восемнадцатого-девятнадцатого веков, из чьих работ по большей части состояло собрание. Именно там, в дедовской библиотеке, сформировался специфический повествовательный стиль Лавкрафта, бесконечно далекий от стиля большинства его коллег и современников – тяжеловесный, многословный, избыточный прилагательными и деепричастными оборотами, медленно выворачивающий душу наизнанку. Мало того, даже в личной переписке Г. Ф. Л. предпочитал использовать «дореформенную орфографию», не признавая упрощенное, приближенное к фонетическому написание, которое получило распространение в США после 1828 года с легкой руки Ноя Уэбстера, автора «Словаря американского языка».

Окруженный женским вниманием, будущий писатель рос сообразительным, но болезненным мальчиком. Учеба в школе не задалась: он слишком часто пропускал занятия и в итоге не сумел завершить полный учебный курс. Зато именно в школьные годы Лавкрафт впервые попробовал свои силы в «самиздате»: самым впечатляющим опытом на этом поприще стал напечатанный на гектографе астрономический журнал «The Rhode Island Journal of Astronomy» и посвященная преимущественно химии «The Scientific Gazette».

На первый взгляд увлечение вполне заурядное: многие успешные американские писатели, включая Роберта Хайнлайна и Рэя Бредбери, на заре своей карьеры отдали должное «самодельной прессе». Но с Г. Ф. Лавкрафтом история особая. Именно с самиздатом связана большая часть его литературной биографии – да и не только литературной по большому счёту. Сообщество, сложившееся вокруг американской «small press» в начале XX века, на долгие годы стало главной площадкой для его самореализации. Остроумная пикировка Лавкрафта в разделе писем журнала «Агроти» с другим начинающим литератором, Джоном Расселом, привлекла внимание руководства Объединенной ассоциации любительской прессы, и в 1914 году писатель получил предложение вступить в UAPA, а через несколько лет был избран ее вице-президентом. Должность не открывала финансовых перспектив и была скорее почетной, но можно представить, насколько это польстило самолюбию молодого человека, так и

не сумевшего, к разочарованию семьи, поступить в университет. Именно в «самодеятельной прессе» вышли первые рассказы Г. Ф. Л., замеченные читателями и критикой: переработанный юношеский «Алхимик», «Дагон» и сознательное подражание Эдгару Алану По «Усыпальница». Позже, в час нужды, среди писателей-любителей Лавкрафт-редактор находил своих «соавторов», амбициозных неудачников, чьи рассказы он перерабатывал от первой до последней буквы, иногда за небольшой гонорар, но порой и безвозмездно, в знак дружеского участия. Наконец, именно на одном из слетов журналистов-любителей он встретил свою будущую жену, Соню Хафт Грин, – это положило начало серьезным переменам в жизни писателя и в итоге к переезду из сонного Провиденса в сердце деловой Америки, бурлящий жизнью Нью-Йорк.

Думаю, можно сказать, что первые месяцы брака оказались самыми светлыми (если не брать в расчет раннее детство) страницами в биографии Г. Ф. Л. В Большом Яблоке Лавкрафт провел всего два года, с 1924 по 1926-й, но в этот краткий отрезок времени уместилась целая жизнь. Восторг от знакомства с кругом молодых интеллектуалов, публикации в «Weird Tales», одном из самых известных журналов начала палп-эпохи, разочарование, финансовый крах молодой семьи, жалкие попытки устроиться хоть на какую-нибудь работу или литературной поденщиной добыть средства для выплат по кредитам, чувство беспомощности, нарастающая депрессия... Увы, отношения Г. Ф. Л. с супругой, женщиной волевой и трезвомыслящей, не выдержали испытания бедностью. Соня Грин была вынуждена покинуть Нью-Йорк и отправиться на заработки, а Лавкрафт, несколько месяцев помыкавший в одиночестве в крошечной бруклинской квартире, вернулся в родной Провиденс и сдался на милость родственникам, с самого начала не одобрявшим этот брак.

Пожалуй, в рамки канонического мифа с некоторой натяжкой укладываются только последние годы жизни писателя. Он потерпел поражение по всем фронтам, не смог ужиться в большом городе, не достиг финансового успеха и популярности, потерял любимую женщину (несмотря на взаимную договоренность, Лавкрафт так и не оформил бумаги на развод) – зато получил мощный творческий импульс. После возвращения в Провиденс он закончил «Зов Ктулху», запланированный еще в Бруклине, написал многие из лучших своих вещей, включая новеллы «В горах безумия», «Данвичский кошмар» и «Морок над Инсмутом». Даже под давлением обстоятельств Г. Ф. Л. не сумел стать коммерческим писателем – да, видимо, не очень и стремился, хотя несколько раз выступал в роли «литературного негра» (политкорректно – «писателя-призрака»). В то же время он вел оживленную переписку с сотнями корреспондентов, среди которых был создатель Конана Роберт Говард, будущий автор прославленного Хичкоком «Психо» Роберт Блох, Лайон Спрэг де Камп и многие другие литературные звезды разного масштаба и светимости. По скромным подсчетам, в архивах Г. Ф. Л. осталось не меньше десяти тысяч писем – и только малая часть их на сегодняшний день опубликована. Эпистолярная стратегия принесла свои плоды: постепенно вокруг Лавкрафта начал складываться круг преданных поклонников, продолжателей и подражателей... Увы: довести этот эксперимент до конца писателю так и не удалось. 15 марта 1937 года Говард Филлипс Лавкрафт скончался от рака тонкого кишечника в родном Провиденсе и был похоронен в семейной усыпальнице на кладбище Свант-Пойнт.

Это, разумеется, только краткая выжимка из биографии создателя «Мифов Ктулху»: его подробное жизнеописание занимает сотни, а анализ творчества – десятки тысяч страниц. Отечественные издатели обычно с подозрением относятся к литераторам, чье творчество ассоциируется с жанровой прозой: в России до сих пор не издано ни одной биографии Айзека Азимова, Роберта Хайнлайна или Артура Кларка, не говоря уж о фантастах следующих поколений – Роджере Желязны или Уильяме Гибсоне. Да что там: такой чести не удостоился даже кумир шестидесятников Курт Воннегут – а не пиши о космических путешествиях и временных парадоксах!.. Но Г. Ф. Л. и тут оказался исключением: на русском языке можно прочитать целых три его биографии. Самая дотошная, обстоятельная и академически занудная, где дни американ-

ского писателя расписаны буквально по минутам («Жизнь Лавкрафта» С. Т. Джоши) доступна только в любительском переводе, зато книга «Лавкрафт» Лайона Спрэга де Кампа печаталась вполне коммерческим тиражом, а биография «Лавкрафт. Певец бездны» московского историка и литературоведа Глеба Елисеева выдержала два издания. Словом, читателям, которых интересуют подробности, есть чем утолить сенсорный голод.

Но даже если отметить только главные реперные точки на жизненном пути писателя, становится очевидно, что личность Лавкрафта далеко не так однозначна, как может показаться. Человек с репутацией женоненавистника, антисемита и гомофоба, Г. Ф. Л. был женат на еврейской эмигрантке родом из Конотопа – и, по словам Сони Грин, оказался застенчивым и нерешительным, но вполне состоятельным любовником. Он мог многословно рассуждать о деградации американской нации и неполноценности семитов (а заодно о «поведении, которое подобает только человекообразным обезьянам и неграм»), но в реальной жизни одним из лучших друзей Г. Ф. Л. был Самуэль Ловмэн, еврей и гомосексуалист. Лавкрафт выступал против демократии во всех ее проявлениях, но с благодарностью принял выборную должность вице-президента УАРА. «Затворник» и «социопат», он ежемесячно отправлял сотни писем своим корреспондентам во всех уголках страны, живо обсуждал деловые вопросы, ездил в гости, выбирался с друзьями на пикники, когда позволяли здоровье и финансы – не говоря уж о годах, проведенных в Нью-Йорке, самом шумном и суетном городе мира. Иными словами, путать «лирического героя» Лавкрафта и самого автора было бы большой ошибкой: в повседневной жизни Г. Ф. Л. мог выглядеть замкнутым, чудаковатым, эксцентричным, но не более, чем многие его известные современники.

Однако на этом история не заканчивается – напротив, все только начинается.

С конца 1930-х популярность Лавкрафта неуклонно растет. Молодой писатель Август Дерлет, горячий поклонник Г. Ф. Л., один из его постоянных корреспондентов и автор термина «Мифы Ктулху», создает издательство «Arkham House» и в 1939 году выпускает первый сборник своего покойного наставника – «The Outsider and Others». (Кстати, позднее в том же издательстве выйдет дебютный сборник другого будущего классика, «Темный карнавал» Рэя Бредбери, но это совсем другая история.) Рассказы писателя, почти не известного при жизни, начинают обсуждать не только на страницах жанровых изданий вроде журнала «Galaxy Science Fiction», но и в престижной «New York Herald Tribune». Август Дерлет расширяет вселенную Г. Ф. Л., дописывает незаконченные произведения учителя, постепенно в эту работу включаются Роберт Блох, Рэмси Кэмпбелл, Колин Уисон и многие другие – вплоть до Хорхе Луиса Борхеса, в 1975 году выпустившего «лавкрафтианский» рассказ «Есть многое на свете...».

В 1960-х, с началом психоделической революции и с расцветом пестрых «нью-эйдж»-движений, популярность Лавкрафта перешагивает границы «фантастического гетто» и круга поклонников литературы ужасов: его книги и персонажи становятся достоянием молодежной контркультуры. В 1967 году в Чикаго возникает рок-группа «HP Lovecraft» (другой вариант названия – «Love Craft») и за три года существования успевает записать пять альбомов. В 1970 году «Black Sabbath» выпускает трек «Behind the Wall of Sleep», вдохновленный одноименным рассказом Г. Ф. Л., в 1984-м «Metallica» записывает композицию «Call of Ktulu», а в 1985-м «Iron Maiden» цитирует классика на обложке альбома «Live After Death», «Жизнь после смерти».

Рассказы Лавкрафта начинают экранизировать: одним из первопроходцев становится «король фильмов класса В» Роджер Корман, в 1963 году снявший картину «Заколдованный замок» по мотивам «Истории Чарльза Декстера Варда». Позже должное творчеству писателя отдают десятки режиссеров, включая культового Джона Карпентера («Князь тьмы», 1987). Рассказами писателя вдохновляются и другие деятели Голливуда – например, художник Ханс Руди Гигер, главный дизайнер «Чужого» Ридли Скотта. С 1950 года истории Лавкрафта ложатся в основу многочисленных комиксов и графических романов. Наконец в 1974-м в одном из

выпусков комиксов о Бэтмене появляется «лечебница Аркхэм для душевнобольных преступников» – название очевидным образом позаимствовано у вымышленного города в Новой Англии, который стал местом действия многих рассказов Г. Ф. Л. и его подражателей.

Без преувеличения можно сказать, что к началу нового тысячелетия «сверхъестественный ужас» Лавкрафта глубоко укоренился в поп-культуре. Эта мифология эксплуатируется в сотнях настольных и компьютерных игр, в том числе тех, которые и сами успели превратиться в классику, от легендарного шутера «Quake» до второй части «Dead Space», где фигурирует безумец по имени Говард Филлипс. Лавкрафт становится главным героем многочисленных комиксов (то как brutальный частный детектив, то как маленький мальчик со сверхъестественными способностями, то в одиночку, а то в компании с Николой Тесла или Эдгаром По) – и это не говоря уж о том, что к книгам «затворника из Провиденса» не раз и не два обращался великий и ужасный Алан Мур, создатель этапных для жанра «Хранителей». Писатель собственной персоной появляется на кино- и телеэкране – например, в одном из эпизодов сериала «Сверхъестественное» или в испанском фильме «Наследие Вальдемара II». Сувенирную фигурку Ктулху можно купить в любом магазине для гиков от Улан-Удэ до Мельбурна. В конце концов, Лавкрафт и выдуманные им монстры становятся объектом бесчисленного множества демотиваторов, карикатур и интернет-мемов – это ли не главное свидетельство триумфа в нашу электронную эпоху?

Так как же получилось, что писатель, не раз отзывавшийся об американской культуре своего времени как об упаднической, предпочитавший сочинениям большинства современников книги литераторов восемнадцатого-девятнадцатого веков и брезгливо отвергавший коммерческое искусство, оказался настолько востребован в XXI столетии? Почему консерватор и пуританин с ярко выраженным отвращением к телесному, в чьих произведениях безрадостное настоящее неизменно проигрывает с разгромным счетом чудовищному прошлому, стал любимым автором у читателей, которые взяли в руку компьютерный джойстик раньше, чем выплюнули соску?

В эссе «Против человечества, против прогресса», посвященном феномену Лавкрафта, французский прозаик Мишель Уэльбек пишет: «Для человека XX столетия этот космос отчаяния абсолютно „свой“. Эта мерзостная Вселенная, где страх громоздится расходящимися кругами вплоть до чудовищного откровения, эта вселенная, где для нас воображима единственная судьба, быть перемолотыми и пожранными, безусловно распознается как наш умственный мир. И для того, кто одним быстрым и точно введенным шупом хочет зондировать состояние умов, успех Лавкрафта – это сам по себе симптом. Сегодня как никогда мы можем подписаться под тем изложением взглядов, каким открывается „Артур Джермин“: „Жизнь – мерзостная штука; и на заднем плане, за всем тем, что мы о ней знаем, мелькают проблески дьявольской правды, которая делает ее мерзостнее для нас в тысячу крат“... Хорошо понятно, почему чтение Лавкрафта составляет парадоксальное утешение для души, которой опротивела жизнь. Можно, в сущности, рекомендовать это чтение всем, кто по той ли, иной причине дошли до того, чтобы питать настоящую неприязнь к жизни во всех ее видах».

Возможно, в этом есть доля истины. Проза Лавкрафта – идеальное отражение внутреннего мира человека в состоянии экзистенциального кризиса: космос холоден и безразличен, жизнь конечна, в словах и поступках нет никакого высшего смысла, впереди всех нас ждет лишь небытие, окончательное торжество энтропии и тепловая смерть Вселенной. Но это справедливо для читателей прошлого тысячелетия. Сегодня мы легко можем заметить, что Великие Древние Лавкрафта стали «своими» и для людей, искренне любящих жизнь, далеких от меланхолии, довольных собой и своим местом в мире – вот в чем настоящий парадокс.

Но можно найти и другое объяснение.

Всю жизнь Говард Филлипс Лавкрафт возводил стену между собой и окружающим миром – иногда сознательно, но чаще неосознанно. Нельзя сказать, что он не умел общаться с

людьми: история взаимоотношений с Соней Грин, с коллегами по Объединенной ассоциации любительской прессы и многочисленными корреспондентами это опровергает. Безусловно, Лавкрафт был способен производить сильное впечатление и даже очаровывать, но только тех людей, которых впускал в свой узкий внутренний круг. Внешний мир то и дело вторгался в его жизнь, грубо и напористо – к примеру, немалые сбережения семьи Г. Ф. Л. сторели в результате одного из международных финансовых кризисов начала XX века. Но по большей части ему удавалось каким-то чудом игнорировать эту сторону жизни, а робкие и неохотные попытки писателя встроиться в Систему, соответствовать требованиям «социально одобряемой нормы», напротив, раз за разом терпели неудачу. Да что там, Лавкрафтом побрезговала даже армия: когда Соединенные Штаты вступили в Первую мировую, он решил записаться на воинскую службу, как и подобает настоящему южному джентльмену, но был признан негодным к строевой и отправлен восвояси.

Этот специфический жизненный опыт самым очевидным образом повлиял и на его творчество. Все те бури, которые сотрясали американское общество в начале двадцатого века: подъем профсоюзного движения, «сухой закон», громкие мафиозные разборки на улицах Чикаго, Великая депрессия – практически не нашли отражения в рассказах и повестях Лавкрафта. Его вселенная внеисторична, вырвана из реальности, условна. Да, иногда писатель упоминает конкретные даты и ссылается на знакомые его современникам события, среди персонажей Лавкрафта встречаются даже немецкие подводники времен Первой мировой. . . Но главные события в его произведениях неизменно происходят на просторах «внутреннего космоса», в пространстве между сном и явью, унылой повседневностью и чудовищным ночным кошмаром. Время и место действия не имеют значения: «сверхъестественный ужас» Лавкрафта лишен исторических корней, слабо сцеплен с реальностью – именно поэтому он так легко превращается в объект постмодернистского обыгрывания, элемент метанарратива, пересаживается на любую почву и встраивается в любой произвольно выбранный контекст.

Великих Древних Лавкрафта оказалось удивительно просто приручить – или, если угодно, они с потрясающей сноровкой проникли во все щели современной поп-культуры. Для того чтобы репостить забавные мемы с многоруким морским богом или писать «Ктулху фхтагн!» на открытой стене интернет-сообщества, совершенно не обязательно читать Г. Ф. Л. – да, по большому счету, и никого из его подражателей и продолжателей, включая Нила Геймана и Х. Л. Борхеса. Само собой, это оскорбляет чувства поклонников писателя – как попсовая аранжировка «Звезды по имени Солнце» оскорбляет фанатов Виктора Цоя. Но можно взглянуть на ситуацию и по-другому. «Затворник из Провиденса» изобрел универсальный язык, культурный код, одинаково доступный людям разных поколений, из разных социальных групп, с разным кругозором и эрудицией. Немногим писателям XX века удалось проделать такой финт, а уж среди современников Г. Ф. Л. – и вовсе считанным единицам.

И все же это не отменяет необходимости чтения текстов Говарда Филлипса Лавкрафта. Да, чтобы говорить на универсальном языке его изобретения, не обязательно знать этимологию, происхождение каждого слова и устойчивого выражения. Но, чтобы раскрыть все оттенки смысла и правильно расставить акценты, придется раскрыть чудовищный «Некрономикон», изучить причудливую архитектуру башен Ми-го на темной стороне Юггота, вплотную подобраться к воротам между мирами, которые охраняет неопикуемый Йог-Сатот. . . И, конечно, погрузиться в глубины океана, где среди руин Р'льеха покоится, ожидая своего часа, великий Ктулху. К счастью, сегодня мы можем сделать все это, не вставая с любимого дивана, не отрываясь от экрана компьютера или смартфона. Но завтра, когда Великие Древние пробудятся и восстанут, – кто знает, что нас ждет?..

© Василий Владимирский, 13.06.2018

Дагон¹

Я пишу эти слова в состоянии понятного умственного напряжения, ибо сегодня вечером меня не будет в живых.

Оставшийся без гроша и даже без крохи зелья, которое одно делает мою жизнь терпимой, я не могу более переносить это мучение и скоро выброшусь из чердачного окна на нищую мостовую. И если я раб морфия, не надо считать меня слабаком или дегенератом. Прочитав эти торопливо набросанные строки, вы можете догадаться, хотя, наверное, никогда полностью не поймете, почему я добиваюсь забвения или смерти.

Случилось, что посреди одной из наиболее открытых и редко посещаемых частей широкого Тихого океана пакетбот, на котором я был суперкарго, пал жертвой германского рейдера. Великая война была тогда в самом начале, и океанский флот гуннов еще не успел достичь тех глубин падения, к которым ему суждено было опуститься потом; поэтому наше судно было объявлено законным призом, а к экипажу отнеслись с теми справедливостью и вниманием, которых требовало наше положение военнопленных. Победители установили на борту настолько либеральные порядки, что через пять дней после захвата я сумел ускользнуть в небольшой шлюпочке, захватив с собой достаточное количество воды и провизии.

Оказавшись наконец на воде и в полной свободе, я не имел особо точного представления о том, где нахожусь. Не будучи компетентным навигатором, я мог только догадываться по солнцу и звездам, что нахожусь к югу от экватора. Долгота известна мне не была, а островов или берегов вблизи не было видно. Погода была ясной, и несчетные дни я бесцельно дрейфовал под обжигающим солнцем, ожидая, пока меня подберет проходящий корабль либо прибудет к берегам какой-нибудь населенной земли. Однако не появлялось ни корабля, ни земли, и я уже начал отчаиваться, оставаясь в уединении на неторопливо вздыхающем синем просторе.

Перемена произошла, пока я спал. Подробности ее так и остались неизвестными для меня, ибо мой сон, хотя и тревожный, и полный сновидений, так и не прервался.

Когда я наконец пробудился, оказалось что меня засасывает в адски черную, полную слизи лужу, монотонно колыхавшуюся во все стороны от меня, куда достигал взгляд, а лодка моя лежала на ней как на суше неподалеку.

Хотя можно подумать, что моим первым ощущением при виде столь неожиданного и огромного преобразования окрестностей должно было стать удивление, на самом деле я скорее пребывал в ужасе, чем был удивлен, ибо в воздухе и в гнилой почве присутствовало нечто зловещее, пробравшее меня до глубины души. Вокруг валялись гниющие мертвые рыбины, а посреди отвратительной грязи бесконечной равнины торчали и менее понятные останки. Возможно, не стоит и пытаться передать простыми словами ту неизреченную мерзость, которая обитала в этом абсолютно безмолвном и бесплодном просторе. Слух не улавливал звуков, а зрение – ничего иного, кроме бесконечной черной грязи со всех сторон; и все же сама полнота тишины и однородность ландшафта вселяли в меня тошнотворный страх.

Солнце пылало на небесах, уже казавшихся мне черными в своей безоблачной жестокости и словно бы отражавшихся в чернильной болотине под ногами. Перебравшись в оказавшуюся как бы на суше лодку, я подумал, что положение мое способна объяснить лишь одна теория. Какой-то беспрецедентный вулканический выброс вынес на поверхность часть океанского дна, обнажив область его, которая в течение бесчисленных миллионов лет оставалась скрытой в неизмеримых водяных глубинах. И настолько велика была сия поднявшаяся подо мной

¹ Перевод Юрия Соколова

земля, что, усердно напрягая слух, я никак не мог уловить даже слабого отзвука доносящихся издали рокочущих океанских волн. Не было видно и чайек, охотящихся за мертвечиной.

Несколько часов я сидел в лодке, лежавшей на боку и дающей некоторую тень по мере того, как солнце ползло по небу. С течением времени почва потеряла долю своей липкости и достаточно подсохла, чтобы по ней можно было пройти. В ту ночь я спал немного и на следующий день приготовил себе поклажу из пищи и воды, собираясь в сухопутное путешествие в поисках исчезнувшего моря и возможного спасения.

На третье утро я обнаружил, что почва высохла настолько, что по ней можно идти без труда. От рыбной вони можно было сойти с ума; но я был озабочен вещами куда более серьезными, чтобы обращать внимание на столь мелкое зло, и потому отправился к неведомой цели. Весь день я упорно шагал на запад, в сторону пригорка, казавшегося выше прочих на гладкой равнине. Ночь я провел под открытым небом, а на следующий день все еще шел в сторону пригорка, и цель моего пути едва ли казалась ближе, чем когда я впервые заметил ее. На четвертый вечер я приблизился к основанию холма, оказавшегося много выше, чем это казалось мне издали, и отделявшая меня от него долина еще резче выделяла бугор на ровной поверхности. Слишком усталый для восхождения, я задремал в тени его.

Не знаю, почему сны мои в ту ночь оказались настолько бурными; но прежде чем фантастический лик убывающей горбатой луны восстал над восточной равниной, я пробудился в холодном поту, решив не смыкать более глаз. Тех видений, что я только что пережил, было для меня довольно. И в свете луны я понял, насколько неразумным было мое решение путешествовать днем.

Без обжигающих лучей солнца путь не стоил бы мне таких затрат энергии; в самом деле я уже чувствовал в себе достаточно сил, чтобы решиться на устрашавший меня на закате подъем. Подобрал пожитки, я направился к гребню возвышенности.

Я уже говорил о том, что ничем не прерывавшаяся гладь монотонной равнины вселяла в меня непонятный ужас; однако кошмар этот сделался еще более тяжким, когда, поднявшись на вершину холма, я увидел по ту сторону его неизмеримую пропасть, каньон, в чьи темные недра не могли проникнуть лучи еще невысоко поднявшейся луны. Мне казалось, что я очутился на самом краю мира, что заглядываю за край бездонного хаоса и вечной ночи. В ужасе припоминал я уместные строки «Потерянного рая»², повествующие о жутком подъеме Сатаны через бесформенные области тьмы.

Когда луна поднялась на небе повыше, я увидел, что склоны долины оказались не столь отвесными, как мне только что привиделось. Карнизы и выступы скал предоставляли достаточно опору для ног, и, когда я спустился на несколько сотен футов, обрыв превратился в весьма пологий откос. Повинуясь порыву, истоки которого я положительно не могу определить, я не без труда спустился с камней на ровный склон под ними, заглядывая в стигийские бездны, куда еще не проникал свет.

И тут вдруг мое внимание приковал к себе громадный и одинокий объект, круто выраставший на противоположном склоне передо мной; объект, блеснувший белым светом под только что нисшедшими к нему лучами восходящей луны. Я скоро уверил себя в том, что вижу всего лишь громадный камень, но при этом осознавал, что очертания и положение его едва ли были делом рук одной только Природы. Более близкое исследование наполнило меня ощущениями, которые невозможно выразить; ибо несмотря на огромный размер и положение в пропасти, разверзшейся на дне моря в те времена, когда мир был еще молод, я без доли сомнения понимал, что вижу перед собой обработанный монолит, над боками которого потрудились руки мастеров; камень, быть может, знавший поклонение живых и разумных существ.

² Эпическая поэма Джона Мильтона, впервые изданная в 1667 году в десяти книгах, описывающая белым стихом историю первого человека – Адама.

Потрясенный и испуганный и все же на самую каплю наполненный восторгом исследователя-археолога, я огляделся уже повнимательнее. Призрачный свет луны, теперь стоявшей почти в зените, падал на крутые стены, заключавшие между собой пропасть, открывая тот факт, что по дну ее в обе стороны от моих ног, едва не касаясь их, простирался широкий водоем. На той стороне пропасти мелкие волны омывали подножие циклопического монумента, на поверхности которого я теперь мог различить надписи и примитивные скульптурки. Письмена были выполнены неизвестными мне иероглифами, непохожими на все, что случилось мне видеть в книгах; в основном они изображали некие обобщенные символы моря: рыб, угрей, осьминогов, ракообразных, моллюсков, китов и тому подобное. Несколько знаков, очевидно, изображали неизвестных современному человеку морских тварей, чьи разлагающиеся тела видел я на поднявшейся из океана равнине.

Однако более всего меня заворожили высеченные на камне рисунки. Ясно видимые за разделявшим нас водоемом благодаря своей колоссальной величине, располагались барельефы, темы которых были способны породить зависть Доре³. Думается, что эти фигуры должны были изобразить людей – во всяком случае, некую разновидность людей; хотя существа эти были изображены резвящимися как рыбы в водах какого-то морского грота или же поклоняющимися какому-то монолиту, также как будто бы находившемуся под волнами. О лицах и очертаниях их не стану рассказывать, ибо меня мутит от одного воспоминания. Гротескные силуэты, превышающие возможности воображения Эдгара По или Бульвер-Литтона, мерзостно напоминали людей, невзирая на перепонки на руках и ногах, неприятно широкие и дряблые губы, стеклянистые выпуклые глаза и прочие черты, еще менее приятные для памяти. Забавно, однако, что они были изображены без соблюдения пропорций с их окружением, ибо одно из созданий на рельефе убивало кита, изображенного всего лишь чуть более крупным, чем эта самая тварь. Отметив, как я уже сказал, гротескный облик и странную величину этих существ, я немедленно решил, что вижу перед собой воображаемых богов племени неких примитивных рыболовов и мореходов, принадлежавших к племени, последний потомок которого сгинул за эры до появления на свет первого из предков пилълдаунского или неандертальского человека. Потрясенный неожиданным откровением, выходящим за рамки воображения самого отважного из антропологов, я стоял, размышляя, а луна рассыпала странные отблески на воды лежавшего предо мной безмолвного протока.

И тут я внезапно увидел – это. Оставив лишь легкое кружение на воде, тварь поднялась над темными водами. Огромная, как Полифем, и мерзкая, явившимся из кошмара чудовищем она ринулась к монолиту, обхватила его гигантскими чешуйчатыми руками и, склонив к камню жуткую голову, принялась издавать какие-то размеренные звуки. Тут я и расстался с рассудком.

Я мало что помню о своем отчаянном подъеме по склону и по утесу, и о прошедшем в лихорадочном возбуждении возвращении к оставленной шлюпке. Кажется, я много пел, а когда не мог петь, хохотал, как безумный. Смутно помню великий шторм, разразившийся через некоторое время после того, как я добрался до лодки; во всяком случае, точно знаю, что слышал громовые раскаты и прочие звуки, которые Природа производит, лишь пребывая в самом бурном настроении.

Выбрался я из забвенья только в госпитале – в Сан-Франциско, – куда меня доставил капитан американского корабля, обнаруживший мое суденышко посреди моря-океана. Пребывая в болезненном возбуждении, я говорил много, однако понял, что на мои слова никто не обращает внимания. Спасители мои слыхом не слыхали о том, чтобы в Тихом океане поднималась со дна какая-то суша, да и сам я не считал необходимым настаивать на факте, в который они просто не могли поверить. После я разыскал прославленного этнолога и изумил его

³ Доре Гюстав (1832–1883) – французский гравер, иллюстратор и живописец.

странными вопросами, касающимися древней филистимской легенды о Дагоне, Боге-Рыбе; но вскоре, поняв, что собеседник мой безнадежно банален, не стал рассказывать о своем открытии.

Именно ночью, особенно когда горбатая луна убывает, я вижу эту тварь. Я пробовал морфий; увы, наркотик дарует лишь временное облегчение, но тем не менее он уже сделал меня своим безнадежным рабом. И теперь я намереваюсь покончить с этим, оставив полный отчет для информации или увеселения своих собратьев-людей. Часто я спрашиваю себя о том, не было ли это событие чистым фантазмом... болезненным видением, порожденным лихорадкой, пока я лежал в забытии, рожденным солнечным ударом и бредом в открытой лодке после бегства с немецкого военного корабля. Так я спрашиваю себя, однако ответом на вопрос всегда является отвратительное и яркое видение. Я не могу представить себе открытого моря, не пожившись при мысли о тех безымянных тварях, которые в этот самый момент могут ползать и рыться на его илистом дне, почитая своих древних каменных идолов и высекая собственные отвратительные подобию на подводных обелисках из омытого водой гранита. И мне все мнится тот день, когда они восстанут над прибрежными бурунами, чтобы унести в своих вонючих когтях остатки ничтожного, утомленного войной человечества, – тот день, когда потонет суша, а мрачное океанское дно восстанет посреди вселенского пандемониума.

Конец близок. Я слышу шум возле двери, какое-то склизкое тело всей своей тушей наваливается на нее. Тварь отыщет меня. Боже, какая ручища! Окно! Окно!

Безымянный город⁴

Я знал, что над безымянным городом, к которому я приближался, тяготеет проклятие. Я ехал по выжженной, залитой лунным светом долине и уже различал вдалеке очертания городских строений, что выступали из песка, словно трупы из плохо засыпанных могил. Искрошившиеся от времени камни этого пережитка прошлого, прадеда древнейших пирамид, как будто источали страх. Ужас, встававший у меня на пути невидимой преградой, замедлял поступь моего верблюда; мне казалось, некто убеждает меня отступить, не доискиваться зловещих тайн, которые не открывались никому и никогда.

Безымянный город располагался в самом сердце Аравийской пустыни, его полуразрушенные стены были теперь немногим выше песчаных дюн. Он погиб еще до того, как были заложены первые камни Мемфиса или обожжены первые кирпичи Вавилона. Не существует предания столь древнего, что могло бы поведать о его названии или о той поре, когда в нем кипела жизнь. Однако слухи об этом городе передаются шепотом из уст в уста у костров простолоудинов и в шатрах шейхов, и кочевники сторонятся его, не зная сами почему. Именно о нем безумный поэт Абдула Альхазред грезил той ночью, когда сложил свой исполненный темного смысла стих:

Над чем не властен тлен, то не мертво, Смерть ожидает смерть, верней всего.

Мне следовало бы знать, что у арабов есть веские основания обходить безымянный город стороной. О, этот город, породивший множество легенд! Никто из людей не может похвалиться тем, что видел его воочию. Да, мне следовало бы послушать арабов, однако я пренебрег их советами и, оседлав верблюда, отправился в пустыню. И добился своего: я единственный зрел безымянный город, и оттого на лице моем навеки запечатлелся страх, оттого я вздрагиваю, когда по ночам хлопает ставнями ветер. Я набрел на него, застывшего в ненарушимой тишине бесконечного сна; он явился мне в холодных лучах луны среди пышущей жаром пустыни. Глядя на него, я понял: моя радость от того, что поиски увенчались успехом, куда-то улетучилась; я расседлал верблюда и решил дожидаться рассвета.

Час проходил за часом. Наконец небо на востоке посерело, звезды померкли в свечении розовой полосы с золотой каймой. И тут я услышал стон. Должно быть, несмотря на то что небосвод был чистым, а в воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения, мне угрожала опасность быть застигнутым песчаной бурей. Внезапно над дальним краем пустыни возникла ослепительная кромка солнечного диска. На какое-то мгновение его заволочло взвихренным песком, и мне, в моем смятенном состоянии, почудилось, будто из неведомых глубин донесся мелодичный звон. Он словно приветствовал светило, подобно Мемнону на нильских берегах. Кое-как обуздав разыгравшееся воображение, я повел верблюда к городу, который не видел никто, кроме меня.

Я долго бродил по развалинам, не находя ни изваяний, ни надписей, которые рассказали бы мне о тех людях – людях ли? – что построили в незапамятные годы этот город и жили в нем. В самой древности места было нечто нездоровое, и мне хотелось отыскать хотя бы одно свидетельство того, что этот город – творение человеческих рук. Его руины отличались такими пропорциями и размерами, что показались мне поистине странными, если не сказать больше. Я прихватил с собой кое-какой инструмент, а потому принялся за раскопки внутри обвалившихся зданий. На первых порах ничего интересного мне не попадалось. Потом, вместе с лунной ночью, возвратился холодный ветер; он принес с собой страх, и я не осмелился остаться на ночевку в пределах городских стен. Только я пересек незримую границу, за моей спиной

⁴ Перевод Дениса Афиногенова

взвился и пронесся по серым камням смерчрик, который взялся неизвестно откуда – ведь на небе ярко светила луна, а пустыня хранила величественный покой.

Проснулся я на рассвете и с немалым облегчением, ибо ночь напролет меня донимали кошмары. В голове моей звучал металлический звон. Над безымянным городом бушевала песчаная буря, сквозь пелену которой виднелось багровое солнце, но вокруг все было по-прежнему тихо и спокойно. Выждав, пока она утихомирится, я вновь устремился к обломкам седой старины, что едва проступали из-под песка, укрывавшего их исполинским ковром, и потратил все утро на бесплодные поиски реликвий древнего народа. В полдень я передохнул, а после долго ходил по засыпанным улицам и пробирался вдоль крепостных стен, нанося на карту местонахождение почти исчезнувших строений. Я установил, что город и впрямь был когда-то велик, восхитился его былым могуществом и попробовал вообразить себе чудеса, которых он был полон в минувшие дни и которых не застала даже Халдея. Мне почему-то вспомнился обреченный Сарнат, гордость человечества и столица края Мнар, я подумал о вырубленном из серого камня Ибе, который существовал за много тысячелетий до появления на свете людей.

Совершенно неожиданно для себя я вышел к выступавшей из-под песка скале. Меня охватил восторг, ибо я наконец-то увидел то, что предвещало, как мне хотелось верить, обнаружение следов, оставленных загадочными жителями города. В скале имелось отверстие – наверно, то был вход в храм, где скрываются тайны эпохи, слишком от нас далекой, чтобы мы могли назвать ее по имени. Скорее всего, на поверхности невысокого утеса высечены были буквы или фигуры, однако песчаные бури потрудились на славу: камень на ощупь был ровным и гладким.

Рядом виднелись и другие отверстия, но я остановил свой выбор на том, какое попало мне на глаза первым. Раскидав лопатой песок у входа и прихватив с собой факел, я заполз в мрачный ход, который вывел меня в пещеру, очевидно служившую когда-то храмом и содержавшую предметы, что принадлежали, по-видимому, тем, кто молился тут еще до того, как пустыня стала пустыней. Я различил примитивные алтари, колонны, странно невысокие ниши, многочисленные камни, чья причудливая форма свидетельствовала о том, что их касался инструмент каменотеса, но не заметил ни фресок, ни статуй. Своды пещеры были весьма низкими – я едва мог выпрямиться, даже стоя на коленях, – однако стены отстояли друг от друга на столь значительное расстояние, что свет моего факела выхватывал из мрака лишь крохотную часть скалистого грота. Продолжая осматриваться, я невольно вздрогнул: некоторые алтари своим видом наводили на мысль об ужасных, неопикуемых древних обрядах и вынуждали задуматься над тем, какие же существа приходили некогда молиться в этот храм. Удовлетворив любопытство, я выбрался наружу; мне хотелось до наступления темноты заглянуть в соседние отверстия.

Над руинами уже сгущались сумерки, однако, будучи человеком любознательным – тем более мое воображение было подстегнуто открытием храма в скале, – я переборол страх и не стал убегать от длинных лунных теней, которые так напугали меня накануне. Расчистив другой вход, я взял новый факел и заполз туда. Внутри я нашел камни и алтари, как две капли воды схожие с теми, какие находились в первой пещере. Своды этой были такими же низкими, однако остальными размерами она сильно уступала гроту, с которого я начал осмотр, и заканчивалась узким коридором: вдоль стен его выстроились во множестве загадочные ковчеги. Едва я приблизился к ним, мое внимание привлек донесшийся снаружи звук, в котором я узнал крик своего верблюда; животное словно звало на помощь, и я поспешил к нему, гадая, что могло вселить в него страх.

На небе сияла луна, заливая призрачным светом руины, над которыми висела густая пелена песка, поднятого в воздух резким, но, судя по всему, постепенно стихающим ветром. Я догадался, что именно порывы ветра и обеспокоили верблюда, и собирался уже отвести животное в укрытие понадежнее, когда мой взгляд отметил некую маленькую несообразность в окру-

жавшем меня пейзаже: на вершине утеса, у которого я стоял, ветра как будто не было. Я изумился и где-то даже испугался, но тотчас припомнил те ветры, что буйствовали над городом на рассвете и на закате, и решил, что подобное здесь в порядке вещей. Мне подумалось, что диковинный ветер вырывается, должно быть, из какой-нибудь трещины в скале, и я направился на ее поиски, ориентируясь по свеженаметенному песчаному гребню. Вскоре я разглядел впереди черный зев отверстия – наверно, проход в еще один храм. Отворачивая лицо от так и норовящего попасть в глаза песка, я подошел поближе. В глубине отверстия виднелись очертания полуприсыпанной двери. Я попробовал было открыть ее, но ледяной ветер, что дул из щели под нею, чуть было не загасил мой факел. Завывая и постанывая, вихрь ворошил песок и швырял его во все стороны. Через какое-то время напор ветра ослабел, песчаная пелена малопомалу развеялась и все успокоилось. Тем не менее мне чудилось, будто по древнему городу разгуливает призрак минувших дней, будто луна вдруг подернулась рябью, словно была собственным отражением в неких бурливых водах. Мне было страшно, однако не настолько, чтобы я забыл о своей жажде чудесного. И, стоило лишь ветру улечься окончательно, я проник за ту дверь, из-под которой он рвался на волю.

Я очутился в очередном храме, который, впрочем, был обширнее любого из тех, в каких я успел побывать раньше, и являлся, похоже, – ибо как раз в нем томился взаперти подземный вихрь – естественной пещерой. Оказавшись внутри, я без труда выпрямился в полный рост, но алтари здесь были ничуть не выше, чем в прочих храмах, стены и потолок пещеры наконец-то явили моему взору образцы живописи тех, кто населял когда-то безымянный город. Я различил причудливые ломаные линии; краски, которыми нанесены были изображения, поблекли от времени, а кое-где попросту исчезли заодно с обратившимся в крошево камнем. На двух алтарях я разглядел затейливую, искусную резьбу. Меня переполнял восторг. Я поднял факел над головой и взглянул на потолок: мне показалось, он слишком уж ровный, чтобы быть естественным образованием. Неужели и к нему приложили резцы древние каменотесы? Если так, то они, надо признать, обладали солидным инженерным опытом.

Внезапно пламя факела сделалось ярче, и в его свете я увидел то, что разыскивал, – отверстие колодца, который уходил в бездну, откуда дул ледяной ветер. Когда я присмотрелся к нему, мне стало нехорошо, ибо оно было явно искусственного происхождения. Опустив в него факел, я разглядел круто уводивший вниз коридор со множеством крохотных каменных ступенек. Эти ступени будут мне сниться до конца моих дней, ибо теперь я знаю, куда они ведут. Они были столь крохотными, что поначалу я принял их за простые зарубки в стене колодца для облегчения спуска. Меня одолевали безумные мысли, предостережения арабских пророков вновь зазвучали в моем мозгу, их слова как будто долетели до меня через пустыню из тех земель, где обитают люди, которые не смеют даже грезить о безымянном городе. Однако, помедлив всего лишь какой-то миг, я пробрался сквозь отверстие и поставил ногу на верхнюю ступеньку.

Спуск, подобный тому, который совершил я, может привидеться человеку разве что в снах, навеянных наркотиками, или в горячем бреде. Факел, который я держал над головой, бессилен был рассеять мрак, что царил в узком стволе колодца. Я потерял счет времени, я забыл про часы на руке, я испугался, подумав о расстоянии, которое уже преодолел. Крутизна колодца и его направление постоянно менялись; раз я очутился в протяженном коридоре с низким потолком и вынужден был ползти по каменному полу ногами вперед, волоча за собой факел, ибо свод буквально нависал надо мной, и я не мог даже встать на колени. Потом снова пошли ступени. Я по-прежнему карабкался по ним, когда мой факел погас. Не думаю, чтобы я тогда обратил на это внимание, поскольку, помнится, все еще держал его над головой, словно он продолжал гореть. По правде сказать, томление по загадочному и таинственному, которое превратило меня в скитальца и охотника за древними чудесами, порой сказывалось на моем рассудке.

Во мраке перед моим мысленным взором возникали драгоценности из моего собрания демонических знаний: отрывки из творения безумного араба Альхазреда, апокрифические кошмары Дамаскина, кощунственные строки бредового «*image du Monde*»⁵ Готье де Меца. Я бормотал их себе под нос, я припомнил Афрасиаба и бесов, что уволокли его вниз по Оксу, я произносил нараспев одну и ту же фразу из повести лорда Дансени: «...глухая тьма бездны». Когда же спуск сделался поистине умопомрачительно крутым, я принялся декламировать Томаса Мура:

Вода чернела в глубине
Подобьем ведьминской отравы,
В которую кладутся травы,
Что полнолунием налиты.
Я наклонился над обрывом
И, в нетерпении своем,
Узрел такое с высоты:
На берегу, как слизи ком,
Трон Смерти высился кичливо,
Бросая тень на все кругом...

Время полностью перестало для меня существовать, но тут мои ноги нащупали ровную поверхность, и я обнаружил, что нахожусь в пещере, немногим более высокой, нежели те два храма, которые остались где-то там, наверху. Стоять я все-таки пока не мог, зато мне удалось сесть на колени, и в этом положении я стал осматриваться. Пещера представляла собой узкий проход, заставленный деревянными сундуками с передней стенкой из стекла. Подивившись тому, как могли оказаться в подземелье полированное дерево и стекло, я зябко передернул плечами. Сундуки располагались вдоль стен, на равном удалении друг от друга, они были прямоугольными, слегка вытянутыми в длину и до отвращения походили своими размерами и формой на гробы. Попытавшись сдвинуть парочку из них с места, я выяснил, что они надежно закреплены.

Проход уходил дальше во тьму, и я, присев на корточки, заковылял по нему «гусиным шагом». Наблюдай кто-нибудь за мной со стороны, моя походка наверняка привела бы его в ужас. Я наклонялся то вправо, то влево, чтобы убедиться, что сундуки – а следовательно, и стены – по-прежнему сопровождают меня. Человек настолько привык мыслить образами, что я почти забыл о темноте и рисовал в воображении бесконечный коридор из дерева и стекла таким, каким мне хотелось его видеть. И тут, на единый, потрясающий миг я увидел его в действительности.

Я не могу точно определить момент, в который фантазия слилась с реальностью. Впереди неожиданно замерцал свет. Я понял, что различаю свод над головой; неведомое подземное свечение выхватывало из мрака черные прямоугольники сундуков. Некоторое время все было так, как я себе воображал, поскольку свет сочился из скрытого источника прямо-таки по капле. Но, приближаясь к нему, я постепенно начал сознавать, что моему воображению не доставало размаха. Эта пещера разительно отличалась от грубых храмов безымянного города, она была настоящим памятником великого и совершенно необычного искусства. До невероятия правдоподобные, поражающие своей фантастичностью изображения и узоры на стенах создавали цельную картину, буйство красок которой невозможно передать словами. Древесина сундуков была странного золотистого цвета, а из-за стеклянных перегородок таращились на меня мумии существ, чье уродство не поддавалось никакому описанию.

⁵ «Образ мира» (*фр.*).

В видовом отношении они принадлежали к рептилиям, в них было что-то то ли от крокодила, то ли от тюленя; в общем, такое наверняка не снилось ни одному натуралисту или палеонтологу. Они были примерно по плечу рослому человеку, их передние лапы заканчивались удивительно похожими на человеческие ладонями. Но диковиннее всего были их головы, вид которых сокрушал всякие понятия о биологических принципах. Их не с чем было сравнить; впрочем, я одновременно подумал о кошке, бульдоге, мифическом сатире и потомке Адама. У самого Юпитера не было столь огромного, выдающегося лба; рога, отсутствие носа и крокодиля пасть помещали этих существ в разряд неизвестных науке. Я засомневался было в подлинности мумий, подозревая, что они – всего лишь жалкие куклы, но потом пришел к выводу, что вижу перед собой истинных палеолитных тварей, населявших когда-то безымянный город. Словно для того, чтобы лишний раз подчеркнуть их безобразие, они в большинстве своем были облачены в роскошные одеяния с украшениями из золота, самоцветов и каких-то неведомых сверкающих металлов.

Должно быть, эти ползучие бестии при жизни были важными персонами – на покрытых фресками стенах и потолке им отведено было главное место. Безвестный художник с неподражаемым мастерством изобразил их мир, в котором у них были города и сады под стать их размерам. У меня вдруг мелькнула шальная мысль: а что, если живописная история аллегорична и повествует на деле о развитии того народа, который чтит рептилий как богов? Быть может, они были для жителей безымянного города тем же, чем волчица для Рима и тотемное животное – для какого-нибудь индейского племени.

Исходя из такого предположения, я принялся изучать фрески – эпос безымянного города, легенду о могучей морской метрополии, что владовала над миром задолго до того, как поднялась из океанских вод Африка. Я узнал о том, как она сражалась за выживание; ведь море отступало, а пустыня подбиралась все ближе к плодородной долине, в которой она стояла; о войнах и победах, горестях и поражениях, о той поре, когда тысячам горожан, иносказательно представленных на рисунках в образе гротескных рептилий, пришлось прорубать сквозь скалы путь в земные недра – к новому миру, о котором вещали им пророки. Фрески были выполнены в весьма натуралистичной манере. Кстати сказать, на них был показан тот колодец, по которому я недавно спускался, прорисованный во всех подробностях: наличествовали даже боковые ответвления.

Пробираясь по коридору в направлении источника света, я не сводил взгляда с вереницы картин, что рассказывали об исходе народа, жившего в безымянном городе и его окрестностях на протяжении десяти миллионов лет, народа, душа которого не принимала расставания с землей, что дала когда-то приют кочевникам, за кое благодеяние они не переставали возносить ей хвалы в своих молитвах, творимых в скальных храмах. По мере усиления света я мог изучать рисунки более тщательно; по-прежнему считая рептилий аллегорическими существами, я задумался об установлениях и обычаях жителей безымянного города. Многие были мне непонятны. Цивилизация, знакомая с письмом, достигла, по всей видимости, более высокого уровня развития, нежели древний Египет или Халдея, однако мне не попалось еще на глаза ни единого изображения сцены смерти, за исключением тех, что относились к гибели в бою и тому подобным вещам. Почему они избегали запечатлеть смерть от старости? Невольно складывалось впечатление, что их существование определял идеал – вернее, иллюзия – бессмертия.

Ближе к концу коридора все чаще стали встречаться необычайно живописные и причудливые фрески – противоречащие друг другу виды развалин безымянного города в пустыне и новой обители, к которой вела прорубленная в скалах дорога. Город и пустыня постоянно изображались залитыми лунным светом: руины окружены были золотистой аурой, которая словно возрождала к жизни чудеса былого, столь мастерски переданные кистью художника, а пейзажи края обетованного были настолько хороши, что взгляд отказывался воспринимать их как правдивые; они рисовали непознанный мир, где царит вечный день, где много прекрас-

ных городов, высоких холмов и плодородных долин. На последней же фреске я усмотрел, как мне показалось, вырождение творческого гения. Рисунок был куда менее завораживающим и гораздо более странным, чем самые безумные из всех предыдущих. Древняя раса, похоже, вымирала, одновременно возрастала ее ненависть к миру наверху, из которого ее изгнала пустыня. Фигуры людей – опять-таки в образе священных рептилий – постепенно уменьшались, хотя на развалинах города они почему-то обретали прежний облик. Изнуренные жрецы – рептилии в роскошных одеяниях – проклинали верхний мир и тех, кто дышит его воздухом. В довершение всего живописец поместил в углу сцену расправы существ древней расы над обыкновенным человеком, судя по его наружности – дикарем из вековечного Ярема, города-колоннады. Я припомнил страх арабов перед безымянным городом и порадовался тому, что дальше стены и потолок коридора свободны от каких бы то ни было изображений.

Увлечшись изучением этой истории в картинках, я незаметно для себя самого приблизился к воротам, из-за которых и проникало в пещеру подземное свечение. Я осторожно подобрался к ним вплотную – и не смог сдержать изумленного восклицания. Я ожидал увидеть обширную, полную света залу, а вместо нее моим глазам предстала безбрежная пучина бледного сияния. Впечатление было такое, будто я гляжу с вершины Эвереста на освещенный солнцем облачный покров. За моей спиной находился проход, в котором я не мог даже распрямиться во весь рост, а впереди расстилалось необозримое море облаков.

От конца коридора уходила в бездну крутая каменная лестница, ступени которой сильно напоминали те, по каким я спустился в подземелье. Через один или два пролета она терялась в мерцающей дымке. Дверь, преграждавшая доступ в коридор – массивная, бронзовая, чудовищно толстая, украшенная замысловатой резьбой, – была распахнута настежь. Закрытая, она, по-видимому, напрочь отделяла подземный мир света от колодцев и ходов в скале. Я поглядел на ступени и не сумел принудить себя встать на первую из них; я коснулся бронзовой двери – и не смог сдвинуть ее с места. Я опустился на каменный пол, голова моя шла кругом от лихорадочных мыслей, унять которые бессильно было даже мое утомленное состояние.

Лежа с зажмуренными глазами и пытаюсь рассуждать здраво, я почему-то вспомнил фрески и заново переосмыслил то, что было на них изображено – безымянный город в пору своего расцвета, плодородные земли вокруг, дальние края, до которых добирались его купцы. Аллегория с рептилиями озадачивала меня и сбивала с толку; я не переставал гадать, чем их наружность так расположила к себе неведомого древнего художника. На фресках безымянный город выглядел так, словно его строили именно для рептилий. Каковы же были его размеры в действительности? И тут мне на память пришли некоторые несоответствия, подмеченные мною в развалинах, то бишь необычно низкие своды пещерных храмов и пробитого в скалах коридора. Может статься, их вытесали такими из уважения к рептилиям, которых почитали как богов? Быть может, суть религиозных обрядов заключалась в ползании на животе в подражание божествам? Однако тотчас подумалось мне, что никакая религиозная теория не способна объяснить, почему потолки горизонтальных подземных проходов ничуть не выше потолков в храмах наверху – даже ниже, ведь, находясь под землей, я какое-то время не мог встать и на колени. При мысли о ползучих тварях, чьи мумии остались у меня за спиной, я вновь испытал страх. Рассудок порой приходит к поистине невероятным выводам: я содрогнулся, ибо неизвестно с чего решил вдруг, что я – второй в этом подземелье с его реликтами после того разорванного на куски дикаря.

Однако, как всегда и бывает, радостное изумление помогло мне совладать со страхом. Пучина являла собой загадку, достойную внимания величайших исследователей. Глубоко внизу, под облаками, лежал таинственный мир, к которому вела каменная лестница. Я надеялся отыскать там людей, изображения которых мне так и не встретились на фресках коридора, хотя на них выписаны были величественные города и цветущие долины низинного мира.

Разыгравшееся воображение манило к грандиозным руинам, которые, должно быть, поджидали меня у конца лестницы.

Страхи мои относились скорее к прошлому, нежели к будущему. Весь ужас моего положения – один, простертый на полу подземного коридора, полного мертвых рептилий и допотопных фресок, заплутавший в недрах планеты, наткнувшийся случайно на мерцающую бездну, – не шел ни в какое сравнение с леденящим душу трепетом, который охватывал меня, стоило мне взглянуть в бездонный провал. Со всех сторон меня окружала немислимая древность; возраст каменных алтарей и прочих предметов попросту не поддавался исчислению, а на части стенных фресок изображены были давно исчезнувшие из человеческой памяти океаны и континенты – лишь изредка мне на глаза попадались смутно знакомые очертания. Теперь уже никто не расскажет, что случилось с пришедшей в упадок расой ненавистников смерти с той поры, как была написана последняя картина в коридоре. Да, прежде эти пещеры и переливчатая бездна исполнены были жизни, а ныне я оказался наедине с пережившими века реликвиями, что несли на протяжении тысячелетий неусыпный и никому не нужный дозор.

Внезапно на меня в очередной раз обрушился страх – признаться, он и не отпускал меня с того самого мгновения, когда я впервые узрел мертвую долину и залитый лунным светом безымянный город. Пересилив усталость, я кое-как сел и уставился на черный проход, что выводил к вертикальному колодцу с зарубками для рук и ног. Я испытывал чувство, которое было сродни тому, что гнало меня под вечер прочь из развалин безымянного города, – необъяснимое, сосущее чувство. В следующий же миг я был буквально потрясен звуком, что нарушил могильную тишину подземного царства. Это был низкий и протяжный стон, какой, верно, издают проклятые духи, и исходил он оттуда, куда был устремлен мой взгляд. Он становился все громче, под сводом коридора загудело эхо, и я ощутил нарастающий напор холодного воздуха, который проникал сюда откуда-то сверху. Дуновение ветра благотворно повлияло на мое сознание, восстановив способность мыслить ясно и здраво, и я сразу же вспомнил те порывы, которые на рассвете и на закате взметали песок над руинами города; один из них привел меня ко входу в подземелье. Я посмотрел на часы и увидел, что приближается рассвет, а потому постарался вжаться в стену, чтобы ветер, который возвращался домой с ночной прогулки, не увлек меня за собой. Мой страх улегся, ибо природный феномен вряд ли имел что-либо общее с занимавшей меня загадкой.

Ветер задувал все сильнее, с воем отыскивая дорогу в низинный мир. Я вцепился в камень, опасаясь, что неудержимый поток воздуха швырнет меня в сверкающую бездну. По правде сказать, я никак не ожидал от ветра подобной ярости; чувствуя, что меня таки волочет к пропасти, я рисовал себе свое будущее в самых мрачных тонах. Злобствование вихря пробудило уснувшие было фантазии: я вновь принялся сравнивать себя с единственным человеком, побывавшим здесь раньше моего – с тем несчастным разорванным на куски дикарем, – ибо мне чудилось, я улавливаю в неистовстве ветра некое мстительное исступление; впрочем, в его буйстве ощущалось – до известной степени – осознание собственного бессилия. Кажется, в конце концов я закричал и был на грани безумия, но если и так, мои вопли заглушили душераздирающие стоны невидимых призраков, что мчались по коридору на крыльях вихря. Я попробовал ползти обратно, но скоро убедился в бесплодности своих усилий. Меня влекло к краю пропасти. Должно быть, рассудок мой не выдержал, ибо я начал бормотать себе под нос тот стих безумного араба Абдулы Альхазреда, который он сложил, грезя о безымянном городе:

Чему не страшен тлен, то не мертво.

Смерть ожидает смерть, верней всего.

Лишь мрачные боги пустыни знают, что произошло на самом деле, что было со мной в темноте и кто вернул меня к жизни, до конца которой мне суждено содрогаться от воспоминаний, подступающих ко мне с первыми завываниями ночного ветра. Оно было чудовищным

в своей громадности, это существо, настолько невообразимое, что верить в него можно только в те жуткие предрассветные часы, когда, как ни старайся, все равно не удастся заснуть.

Я упомянул уже о том, что ярость вихря была поистине демонической – вернее, бесовской – и что в вое его словно обрела голос неутоленная злоба низвергнутых божеств. Постепенно я будто бы стал различать отдельные осмысленные звуки. Снизу, из гробницы неизмеримо древних реликвий, что располагалась на дне кошмарной бездны, донеслись рычание и лай. Обернувшись, я увидел на фоне сверкающего облачного покрыва то, чего нельзя было разглядеть в сумраке коридора: орду омерзительных демонов, разгневанных, причудливо одетых, наполовину прозрачных тварей, чей облик говорил сам за себя – ползучих рептилий безымянного города!

Ветер утих, и я погрузился в населенную призраками тьму земных недр. Огромная бронзовая дверь захлопнулась с оглушительным звоном, эхо которого устремилось в наружный мир, чтобы приветствовать солнце, как приветствует его с нильских берегов величавый Мемнон.

Собака⁶

В моем измученном мозгу непрерывно звучит шум рассекаемого со свистом воздуха, хлопанье крыльев и отдаленный, глухой лай гигантской собаки. Это не сон и, боюсь, даже не безумие. Слишком много случилось за последнее время, чтобы можно было предаваться утешительным иллюзиям.

Сент-Джон теперь – изуродованный труп, и только я знаю, как все произошло. Это чудовищно, и я схожу с ума от страха, что и со мной случится такое же. Из таинственных и бесконечных коридоров непознаваемого медленно надвигается темная и бесформенная фигура Немезиды, которая неотвратимо толкает меня к самоубийству.

Боже, прости нашу глупость и нездоровое любопытство, приведшие нас к столь плачевной судьбе! Уставшие от скуки прозаического мира, где быстро приедаются даже любовные утехы и приключения, мы с Сент-Джоном с азартом включились в интеллектуалистскую жизнь, примыкая то к одному, то к другому эстетическому направлению в надежде одолеть завладевшую нами скуку. На некоторое время нас увлекли загадки символистов и экстазы прерафаэлитов, но со временем мы пресытились ими – они, как и многое другое, потеряли для нас интерес и новизну.

Оставалась надежда на мрачную философию декаданса, но и тут потребовалось все глубже погружаться в ее демонические тайны. Вскоре и Бодлер, и Гюисманс утратили для нас свою остроту, и тогда стало ясно, что удовлетворить нашу ненасытность может только собственный опыт в потусторонних сферах бытия. Эта склонность и привела нас к гнусному занятию, о котором я и сейчас, пребывая в состоянии непрерывного кошмара, вспоминаю со страхом и замиранием сердца. Мы дошли до предела человеческого падения, предавшись отвратительному пороку – грабежу и осквернению могил.

Я не могу поведать все подробности наших чудовищных экспедиций, так же как и перечислить, хотя бы частично, зловещие трофеи, разместившиеся в безымянном музее большого каменного дома, где мы жили вдвоем, обходясь без помощи слуг. Наш музей был богохульственным, не поддающимся описанию местом, где мы с сатанинским, невротическим искусством воссоздавали мир тления и ужаса, призванный будоражить наши угасающие чувства. Музей содержался в глубочайшей тайне и размещен был под землей. Там огромные крылатые демоны, выточенные из базальта и оникса, извергали из оскаленных пастей причудливый зеленовато-оранжевый свет, а скрытые пневматические трубы, обтянутые красным материалом и сплетенные в причудливые траурные узоры, прятались в тяжелых портьерах. По этим трубам к нам подавались соответствующие нашему настроению запахи. Иногда это был аромат увядших погребальных лилий, иногда – дурманящий запах восточных благовоний, воскуряемых в царственных усыпальницах, иногда – как тяжело вспоминать! – зловонный запах свежеразрытой могилы, от которого захватывало дух.

Вдоль стен зловещего зала стояли застекленные стенды с античными мумиями, чередовавшимися с благопристойными и жизнеподобными творениями современного таксидермиста, а также могильные камни со старейших кладбищ Земли. Ниши заполняли черепа и заспиртованные головы в разной стадии разложения. Здесь можно было увидеть и сгнившую лысую главу какой-нибудь знаменитости, и нежные, чистенькие головки младенцев.

Статуи и картины обязательно должны были нести в себе демоническое начало, некоторые из них являлись нашими собственными творениями. В папке из человеческой кожи хранились неизвестные широкой публике диковинные рисунки, которые, как гласила молва,

⁶ Перевод Валерии Бернацкой

нарисовал сам Гойя, не осмелившийся, однако, признаться в авторстве. Здесь же хранились и отталкивающего вида музыкальные инструменты – струнные, медные и деревянные духовые, – из которых мы с Сент-Джоном извлекали чудовищные, поразительной гнусности диссонансы. В многочисленных горках из черного дерева размещались наши трофеи, добыча из ограбленных могил – немыслимое собрание, следствие нашего безумия и извращенности. Впрочем, не стоит говорить об этой коллекции, слава Богу, у меня хватило мужества уничтожить ее задолго до того, как я решил покончить с собой.

Хищные набеги, принесшие эти сокровища, всегда обставлялись нами как незабываемое эстетическое действо. В отличие от заурядных кладбищенских воров, мы шли на дело при соответствующем настроении, когда нас удовлетворяли пейзаж, обстановка, погода, время года, насыщенность лунного света. Эти вечера являлись для нас изощреннейшей формой эстетического переживания, и мы тщательно продумывали мельчайшие детали предстоящей операции. Неурочное время, резкая вспышка света или липнущая к лопате сырая земля могли охладить экстатическое возбуждение, неизменно охватывавшее нас, когда земля отдавала нам свои зловещие тайны. Наша тяга к новым местам, к острым ощущениям становилась все более страстной и ненасытной. Сент-Джон был всегда заводилой, он-то впервые и упомянул об этом зловещем, проклятом месте, навлекшем на нас ужасную и неотвратимую кару.

Какой злой рок заманил нас на мрачное голландское кладбище? Начало, я думаю, положили темные легенды, в которых говорилось о похороненном там пятьсот лет назад человеке, тоже промышлявшем на кладбищах и укравшем из богатой гробницы могущественный талисман. Я хорошо помню последние мгновения перед тем, как мы вонзили лопаты в могильную землю. Стояла осень. Бледный свет луны освещал могилы, отбрасывая длинные жуткие тени. Призрачные деревья угрюмо клонились долу, почти касаясь нескошенной травы и вязкой грязи. Сонмища на редкость крупных летучих мышей носились в лунном свете. Старинная, заросшая плющом церковь устремляла свой шпиль ввысь, как указующий перст. А в отдалении, под тисом, светлячки плясали в воздухе, похожие на догорающие угольки. Ночной ветер доносил до нас вместе с запахом трав и могильной плесени дыхание дальних болот и моря. Но более всего тревожил отдаленный, глухой лай огромной собаки; мы ее не видели и не понимали, где она может находиться. Услышав леденящие душу звуки, мы вздрогнули, вспомнив рассказы крестьян: тот, кого мы разыскивали, погиб на этом самом месте, разорванный в клочья страшным зверем.

Помню, как мы разрывали могилу грабителя, взволнованные неповторимостью мгновения. Еще бы! Призрачный лунный свет, тревожные тени, пугающие контуры деревьев, огромные летучие мыши, танцующие во тьме угольки, тлетворные запахи, жалобный стон ветра и странный приглушенный лай, о котором мы с сомнением думали: не чудится ли он нам?

Наконец наши лопаты стукнулись о что-то твердое. Перед нами был сгнивший продолговатый ящик, покрытый твердой коркой из минеральных солей, отложившихся на нем за долгие годы пребывания в никем еще не потревоженной земле. Налет придавал ему массивность и прочность. Мы с невероятным трудом открыли его и с любопытством впились взглядом в его содержимое.

Просто невероятно, до чего хорошо сохранился скелет мертвеца, несмотря на прошедшие пять веков: повреждения виднелись лишь в тех местах, где его коснулись мощные челюсти убийцы. Мы с восхищением разглядывали чистый череп со странно удлиненными белыми зубами, пустые глазницы – бывшее вместилище глаз, горевших тем же ненасытным огнем, что и наши. В гробу лежал также странный, экзотического вида амулет, который покойник, видимо, носил на шее. Это было гротескное изображение припавшей к земле крылатой собаки, или же сфинкса с полусобачьей мордой, выточенное в старинной восточной манере из небольшого кусочка зеленого нефрита. Отвратительные черты этого гнусного существа говорили о жестокости и злобе, в них таилась сама смерть. Понизу была выгравирована надпись на неизвестном

ни Сент-Джону, ни мне языке, а на тыльной стороне вместо клейма мастера – зловещий череп с фантастическим орнаментом.

Лишь взглянув на амулет, мы уже знали, что он должен принадлежать нам. Не зря мы разрыли древнюю могилу, это сокровище стоило того. И хотя его символика была нам непонятна, мы все же решили оставить амулет себе. Впрочем, после тщательного осмотра кое-какие догадки у нас на сей счет появились. Об этой вещи, конечно, не найти ничего в том искусстве и той литературе, которыми интересуются добропорядочные и психически уравновешенные люди. Мы же признали в нем таинственный знак, о коем туманно говорит в своем «Некрономиконе» безумный араб Абдула Альхазред. Амулет указывал на принадлежность к культуре пожирателей трупов в недоступном Ленге, расположенном в Центральной Азии. Зловещие контуры самого чудовища также соответствовали описанию старого арабского демонолога. По его словам, они соответствуют метафизической сущности душ тех людей, которые, презрев таинство смерти, пожирают мертвую плоть. Сняв с мертвеца амулет, мы бросили последний взгляд на его выбеленные временем кости и зияющие глазницы, а затем закидали могилу землей, поставившись придать ей прежний вид. Сент-Джон положил украденный амулет в карман, и мы заторопились прочь от зловещего места. Но не успели мы удалиться, как летучие мыши стали усаживаться на оскверненную и ограбленную могилу, словно бы в поисках нечистой, проклятой пищи. Осенний свет луны был, впрочем, настолько тусклым, что нам могло померещиться.

Когда на следующий день мы отплывали из Голландии домой, до нашего слуха вновь донесся глухой далекий лай гигантской собаки. Но и в этом мы не были уверены, ведь осенний ветер завывал так заунывно, что смахивал на протяжный вой.

Меньше чем через неделю после возвращения в Англию в нашем доме стало происходить что-то странное. Надо сказать, жили мы как отшельники в старинном замке, расположенном в болотистом уединенном месте, без друзей и слуг, и посетители редко стучали в наши двери.

Теперь же по ночам нас часто беспокоили какие-то шорохи у дверей и за окнами, причем не только первого, но и второго этажа. Однажды при свете луны нам показалось, что огромное темное тело заслонило окно библиотеки, а в другой раз мы готовы были поклясться, что слышали неподалеку шум и хлопанье больших крыльев. Поиски каких-либо следов ни к чему не привели, и мы были склонны все приписать нашему расстроенному воображению, вспомнив, как на голландском кладбище нам послышался далекий глухой лай. Нефритовый амулет нашел себе пристанище в одной из ниш музея, иногда мы воскуряли там экзотические благовония. Из «Некрономикона» Альхазреда мы многое узнали о его свойствах, а также об отношении к нему духов, чью сущность он символизировал, и то, что мы узнали, наполнило наши души страхом. А затем наступил кошмар.

В ночь на двадцать четвертое сентября 19... года я услышал стук в свою дверь. Полагая, что это Сент-Джон, я пригласил его войти, но в ответ услышал резкий смех. В коридоре было пусто. Я разбудил Сент-Джона, который, конечно же, ничего не слышал, но встревожился так же, как и я. В эту ночь мы опять услышали глухой далекий лай, доносящийся с болот, и на этот раз никаких сомнений в его реальности у нас не возникло.

Спустя четыре дня, когда мы находились в музее, у единственной ведущей из библиотеки двери послышалось осторожное царапанье. А надо сказать, теперь у нас появился, помимо страха перед неведомым, еще один повод для беспокойства: наша чудовищная коллекция получила нежелательную огласку. Что-то метнулось от нас, и мы услышали удаляющийся скрип, хихиканье и довольно внятное бормотание. Что это: безумие, бред, явь? Случившееся повергло нас в полную растерянность, в одном лишь не приходилось сомневаться: в бормотании – о ужас! – ясно различались отдельные слова на голландском языке.

Все последующие дни мы жили в атмосфере постоянно нагнетаемого необъяснимыми явлениями страха. Оставалось гадать, не помутился ли у нас обоих рассудок из-за наших противоземных утех. А может, нами все это время играл неумолимый и неотвратимый рок?

Меж тем зловещие предзнаменования случались все чаще: в нашем уединенном замке несомненно поселилось некое злобное создание, чью природу мы никак не могли уяснить, а каждую ночь ветер доносил с болот все более отчетливый дьявольский лай. Двадцать девятого октября мы обнаружили под окном библиотеки следы неизвестного существа, хорошо отпечатавшиеся на сырой земле. Они чрезвычайно озадачили нас, так же как и неизвестно откуда взявшиеся стаи крупных летучих мышей, заполонивших в последнее время замок.

Этот кошмар достиг своего апогея восемнадцатого ноября, когда некий дикий кровожадный зверь напал на возвращавшегося поздно вечером с железнодорожной станции Сент-Джона и растерзал его. Услышав предсмертные вопли своего друга, я бросился на помощь, но успел увидеть лишь взметнувшийся в лунном свете темный, неясный силуэт и шум крыльев.

Мой друг умирал и не мог связно отвечать на мои вопросы. Только и прошептал: «Амулет... проклятый амулет».

Затем испустил дух – безжизненная грудa истерзанной плоти.

В следующую полночь я похоронил Сент-Джона в нашем запущенном саду, пробормотав над телом его одно из тех дьявольских заклинаний, которыми он так увлекался при жизни. При последних словах с болота донесся глухой лай огромной собаки. Луна уже взошла, но я долго не осмеливался оглянуться в ту сторону, откуда слышался лай. Когда ж увидел, как в тусклом свете огромная неясная тень прыгает по болоту с кочки на кочку, зажмурился и упал лицом в траву. Не знаю, сколько я так пролежал, но когда, шатаясь и все еще дрожа от страха, вернулся в дом, то немедленно дал себе перед амулетом из зеленого нефрита страшную клятву.

Жить одному в старинном замке на болотах мне было нелегко, и на следующий же день я сжег большую часть наших чудовищных экспонатов, закопал остальные и тут же переехал в Лондон, захватив с собой амулет. Однако на третью ночь я вновь услышал лай, а с конца недели мне повсюду мерещились устремленные на меня чьи-то глаза. Однажды, совершая вечернюю прогулку по набережной Виктории, я увидел на воде большую темную тень. В тот же миг сильный вихрь пронесся рядом со мной, и я понял, что не миновать мне судьбы Сент-Джона.

На следующий день я тщательно упаковал нефритовый амулет и отплыл в Голландию. Кто знает, смогу ли я рассчитывать на прощение, но сердце подсказывало: испробуй и это. Неизвестно, что за собака преследует меня и почему, но ведь не случайно мы впервые услышали ее лай на старом кладбище, да и все последующие события, в том числе и предсмертные слова Сент-Джона, говорили о том, что павшее на нас проклятье связано с кражей. Можете представить себе мое отчаяние, когда, прибыв в Роттердам, я обнаружил, что воры похитили у меня амулет – единственное средство к спасению.

Ночью собака лаяла особенно грозно, а утром я прочитал в газетах о таинственном происшествии в городских трущобах. Воровская чернь была в смятении, эти служители зла никогда еще не оказывались свидетелями столь жестокого и кровавого преступления. В одном из воровских притонов неизвестный ночной гость разорвал на куски всю семью и скрылся, не оставив никаких следов. Соседи вспоминали, правда, что всю ночь им слышался глухой, отдаленный лай, принадлежащий, по-видимому, гигантской собаке.

И вот я наконец снова стою на этом жутком погосте. Бледная луна так же мертвенно освещает все вокруг, а голые деревья мрачно склоняются к покрытой инеем траве и застывшим комьям грязи. Увитая плющом церковь высокомерно устремляет свой шпиль в недружелюбное небо, а ветер дует с замерзших болот и холодного моря, завывая, как маньяк. Лай еле слышался, а когда я приблизился к старой могиле, и совсем умолк. Именно эту могилу мы недавно осквернили и, объятые страхом, бежали отсюда прочь, оставив за собой огромную стаю летучих мышей, с любопытством круживших над могильным холмом. Не знаю, почему я прибыл сюда, а не стал молиться у себя дома, каюсь и испрашивая прощенья у покоящихся здесь безмолвных белых костей. Я бездумно вонзил лопату в полузамерзшую землю, во всех моих действиях почти отсутствовала воля – я как бы исполнял решение, принятое кем-то дру-

гим. Копалось легче, чем можно было предположить, и я отвлекся лишь однажды, когда из неприветливой небесной мглы стрелой спланировал худой как щепка ястреб и, смело усевшись на груды земли, начал что-то клевать. Я убил его ударом лопаты. Добравшись наконец до полу-сгнившего продолговатого ящика, отодвинул сырую, покрытую плесенью крышку. Это было мое последнее разумное действие.

Ограбленный нами скелет лежал в старом гробу, плотно окруженный чудовищной свитой из огромных, ширококрылых, крепко спящих летучих мышей. Теперь он не выглядел уже столь мирно, а был весь покрыт спекшейся кровью, кусочками мяса, вырванными клочьями волос. Скелет злобно глядел на меня светящимися во мгле пустыми глазницами, а потом ухмыльнулся, как бы предвидя мой неизбежный конец и обнажив при этом острые, выпачканные кровью клыки.

А когда из оскаленной пасти вырвался низкий злобный лай, который мог бы принадлежать крупной собаке, я увидел в мерзких зубах чудовища украденный и вновь обретенный амулет из зеленого нефрита. Я громко закричал и бросился как безумный прочь, и крики мои скоро перешли в истерический хохот.

Безумие разносится, как ветер... в течение веков клыки и зубы оттачиваются на трупах... кровью истекают жертвы среди вакханалии летучих мышей, живущих в руинах заброшенных храмов Велиара... Лай костлявого чудовищного мертвеца слышится все громче, все ближе шум и хлопанье проклятых крыльев, они как бы плетут паутину вокруг меня. Мне остается лишь поднести к виску пистолет – только он один может даровать забвение от того неведомого, чего никогда не познать человеку.

Праздник⁷

В ту пору я оказался далеко от дома. Меня не покидало очарование моря. В сумерках я слышал, как оно бьется о скалы, и знал наверняка, что море вон за тем холмом, на котором чернели в свете первых звезд причудливые силуэты ив. Я прибыл в древний город по зову предков и потому упрямо месил снежное крошево на дороге, что тянулась туда, где одиноко мерцал над деревьями Альдебаран, – в направлении старинного города, который я никогда не видел, но о котором так часто грезил.

Дело происходило в канун праздника, который люди именуют Рождеством, хотя в глубине души сознают, что он неизмеримо старше Вифлеема, Вавилона, Мемфиса и самого человечества. Да, в его канун добрался я наконец до старинного города у моря, где когда-то жили и справляли этот праздник мои предки... Они наказали нам блюсти родовой обычай: раз в сто лет мы должны были собираться на празднество и повторять друг другу слова древней мудрости. Мои предки прибыли сюда из южных краев, где цветут орхидеи; они говорили на чужом языке и лишь какое-то время спустя научились наречию голубоглазых рыбаков. С годами моя родня рассеялась по свету, объединяли нас теперь лишь семейные обряды и ритуалы, смысл которых был для постороннего непостижим.

С гребня холма я увидел Кингспорт, заиндеветый, заснеженный Кингспорт с его старинными флюгерами и шпилями, дымовыми трубами, пристанями и маленькими, будто игрушечными, мостиками; я различил кладбищенские ивы и величественную церковь, которой не посмело коснуться время. Мой взгляд заплутал в лабиринте узеньких улочек. Над выбеленными зимней стужей фронтонами и двускатными крышами парила на пыльных крыльях древность. В вечернем сумраке призывно светились фонари и окна, а в небе, окруженный вековечными звездами, сверкал Орион. В прогнившие доски причалов било море...

Поблизости от дороги возвышался еще один довольно-таки крутой холм. Приглядевшись, я понял, что на его вершине расположилось кладбище: черные надгробия выступали из-под снега призрачными когтями гигантского трупа. Дорога была пустынной, но иногда мне чудилось, будто я слышу негромкое поскрипывание – такое обычно издает виселица. К слову сказать, одного моего родича повесили где-то в окрестностях города за колдовство.

Дорога пошла под уклон. Я напряг слух, стараясь услышать отзвуки царящего в городе веселья, но все было тихо. Тут я вспомнил, какое на дворе время года, и решил, что местные жители могут праздновать Рождество по-своему – вдруг у них принято проводить праздничные вечера в молитвах у семейных очагов? Так что я бросил прислушиваться и поспешил вниз, мимо домиков, в окна которых горел свет, мимо засыпанных снегом каменных стен, туда, где раскачивались на ветру вывески лавок и таверн, где мерцали в тусклом свечении, сочившемся в щели между оконными занавесками, диковинные молоточки на дверях.

Поскольку я предварительно изучил карту города, мне было известно наверняка, где стоит дом моих родственников. Я рассчитывал, что меня узнают и примут достаточно радушно – ведь в маленьких городках легенды живут долго. А потому я пересек единственную в Кингспорте мощеную улицу, прошел с тыльной стороны рынка и вышел в нужный мне переулок. Старые карты не подвели...

Из окон нужного мне дома, седьмого по счету на левой стороне улицы, пробивался свет. Верхний этаж нависал над узкой улочкой, едва ли не упираясь во фронтон дома напротив. Подойдя поближе, я словно очутился в пещере. На низком крыльечке не было ни снежинки, к нему вела череда ступеней, дополненная железными поручнями. Общее впечатление было

⁷ Перевод Дениса Афиногенова

несколько странным; вдобавок я впервые попал в Новую Англию, а прежде ничего подобного мне видеть не доводилось. Сказать по правде, я бы чувствовал себя уверенней, если бы заметил хоть одного человека на городских улицах. Да и занавески на окнах, будем откровенны, не мешало бы раздернуть.

Притронувшись к архаичному дверному молотку, я испытал страх, которым был обязан отчасти собственным воспоминаниям, а отчасти – зимнему вечеру и неприветливой тишине, окутывавшей старый Кингспорт. Когда же на мой стук отозвались, я, признаться, струсил окончательно, ибо не слышал никаких шагов – дверь распахнулась словно сама собой. Но страх мой тотчас улегся, ибо в дверном проеме появился добродушного вида старик в халате и домашних шлепанцах. Пояснив жестом, что он – немой, старик начертил стилем на восковой дощечке, которую держал в руке, слова древнего приветствия.

Он провел меня в освещенную свечами комнату с низким потолком и скудной обстановкой. Для меня будто ожило прошлое, которое было тут полновластным хозяином. Неподалеку от очага стояла прялка, за которой пристроилась сутулая старушка в старинной шляпке. В комнате ощущалась сырость, и я подивился тому, что в очаге не горит огонь. Напротив вереницы занавешенных окон располагалась скамья, на которой, похоже, что-то лежало... Все окружавшее меня мне не нравилось, не внушало доверия, и в сердце мое снова закрался страх. Этот страх усиливало то, что раньше сумело его унять, ибо чем пристальнее вглядывался я в лицо старика, тем сильнее оно меня пугало. Глаза на нем словно застыли в неподвижности, а кожа уж чересчур смахивала на воск. В конце концов я решил, что это вовсе не лицо, а искусно выполненная маска. Старик написал, что нужно немного подождать, а потом меня отведут на праздник.

Указав на табурет возле стола с грудой книг, он вышел из комнаты. Я сел и принялся рассматривать книги. Среди них мне попались омерзительная «Демонолатрия» Ремигия и неопи-суемый «Некрономикон» безумного араба Абдулы Альхазреда – книга, которой я до сих пор не видел, но о которой многожды слышал (и, надо признать, отзывы были не слишком лестными). Со мной никто не заговаривал... Если честно, во всем этом – книгах, комнате, людях – ощущалось нечто нездоровое, тревожное; однако в город моих предков меня привел стародавний обычай, а потому я не должен был ничему удивляться. Я попробовал почитать и вскоре с головой ушел в богомерзкий «Некрономикон», содержание которого было поистине отвратительным для любого человека в здравом уме и твердой памяти... Затянувшееся ожидание действовало на нервы, а книга в руках усиливала беспокойство. Когда старинные часы пробили одиннадцать, вернулся старик. Он подошел к большому резному шкафу и извлек оттуда два плаща с капюшонами. Один надел сам, второй накинул на старуху и направился к двери, поманив меня за собой.

Мы вышли в безлунную ночь. Огни в занавешенных окнах гасли один за другим. Сириус ухмылялся в вышине, взирая на фигуры в плащах, что выстраивались в вереницы и маршировали мимо скрипучих вывесок и допотопных фронтонов, по переулкам, где громоздились друг на друга развалины, по площадям, по церковным дворам, на которых огоньки фонарей вдруг превращались в призрачные подобию небесных созвездий.

Я следовал за своим безмолвным проводником, меня толкали и пихали. Я не видел ни единого лица, не слышал ни единого слова. Вверх, вверх, вверх – по крутым извилистым улочкам; я заметил, что люди со всех сторон стекаются к месту, которое являлось как бы фокусом улиц и переулков, – на вершину высокого холма в центре города. На холме стояла устремленная в небо белая церковь, которую я различил еще с дороги, когда смотрел на сумеречный Кингспорт. Над кладбищем на церковном дворе мельтешили голубые искорки, открывая взору печальные ряды надгробий. Над гаванью мерцали звезды, а город словно растворился во мраке, лишь изредка мигали на улицах фонари – это торопились догнать процессию, которая уже вползала в церковь, немногочисленные опоздавшие. Переступив за стариком порог, я обер-

нулся, чтобы бросить последний взгляд на церковный двор, обернулся – и вздрогнул. Мне почудилось, будто на снегу не осталось ничьих следов, даже моих собственных.

Когда мои глаза привыкли к царившему в церкви полумраку, я рассмотрел, что фигуры в плащах одна за другой исчезают в раскрытом люке перед кафедрой проповедника. Следом за ними я спустился в подземелье. Впереди маячил хвост зловещей процессии, которая теперь вызывала у меня ужас. Участники неведомого обряда миновали ветхий склеп и направились к отверстию в каменном полу. Дождавшись своей очереди, я ступил на первую ступеньку винтовой лестницы. Со стен колодца капало, иногда сыпалась каменная крошка, воздух был спертым и отдавал гнилью. Спуск проходил в молчании. Больше всего меня тревожило то, что не слышалось ни шороха, что невозможно было уловить ни малейшего признака эха.

Вонь сделалась почти невыносимой. Тут впереди замерцал свет, и я услышал, как плещется вода. Меня снова пробрала дрожь, ибо ночные события нравились мне все меньше и меньше. Я горько пожалел о том, что внял наказу предков и явился в Кингспорт. Стены колодца разошлись, и я различил иной звук – тонкий, визгливый голосок свирели. Внезапно передо мной словно распахнулся занавес: я увидел, что нахожусь в обширной пещере. Моим глазам предстал столб тошнотворно-зеленого пламени на усеянном губками берегу маслянистой реки, что вытекала из черной бездны и впадала в вековечный океан Тьмы.

Фигуры в плащах образовали полукруг у огненного столба. Они готовились совершить старинный обряд, древностью превосходивший человеческий род и обреченный его пережить. Я видел, как они совершали этот обряд, как поклонялись зеленому пламени и пригоршнями швыряли в воду губки. Я лицезрел бесформенное существо, восседавшее чуть в сторонке и игравшее на свирели, к стенаниям которой примешивался глухой, зловещий клеткот. Особенно сильно меня пугал огненный столб: пламя вырывалось из бездны, оно не отбрасывало тени; тепла от него не исходило, оно сулило лишь разрушение и смерть.

Старик, который привел меня сюда, подал знак дудочнику, и тот завел новую мелодию. Музыка повергла меня в неопиcуемый ужас. Я вжался в камень, ибо меня охватил страх, подобного которому испытать под луной просто невозможно; этот страх знаком лишь тем, кто бывал в холодных промежутках между звездами.

Неожиданно из неведомых глубин, что порождали тошнотворное пламя, из пучины, что принимала в себя маслянистые воды реки, появились, ритмично взмахивая крыльями, твари, один вид которых мог кого угодно свести с ума. Рассудок отказывался воспринимать их как живых существ. В них было что-то от ворон, и от кротов, от канюков, летучих мышей и муравьев... Словом, они выглядели как... Нет! Не хочу! Я не должен вспоминать! Они кружили над нами, поочередно садились на берег, дожидались, когда им на спины заберутся фигуры в плащах, и улетали вдоль по течению реки.

Старик жестом пригласил меня последовать примеру других. Я увидел, что дудочник куда-то исчез, а неподалеку переминаются с лапы на лапу две крылатые твари – видимо, они дожидались нас со стариком. Между тем старик написал на дощечке, что обряд необходимо завершить, а когда я не пошевелился – извлек из складок одежды наши семейные реликвии: перстень с печаткой и часы, как бы напоминая мне, зачем я здесь.

Крылатые твари в нетерпении царапали когтями лишайник на камнях; старик, судя по всему, тоже торопился. Одна из тварей попятилась к воде. Он повернулся к ней, чтобы остановить. От резкого движения капюшон слетел у него с головы, а восковая маска, скрывавшая лицо, упала на берег. И я бросился в подземную реку, нырнул в гниlostные испражнения земли, прежде чем мои истошные вопли созвали на берег тех, кто населял недра планеты.

В больнице мне рассказали, что меня нашли на рассвете в гавани Кингспорта. Я цеплялся за деревянный брус и был едва жив. По всей видимости, в темноте я сбился с пути, свернул на развилке не в ту сторону и упал с обрыва в море. Мне нечего было возразить, хотя я знал, что врачи ошибаются... Потом меня перевели в клинику Святой Марии в Аркхеме, где уход

за больными был лучше. Тамошние врачи отличались широтой взглядов; они даже раздобыли для меня экземпляр «Некрономикона» из библиотеки местного университета. Я прочел одну главу – и задрожал от страха, ибо читал ее не впервые. Я видел эту книгу раньше, а где – о том лучше забыть.

Меня преследовали кошмары, в которых звучали цитаты из «Некрономикона». Я не смею их повторить... Нет! Ну разве что один отрывок...

«Глубин иного мира, – пишет безумный араб, – не измерить взором, их чудеса поистине диковинны и внушают трепет. Проклята земля, где мертвые оживают и обретают тела, зол разум, который лишен пристанища... Из гноя восстает омерзительная жизнь, грубые стервятники терзают ее и раздуваются, чтобы поглотить. В земных недрах прорыты длинные ходы; твари, рожденные ползать, научились бегать».

Зов Ктулху⁸

Вполне могли сохраниться обладатели такого вот могущества или существа... уцелевшие с той невообразимо далекой эпохи, когда... носители сознания обладали такими внешними формами, какие исчезли задолго до возвышения человеческого рода... формами, эхо воспоминаний о которых проявляется в поэзии и легендах, где они зовутся богами, чудовищами и мифическими существами всевозможных разновидностей...

Элджернон Блэквуд

I. Ужас, запечатленный в глине

Величайшее милосердие мироздания, на мой взгляд, заключается в том, что человеческий разум не способен охватить и связать воедино все, что наш мир в себя включает. Мы обитаем на спокойном островке невежества посреди темного моря бескрайних знаний, и вовсе не следует плавать на далекие расстояния. Науки, каждая из которых уводит в своем направлении, пока что причиняют нам не очень много вреда; но однажды объединение разрозненных доселе обрывков знания откроет перед нами такой ужасающий вид на реальную действительность, что мы либо потеряем рассудок от этого откровения, либо постараемся укрыться от губительного просветления под покровом нового средневековья.

Теософы высказали догадку о внушающем благоговейный страх великом космическом цикле, в котором весь наш мир и человеческая раса – лишь кратковременный эпизод. От их намеков на странные проявления давно минувшего кровь стыла бы в жилах, не будь они выражены в терминах, прикрывающих все успокоительным оптимизмом. Однако не теософы дали мне возможность бросить мимолетный взгляд в те запретные эпохи, и теперь дрожь пробирает меня по коже, когда я об этом думаю, и охватывает безумие, когда я вижу это во сне. Этот мимолетный взгляд, как и все прочие грозные проблески истины, был вызван случайным соединением разрозненных фрагментов – в данном случае одной старой газетной статьи и записок умершего профессора. Надеюсь, что никому больше не суждено подобное совпадение; во всяком случае, если я выживу, то постараюсь не добавить дополнительных звеньев к этой ужасающей цепи. Думаю, что и профессор имел намерение хранить в тайне то, что узнал, и только внезапная смерть помешала ему уничтожить свои записи.

Первое мое прикосновение ко всему этому случилось зимой 1926/27 года, когда умер мой двоюродный дед, Джордж Геммел Анджелл, специалист по семитским языкам, заслуженный профессор в отставке Брауновского университета в Провиденсе, Род-Айленд. Профессор Анджелл был широко известным специалистом по древним письменам, и к его помощи нередко обращалось руководство крупнейших музеев; поэтому его смерть в возрасте девяноста двух лет не прошла незамеченной. Интерес к этому событию оказался усилен загадочными обстоятельствами его кончины. Смерть настигла профессора, когда он возвращался домой от пароходного причала в Ньюпорте; свидетели утверждали, что он упал, столкнувшись с каким-то моряком-негром, внезапно выскочившим из прохода в один подозрительный мрачный двор, каких много выходило на крутой склон холма, по которому пролегал кратчайший путь от побережья до дома покойного на Уильямс-стрит. Врачи не нашли на теле никаких следов насилия и после долгих и полных недоумения дебатов пришли к заключению, что смерть наступила

⁸ Перевод Олега Колесникова

вследствие чрезмерной нагрузки на сердце из-за подъема столь пожилого человека по крутому склону холма. В то время я не видел причин сомневаться в этом вердикте, но с некоторых пор сомнения у меня появились – и даже не просто сомнения.

Как наследник и душеприказчик своего двоюродного деда, умершего бездетным вдовцом, я, предположительно, должен был тщательно изучить его архивы и с этой целью перевез все его папки и коробки к себе в Бостон. Большая часть отобранных мною материалов была опубликована затем Американским археологическим обществом, но оставался еще один ящик, содержимое которого я считал наиболее загадочным и не хотел показывать никому. Он был заперт, и мне не удавалось найти ключ, пока я наконец не догадался осмотреть личную связку ключей профессора, которую тот носил с собой в кармане. Наконец ящик удалось открыть, но, сделав это, я столкнулся с новыми, более сложными загадками. Ибо как мне было понять значение обнаруженного там странного глиняного барельефа, разрозненных записок и газетных вырезок? Неужели мой дед на старости лет оказался подвержен самым примитивным суевериям? Я решил для начала найти чудаковатого скульптора, ответственного за помутнение рассудка старого ученого.

Барельеф представлял собой неправильный четырехугольник толщиной менее дюйма и площадью примерно пять на шесть дюймов, явно современного происхождения. Однако запечатленное на нем никак не соотносилось с современным искусством ни по духу, ни по замыслу; ибо, при всем буйном разнообразии кубизма и футуризма, в них редко воспроизводится та загадочная систематичность, что таится в доисторических письменах. А в надписи этого барельефа она безусловно присутствовала, хотя я, несмотря на знакомство с бумагами моего деда и его коллекцией древних рукописей, не смог сопоставить ее с каким-либо конкретным источником или хотя бы сделать предположение о связи с какой-то культурой.

Над выполненной странными значками надписью располагалась фигура, несомненно плод фантазии художника, хотя импрессионистская манера исполнения мешала точнее понять, на что он намекает. Это было некое чудовище, или символическое представление о чудовище, или просто порождение больного воображения. Если я скажу, что в моем воображении, тоже несколько экстравагантном, возникли одновременно образы осьминога, дракона и пародии на человека, то, мне кажется, смогу передать дух этого создания. Непропорционально большая голова, снабженная щупальцами, венчала нелепое чешуйчатое тело с недоразвитыми крыльями; причем именно общее впечатление от этой фигуры делало ее пугающе ужасной. На заднем плане угадывались некие циклопические постройки.

Вместе с этим барельефом в ящике хранились газетные вырезки и заметки, написанные профессором Анджеллом без претензий на литературный стиль, судя по всему, в последние годы жизни. Предположительно главный документ был озаглавлен «КУЛЬТ КТУЛХУ», причем буквы были выписаны старательно, вероятно, во избежание неправильного прочтения такого необычного слова. Эта рукопись состояла из двух частей, первая из которых имела заглавие «1925 – Видения и творчество по мотивам видений Х. А. Уилкокса, Томас-стрит, 7, Провиденс, Род-Айленд», а вторая – «Рассказ инспектора Джона Р. Лейграсса, Бьенвилль-стрит, 121, Новый Орлеан, Луизиана, о событ. 1908 г.; заметки о них же + свид. проф. Уэбба». Остальные рукописные заметки были короткими, они содержали описание весьма необычных сновидений различных людей, выписки из теософских книг и журналов (в особенности из книги У. Скотта-Эллиота «Атлантида и исчезнувшая Лемурия»), а также сведения о наиболее долго существовавших тайных обществах и секретных культах со ссылками на такие мифологические и антропологические источники, как «Золотая ветвь» Фрезера и «Культе ведьм в Западной Европе» мисс Мюррей. Газетные вырезки содержали в основном описания случаев особо причудливых психических расстройств, вспышек группового помешательства и внезапно возникших маний весной 1925 года.

Первый раздел основной рукописи содержал довольно необычную историю. Началась она 1 марта 1925 года, когда к профессору Анджеллу явился худой темноволосый молодой человек, на вид взволнованный и возбужденный, принес с собой глиняный барельеф, совсем свежий и потому еще влажный. На его визитной карточке значилось «Генри Энтони Уилкоккс», и мой дед узнал младшего сына довольно известной семьи, который в последнее время изучал скульптуру в Художественной школе Род-Айленда и проживал один в апартаментах во Флерде-Лиз-Билдинг, неподалеку от места своей учебы. Уилкоккс, не по годам развитый юноша, известный своим талантом и крайними чудачествами, с раннего детства интересовался странными историями и часто видел удивительные сновидения, о которых имел привычку рассказывать. Себя он называл «психически сверхчувствительным», а добропорядочные степенные консервативные обитатели старого коммерческого района полагали его просто чудачком и не воспринимали всерьез. Почти не общаясь с людьми своего круга, он постепенно исчез из поля зрения общества и теперь был известен лишь небольшой группе эстетов из других городов. Даже Клуб искусств Провиденса, стремящийся сохранять свою консервативность, полагал его почти безнадежным.

Целью своего визита, как сообщала рукопись профессора, скульптор без всякого вступления назвал желание воспользоваться археологическими познаниями известного специалиста и попросил помочь ему разобраться в надписи непонятными значками под барельефом. Говорил он в мечтательной и высокопарной манере, которая намекала на склонность к позерству и не вызвала симпатии, и мой дед ответил ему довольно резко, ибо подозрительная свежесть изделия свидетельствовала о том, что оно наверняка не имеет никакого отношения к археологии. Возражения юного Уилкоккса, которые произвели на моего деда столь сильное впечатление, что он запомнил их и впоследствии записал, носили фантастически поэтический характер, что было типично для его речи и, как я впоследствии смог убедиться сам, вообще было характерной его чертой. Он сказал: «Разумеется, совсем новый, ибо я сделал его прошлой ночью во сне, где мне виделись странные города; а сны старше, чем задумчивый Тир, созерцательный сфинкс или окруженный садами Вавилон».

А затем он начал бессвязное повествование, которое пробудило нечто дремлющее в памяти моего деда и вызвало его горячий интерес. Предыдущей ночью в Новой Англии ощущались подземные толчки далекого землетрясения, наиболее ощутимые за последние годы; это сильно сказалось на воображении Уилкоккса. Заснув, он увидел совершенно невероятный сон о великих циклопических городах из титанических каменных блоков и о вздымающихся до неба монолитах, источающих зеленую слизь и зловещий ужас. Стены и колонны там были покрыты непонятными письменами, а снизу непонятно откуда звучал голос, который был не голосом; хаотичное ощущение, которое лишь силой воображения могло быть преобразовано в звук, но все же Уилкоккс попытался передать его почти непроницаемым сочетанием букв: «Ктулху фхтагн».

Эта вербальная бессмыслица оказалась ключом к воспоминанию, которое взволновало и обеспокоило профессора Анджелла. Он опросил скульптора с научной дотошностью и крайне внимательно изучил барельеф, над которым, не осознавая этого, юноша работал во время сна, и который с недоумением увидел перед собой, внезапно очнувшись, продрогший и одетый в одну лишь ночную рубашку. Как рассказал впоследствии Уилкоккс, мой дед посетовал на свою старость, ибо только из-за нее не узнал сразу же значки и фигуру на барельефе. Многие из заданных вопросов показались посетителю нисколько не относящимися к делу, особенно связанные с попытками найти связь его с какими-нибудь странными культами, сектами или сообществами; Уилкоккс с недоумением воспринимал неоднократные заверения профессора, что тот сохранит в тайне признание о принадлежности к какому-либо из широко распространенных мистических или языческих религиозных объединений. Когда профессор Анджелл убедился в полном невежестве скульптора в отношении любых религиозных культов, а также

криптографических записей, он постарался добиться от своего гостя согласия сообщать ему о содержании последующих сновидений. Это стало регулярно приносить плоды, и после упоминания о первом посещении рукопись содержала сообщения о ежедневных визитах молодого человека, во время которых он рассказывал о наиболее ярких эпизодах своих ночных видений, где всегда присутствовали какие-то ужасающие циклопические пейзажи с темными сочащимися камнями и всегда ощущался подземный голос или разум, монотонно выкрикивающий нечто загадочное, воспринимавшееся как совершеннейшая тарабарщина. Два наиболее часто встречающихся набора звуков примерно передаются в записи как «Ктулху» и «Р'лайх».

23 марта, сообщала рукопись, Уилкоккс не пришел; обратившись по месту его проживания, профессор узнал, что юноша стал жертвой неизвестной лихорадки и перевезен к родителям на Уотермэн-стрит. Той ночью он громко кричал, разбудив других художников, проживавших в доме, после чего в его состоянии периоды бреда чередовались с полным беспомощностью. Мой дед тут же связался по телефону с его семьей, после чего внимательно следил за развитием ситуации и часто звонил в офис лечащего врача, доктора Тоби на Тейер-стрит. От лихорадки мозг юноши населяли странные видения, и врача, рассказывавшего о них, самого время от времени пробирала дрожь. Эти видения содержали все то, о чем рассказывалось прежде, но теперь упоминались гигантские создания «в целые мили высотой», проходящие или неуклюже передвигающиеся где-то рядом. Юноша ни разу не дал их внятного описания, но отрывочные слова, пересказанные доктором Тоби, убедили профессора, что существа эти, по-видимому, точно такие, как то безымянное чудовище, которое молодой человек запечатлел в своем сделанном во сне барельефе. Упоминание о них, добавлял доктор, всегда вызывало затем впадение в беспомощность. Температура больного, как ни странно, была почти в норме; однако все симптомы свидетельствовали скорее о лихорадке, чем об умственном расстройстве.

2 апреля около трех часов пополудни все симптомы болезни Уилкоккса внезапно исчезли. Он сел в своей кровати, изумленный пребыванием в доме родителей и не имея никакого представления о том, что происходило с ним наяву и во сне после вечера 22 марта. Врач нашел его состояние удовлетворительным, и через три дня Уилкоккс вернулся в свою квартиру; однако для профессора Анджелла он стал бесполезным. Из памяти Уилкоккса исчезли все следы причудливых видений, и мой дед прекратил записи приходящих ему по ночам образов спустя неделю, на протяжении которой молодой человек скрупулезно излагал ему совершенно заурядные сны.

На этом первый раздел рукописи заканчивался, но сведения, содержащиеся в приложенных отрывочных записях, давали дополнительную пищу для размышлений – и столь много, что лишь присущий мне скептицизм, составлявший в то время основу моей философии, позволял сохранять недоверчивое отношение к скульптору. Упомянутые записи представляли собой содержание сновидений различных людей и относились именно к тому периоду, когда юный Уилкоккс совершал свои необычные визиты. Похоже, мой дед провел весьма обширные исследования, опросив почти всех, кого он знал и к кому мог свободно обратиться, об их сновидениях и фиксируя даты достойных упоминания видений. Отношение к его просьбам, видимо, бывало разным, но в целом он получил так много откликов, что явно не справился бы с ними без помощи секретаря. Исходная корреспонденция не сохранилась, однако записи профессора были подробными и содержали все значимые подробности ночных видений. В данном вопросе «средние люди», заурядные представители деловых кругов и общественной жизни – по традиции считающиеся в Новой Англии «солью земли», – давали почти полностью негативный результат, хотя изредка и у них случались мрачные, но не вполне четкие ночные видения, почти всегда имевшие место между 23 марта и 2 апреля, то есть в период горячки у юного Уилкоккса. Люди науки оказались немного более подверженными странному воздействию, хотя всего лишь четыре описания содержали мимолетные видения удивительных ландшафтов и в одном случае упоминалось нечто аномальное, вызвавшее страх.

Непосредственное отношение к теме исследования имели только сновидения поэтов и художников, и полагаю, что если бы была возможность сопоставить их видения между собой, это породило бы самую настоящую панику. При отсутствии самих писем от опрошенных я отчасти подозревал, что имели место наводящие вопросы или даже что данные подтасованы под желаемый результат. Вот почему мне все еще казалось, что Уилкоккс, каким-то образом прознавший о материалах, с которыми мой дед имел дело ранее, оказал некоторое внушение на престарелого ученого. Отзывы людей, причастных к искусству, давали вызывающую беспокойство картину. В период с 28 февраля по 2 апреля многие из них видели во сне нечто довольно странное, причем интенсивность сновидений была заметно выше в период лихорадки скульптора. Более четверти сообщений содержали описание сцен и подобию звуков, похожих на рассказанные Уилкоксом; некоторые из опрошенных признавались, что испытали сильнейший страх перед гигантским нечто, появлявшимся под конец сна. Один из случаев, описанный особенно подробно, закончился весьма печально. Широко известный архитектор, имевший пристрастие к теософии и оккультным наукам, в день начала болезни Уилкоккса впал в буйное помешательство и почти непрерывно кричал, умоляя спасти его от какого-то адского существа, пока не скончался несколько месяцев спустя. Если бы мой дед в своих записях вместо номеров указывал подлинные имена своих корреспондентов, я смог бы предпринять собственные попытки расследования, но, за исключением отдельных случаев, такой возможности не было. Вся эта группа опрошенных дала вполне внятные описания. Мне было бы интересно узнать об отношении всех них к исследованиям профессора. Мне кажется, хорошо, что они так и не получили каких-либо разъяснений.

В газетных вырезках, как я установил, описывались различные случаи необъяснимой паники, психозов, проявлений различных маний и странного поведения, происшедшие за указанный выше период времени. Профессор Анджелл, должно быть, нанял какое-то пресс-бюро для выполнения этой работы, поскольку количество вырезок было огромным, а места публикаций разбросаны по всему земному шару. Здесь было сообщение о ночном самоубийстве в Лондоне, когда одинокий человек с диким криком выбросился во сне из окна. Было бессвязное письмо к издателю одной газеты в Южной Африке, в котором какой-то безумец предсказывал зловещие события на основании видений, явившихся ему во сне. Заметка из Калифорнии содержала историю о поселке теософов, обитатели которого, нарядившись в белые одежды, приготовились все вместе встречать некое «славное завершение», которое так и не случилось, тогда как публикация в индийской прессе сдержанно сообщала о серьезных волнениях среди местного населения в конце марта. Участились оргии колдунов-вуду на Гаити; корреспонденты из Африки также сообщали о каких-то волнениях в народе. Американские официальные представители на Филиппинах отмечали тревожное поведение некоторых племен, а в Нью-Йорке группу полицейских в ночь с 22 на 23 марта окружила возбужденная толпа впавших в истерику левантийцев. Запад Ирландии тоже полнился дикими слухами и пересудами, а живописец Ардуа Боно, известный склонностью к фантастическим сюжетам, на весеннем салоне в Париже в 1926 году выставил исполненное богохульства полотно под названием «Ландшафт сновидений». Сообщения о беспорядках в психиатрических больницах были столь многочисленны, что лишь чудо могло помешать медицинскому сообществу обратить внимание на это явление и сделать выводы о вмешательстве мистических сил. Этот зловещий подбор вырезок говорил об очень многом, и сейчас я с трудом представляю, как бесчувственный рационализм мог побудить меня отложить все это в сторону. Но тогда я несколько не сомневался, что юный Уилкоккс узнал откуда-то о более ранней истории, упомянутой профессором.

II. История инспектора Леграсса

Вторую половину весьма объемистой рукописи составляли материалы, относящиеся к более раннему времени, придававшие видениям скульптора и его барельефу такую значимость в глазах моего деда. Профессору Анджеллу ранее уже доводилось видеть демонические очертания безымянного чудовища, ломать голову над загадочными надписями и слышать зловещие звуки, записать которые можно было только как «Ктулху»; и все это было так интригующе и ужасающе взаимосвязано, что жадный интерес профессора к Уилкоксу и поиск дополнительных подробностей становились вполне понятны.

Первое его знакомство со всем этим связано с событиями, происшедшими в 1908 году, то есть семнадцатью годами ранее, когда Американское археологическое общество проводило в Сент-Луисе свою ежегодную конференцию. Профессор Анджелл в силу своего авторитета и признанных научных заслуг играл заметную роль во всех существенных обсуждениях и был одним из первых, к кому обращались с вопросами и проблемами, требующими участия эксперта.

Главный из всех неспециалистов, вскоре оказавшийся в центре внимания участников конференции, заурядной внешности мужчина средних лет, прибыл из Нового Орлеана ради того, чтобы получить некую особую информацию, которую не смог узнать из местных источников. Его звали Джон Рэймон Леграсс, и по профессии он был полицейским инспектором. Он привез с собой и предмет, ставший причиной его визита, – каменную фигурку гротескного и омерзительного вида, судя по всему, весьма древнюю, происхождение которой было ему неизвестно.

Не следует думать, что инспектор Леграсс вдруг заинтересовался археологией. Его желание получить консультацию объяснялось чисто профессиональными соображениями. Эта статуэтка, идол, фетиш или чем оно там было, оказалась конфискована в лесу в болотистой местности южнее Нового Орлеана во время облавы на предположительно вудуистское сборище; обряды, которое оно проводило, были столь необычны и мерзки, что полиция не могла отнестись к ним иначе, как к какому-то темному культу, прежде им неизвестному, но куда более дьявольскому, чем самые мрачные разновидности вуду. О его происхождении, помимо отрывочных и маловероятных сведений, полученных от задержанных участников церемонии, ничего узнать не удалось; поэтому полицию интересовали любые сведения, любые комментарии специалистов, которые помогли бы понять значение устрашающего символа и благодаря этому добраться до первоисточника культа.

Инспектор Леграсс явно не ожидал, что его сообщение вызовет такой интерес. При виде привезенной им вещицы все собравшиеся ученые мужи пришли в состояние сильнейшего возбуждения, они столпились вокруг гостя, разглядывая маленькую фигурку, крайняя необычность которой, наряду с явной принадлежностью к глубокой древности, намекала на возможность заглянуть в неизвестные прежде и потому захватывающе интересные события прошлого. Оpoznать культурную принадлежность этой жутковатой скульптуры не удалось, но не вызывало сомнений, что тусклая зеленоватая поверхность неизвестного камня несет отпечаток многих веков и даже тысячелетий.

Фигурка, медленно переходившая из рук в руки для тщательного осмотра, была размером в семь-восемь дюймов и выполнена довольно искусно. Она представляла монстра отчасти антропоидных очертаний, с головой как у осьминога, с лицом и сплетением щупалец снизу; тело было чешуйчатым, на передних и задних лапах гигантские когти, а за спиной – длинные узкие крылья. Эта тварь, казавшаяся исполненной губительного противоестественного зла, имела полноватое тело и сидела на корточках на прямоугольной подставке или пьедестале с надписью непонятными значками. Кончики крыльев касались заднего края пьедестала, седа-

лице располагалось по ее центру, тогда как длинные кривые когти согнутых задних лап вцепились в передний край подставки и на четверть длины уходили вниз. Необычная голова была наклонена вперед, так, что кончики лицевых щупалец касались с внешней стороны огромных передних когтей, которые обхватывали выступающие колени. Существо это каким-то странным образом казалось живым, а поскольку происхождение его оставалось совершенно неизвестным, воспринималось особенно страшным. Невероятно огромный возраст этого предмета был очевиден; в то же время не прослеживалось никакой связи ни с каким известным стилем искусства времен начала цивилизации – впрочем, как и любого другого периода.

Даже материал фигурки представлял собой загадку, ибо зеленовато-черный камень с золотыми и радужными крапинками и прожилками не походил ни на что известное геологии или минералогии. Письмена на пьедестале тоже вызвали у всех недоумение: несмотря на то что на конференции присутствовали не менее половины мировых экспертов в области лингвистики, никто из них не смог соотнести их с известными формами. Эта надпись странными значками, подобно материалу и изображению, относилась к чему-то страшно далекому от всего известного человеку; письма казались напоминанием о древних и недоступных познанию циклах жизни, о которых у нас не было ни малейшего представления.

И все же, хотя присутствующие ученые разводили руками и безнадежно качали головами, смущенные неспособностью решить задачу, поставленную инспектором, нашелся среди них человек, увидевший смутное сходство этой фигурки монстра и надписи под ней с тем, с чем он когда-то сталкивался, о чем он и поведал с некоторой неуверенностью. Это был ныне покойный профессор Уильям Чэннинг Уэбб, профессор антропологии Принстонского университета, безоговорочно признаваемый всеми выдающимся исследователем.

За сорок восемь лет до того профессор Уэбб принимал участие в экспедиции по Исландии и Гренландии в поисках древних рунических надписей, раскрыть секрет которых ему так и не удалось; в глубине западного побережья Гренландии они встретились с необычным племенем вырождающихся эскимосов, религия которого, своеобразная форма поклонения дьяволу, шокировала своей чрезвычайной кровожадностью и отвратительными ритуалами. Об этой религии все прочие эскимосы знали очень мало и упоминали всегда с содроганием; они говорили, что эта религия из невообразимо древних эпох, со времен задолго до сотворения мира. Помимо отвратительных ритуалов и человеческих жертвоприношений, были там и довольно странные традиционные обряды, посвященные верховному дьяволу, или «торнасуку», которые профессор Уэбб записал фонетически латинскими буквами со слов старого «ангекока», или жреца-колдуна. Но для нас сейчас наиболее важен тот фетиш, который хранили служители культа и вокруг которого танцевали верующие, когда над ледяными скалами поднималась утренняя заря. Фетиш, по словам профессора, представлял собой очень грубо выполненный каменный барельеф, содержащий некое жуткое изображение и загадочные письма. Насколько он смог припомнить, во всех существенных чертах то изображение походило на дьявольскую вещицу, лежащую сейчас перед собравшимися.

Это сообщение, воспринятое присутствующими с изумлением и тревогой, крайне взволновало инспектора Лейграсса; у него сразу же нашлись для профессора дополнительные вопросы. Поскольку он обратил на это внимание и тщательно записал заклинания, которые выкрикивали фанатики, арестованные его людьми на болоте, то просил профессора Уэбба как можно точнее воспроизвести звучание того, что выкрикивали поклонявшиеся дьяволу эскимосы. Затем последовало скрупулезное подробное сравнение, после которого наступил момент подлинного и всеобщего изумления и благоговейной тишины, когда детектив и ученый установили полную идентичность фраз, используемых двумя сатанинскими культами, разделенными гигантским расстоянием. И эскимосские колдуны, и жрецы с болот Луизианы пели, обращаясь к похожим внешне идолам, примерно следующее (разделение на слова предположительное, на основании пауз в пении): «Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'лайх вгах'нагл фхтагн».

У Леграсса было преимущество перед профессором Уэббом: некоторые из захваченных полицией людей разъяснили смысл этих непонятных слов. Означало это вроде бы примерно следующее:

«В своей обители в Р'лайхе мертвый Ктулху спит в ожидании своего часа».

Только после этого инспектор Леграсс, подчиняясь настойчивым требованиям, подробно рассказал историю, связанную с болотными служителями этого культа; историю, которой мой дед придавал огромное значение. Она была воплощением мечты исследователя мифологии или теософа и демонстрировала удивительную распространенность космических фантазий даже среди таких примитивных каст и парий, от которых этого менее всего можно было ожидать.

Первого ноября 1907 года в полицию Нового Орлеана поступило полное отчаяния заявление из района болот и лагун к югу от города. Тамошние поселенцы, по большей части грубые, но дружелюбные потомки племени Лафитта, были в ужасе от непонятных явлений, происходивших по ночам. Это было несомненно колдовство, но колдовство столь кошмарное, какого они никогда не знали; несколько женщин и детей исчезли с той поры, как из глубин черного леса, куда не решался заходить ни один из местных жителей, начали доноситься зловещие звуки тамтама. Оттуда доносятся безумные крики, вопли истязаемых и леденящее душу пение, на небе видны отблески дьявольской пляски огней; всего этого, как подытожил напуганный посыльный, люди уже не могут выносить.

Итак, двадцать полицейских, разместившихся на двух повозках и автомобиле, отправились к месту происшествия, захватив с собой в качестве проводника дрожащего от испуга местного жителя. Когда пригодная для проезда дорога закончилась, все вылезли из повозок и машины и несколько миль в полном молчании шли через мрачный кипарисовый лес, под сень которого никогда не проникало солнце. Вокруг были ужасного вида корни и свисающие с деревьев петли испанского лишайника, а попадавшиеся время от времени груды мокрых камней или руины сгнивших построек усиливали общее впечатление. Наконец показалась жалкая кучка лачуг, и навстречу полиции выскочили доведенные до отчаяния местные жители. Издали доносились приглушенные звуки тамтамов, а порывы ветра иногда приносили леденящие душу крики. Казалось, будто красноватый огонь просачивается сквозь бледный подлесок. Запуганные поселенцы снова забились по домам, наотрез отказываясь хоть на один шаг приблизиться к месту, где проводились нечестивые обряды, и потому инспектор Леграсс со своими девятнадцатью полицейскими двинулся через мрачный и полный ужасов лес без проводника.

Вся та местность, где сейчас находились полицейские, издавна имела дурную репутацию, и белые люди обычно избегали появляться здесь. Ходили легенды о таинственном озере, которое не видел ни один смертный и где обитает гигантский бесформенный белый полип со светящимися глазами, а поселенцы шепотом рассказали, что в этом лесу в полночь вылетают из земляных нор дьяволы с крыльями летучих мышей и водят жуткие хороводы. Они уверяли, что все это происходило еще до д'Ибервиллей, до Ла Салле, до того, как здесь появились индейцы, до того, как появились люди, даже до того, как в этом лесу появились звери и птицы. Это был самый истинный кошмар, и увидеть его означало умереть. Но видение об этом приходило во сне, и потому люди старались держаться отсюда подальше. Нынешний колдовской шабаш происходил в месте, вызывающем страх, и поселенцев, по всей видимости, само по себе место сборища пугало сильнее, чем доносящиеся оттуда вопли.

Лишь поэт или безумец могли бы оценить по достоинству те звуки, что доносились до людей Леграсса, пробиравшихся через болотистую чащу в сторону красного свечения и глухих ударов тамтама. Существуют звуки, присущие лишь животным, и звуки, характерные для человека; и становится жутко, если их источники вдруг меняются местами. Участники разнузданной оргии были в состоянии звериной ярости и взвинчивали себя до демонических высот завываниями и пронзительными криками, прорывавшимися сквозь лесную чащу и расплзав-

шимися по ней подобно смрадным испарениям из бездны ада. Время от времени завывания прекращались, и тогда слаженный хор грубых голосов распевал страшный ритуальный призыв:

«Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'лайх вгах'нагл фхтагн».

Наконец полицейские достигли такого места, где деревья росли пореже, и тогда им открылось жуткое зрелище. Четверых из них затошнило, один упал в обморок, двое закричали в испуге, но безумная какофония оргии, к счастью, заглушила их крик. Леграсс плеснул болотной водой в лицо потерявшего сознание, и вскоре все полицейские стояли рядом, почти загнипнотизированные ужасом.

Среди болота выступал травянистый островок площадью примерно в акр, лишенный деревьев и вполне сухой. На нем прыгала и кривлялась толпа настолько уродливых представителей человеческой породы, каких могли представить и изобразить разве что художники более причудливой фантазии, чем Сайм или Энгарола. Совершенно без одежды, это отребье топталось, выло и корчилось вокруг чудовищного костра кольцеобразной формы; в центре костра, проглядывая время от времени в разрывах огненной завесы, располагался большой гранитный монолит высотой примерно в восемь футов, на вершине которого, несоразмерно миниатюрная, покоилась гадкого вида резная фигурка. С десяти виселиц, расставленных по кругу через равные промежутки, свисали причудливо выгнутые тела несчастных пропавших поселенцев. Внутри же этого круга, между кольцом тел и кольцом огня, в нескончаемой вакханалии с воплями и подпрыгивая бесновалась толпа дикарей.

Возможно, это было лишь игрой воображения, но одному из полицейских, впечатлительному испанцу, слышалось, что из глубины леса, места легенд и древних страхов, доносятся звуки, как бы вторящие ритуальному пению. С этим человеком, Джозефом Д. Галвезом, я впоследствии встретился и беседовал, и он действительно оказался излишне впечатлительным. Испанец уверял, что заметил за дальними деревьями едва заметное биение огромных крыльев, а также отблеск сверкающих глаз и очертания громадной белой массы – но, думаю, он просто слишком много наслушался про местные суеверия.

Полицейские шокированно стояли всего несколько мгновений. Затем чувство долга вообладало, и хотя в толпе было не менее сотни беснующихся ублюдков, полицейские, полагаясь на силу своего оружия, решительно двинулись вперед. В последующие пять минут шум и хаос сделались совершенно неопишными. Дубинки полицейских наносили удар за ударом, грохотали револьверные выстрелы, и кое-кому удалось сбежать, но в итоге Леграсс насчитал сорок семь угрюмых пленников, которым приказал во что-нибудь одеться и выстроиться в ряд между двумя группами полицейских. Пятеро участников колдовского шабаша оказались убиты, а двоих тяжело раненных понесли на импровизированных носилках их плененные товарищи. Фигурку с монолита, конечно же, сняли, и Леграсс унес ее с собой.

Попав в результате тяжелого и изнурительного путешествия в полицейское управление, все пленники были тщательно допрошены и обследованы; все они оказались людьми смешанной крови, низкого умственного развития и слегка помешанные. Большинство из них были матросами, а горстка негров и мулатов, в основном из Вест-Индии или с португальского Брава из островов Зеленого Мыса, привносила оттенок колдовства в эту разноплеменную секту. Но еще до того, как были заданы все вопросы, стало понятно, что полиция столкнулась с чем-то значительно более древним и глубоким, чем негритянское поклонение фетишу. Какими бы деградировавшими и невежественными эти люди ни были, они с удивительной согласованностью придерживались центральной идеи своего отвратительного верования.

По их словам, они поклонялись Великим Старцам, которые жили за многие века до того, как на земле появились первые люди, спустившись с небес в наш совсем молодой мир. Эти Старцы теперь ушли в глубь земли и под дно моря; однако их мертвые тела поведали во снах свои секреты первому человеку, и тот создал культ, который никогда не умрет. Именно тот самый культ они и поддерживают, и пленники уверяли, что он существовал всегда и всегда

будет существовать, укрываясь в безлюдных пустошах и других темных местах по всему миру, до тех пор пока великий жрец Ктулху не восстанет в своей темной обители в великом городе Р'лайхе под толщей вод и не сделается владыкой мира. Однажды, когда звезды окажутся в правильной позиции, он призвет их, и этот тайный культ всегда будет готов помочь ему освободиться.

А больше пока сказать ничего нельзя. Есть секрет, который невозможно выпытать никакими истязаниями. Никогда человек не был единственным носителем сознания на Земле, ибо из тьмы приходят образы, которые достигают лишь немногих из верующих. Но это не Великие Старцы. Ни один человек никогда не видел Старцев. На резном идоле изображен великий Ктулху, но никто не может сказать, как выглядят остальные. Никто сейчас не способен прочесть древние письмены, но слова передаются из уст в уста. Заклинание, которое они поют, не является великим секретом такого рода, что передаются только шепотом и никогда не произносятся вслух. Заклинание, которое они распевают, означает всего лишь: «В своей обители в Р'лайхе мертвый Ктулху спит в ожидании своего часа».

Лишь двое из захваченных пленников оказались достаточно вменяемыми, чтобы можно было провести суд и повесить их, всех же прочих распределили по разным психиатрическим клиникам. Все они отрицали участие в ритуальных убийствах и уверяли, что эти жертвоприношения совершали Чернокрылые, приходившие к ним из своих убежищ, расположенных с незапамятных времен в глуши леса. Но об этих таинственных союзниках больше ничего связного узнать не удалось. Все остальное, что смогла узнать полиция, в основном было получено от весьма престарелого метиса по имени Кастро, который клялся, что заплывал на кораблях в довольно странные порты и беседовал с бессмертными вождями этого культа в горах Китая.

Престарелый Кастро припомнил отрывки из довольно мерзких легенд, на фоне которых блекнут все рассуждения теософов, а человек и весь наш мир представляются как нечто недавнее и временное. Долгие эпохи на Земле господствовали иные Существа, и они создали великие города. Как рассказал ему бессмертный китаец, останки этих Существ еще присутствуют в виде циклопических камней на островах Тихого океана. Все они умерли за много эпох до появления человека, но их все еще можно оживить, когда звезды вновь займут благоприятное положение в цикле вечности. Ведь Они сами пришли со звезд и принесли с собой Свои изображения.

Великие Старцы, продолжал Кастро, состоят не совсем из плоти и крови. У них есть форма – ибо разве фигурка не доказывает это? – но воплощена их форма не в материи. Когда звезды займут благоприятное положение, Они смогут перемещаться между мирами, но пока звезды расположены плохо, Они не могут быть живыми. Но хотя Они больше не живы, Они никогда на самом деле не умирали. Все Они лежат в каменных обителях в Их огромном городе Р'лайхе, защищенные заклетьями могущественного Ктулху, в ожидании великого возрождения, когда звезды и Земля будут готовы к их возвращению. Но и в подходящий момент для освобождения Их тел требуется содействие какой-нибудь внешней силы. Заклетья, сделавшие Их неуязвимыми, одновременно не позволяют Им сделать первый шаг, поэтому теперь они могут только лежать без сна в темноте и размышлять, в то время как бесчисленные миллионы лет проносятся мимо. Им известно все, что происходит во Вселенной, ибо форма их общения – передача мыслей. Поэтому даже сейчас Они разговаривают друг с другом в своих могилах. Когда после безвременного хаоса на Земле появились первые люди, Великие Старцы обращались к самым чутким из них посредством того, что насылали сновидения; ибо только таким способом Их речь могла достичь сознания примитивных животных.

Благодаря этому, прошептал Кастро, эти первые люди создали культ, проводящий обряды вокруг маленьких идолов, которых показали им Великие Старцы; идолов, принесенных с темных звезд в те далекие века, память о которых уже потускнела. Культ этот никогда не исчезнет, он будет сохраняться до тех пор, пока звезды вновь не займут удачное положение, и тогда

тайные жрецы помогут великому Ктулху восстать из могилы, чтобы оживить Его подданных и восстановить Его власть на Земле. Распознать это время будет легко, ибо тогда все люди станут как Великие Старцы – дикими и свободными, по ту сторону добра и зла, отбросившими в сторону законы и мораль; все люди будут кричать, убивать и веселиться. Затем освобожденные Старцы раскроют им новые способы, как кричать, убивать и веселиться, наслаждаясь собой, и вся Земля запыхает во всеуничтожающем огне свободы и экстаза. А до той поры культ, при помощи своих ритуалов, должен сохранять в памяти эти древние способы и провозглашать пророчества об их возвращении.

В прежние времена избранные люди могли во сне общаться с погребенными Старцами, но потом кое-что случилось. Великий каменный город Р'лайх, с его монолитами и гробницами, опустился под волны; и глубокие воды, пропитанные единой изначальной тайной, сквозь которую не проникает даже мысль, оборвали это призрачное общение. Но память не умирает, и верховные жрецы говорят, что город поднимется вновь, когда звезды займут благоприятное положение. Тогда восстанут погребенные черные духи Земли, темные и мрачные, знающие все слухи, давно погребенные под дном забытых морей. Но об этом престарелый Кастро не осмелится более говорить. Он резко оборвал свой рассказ, и затем не удалось ни убедить, ни заставить его сказать еще хоть что-то. Вызывает также недоумение, что он категорически отказался сказать что-либо о размерах Старцев. Сердце этой религии, по его словам, находится посреди непроходимых пустынь Аравии, где дремлет в неприкосновенности скрытый Ирем, Город Колонн. Этот культ не имеет никакого отношения к европейскому культу ведьм и практически неизвестен никому, помимо его приверженцев. Ни в одной из книг нет даже намека на него, хотя, как рассказывал бессмертный китаец, в «Некрономиконе» безумного араба Абдулы Альхазреда есть строки с двойным смыслом, которые вступивший на путь культа способен истолковать правильно, особенно вот это многократно вызывавшее дискуссии двустигшие:

Может не только мертвый лежать без движения вечно, В странную же эпоху может и смерть умереть.

Леграсс, под глубоким впечатлением от всего этого, безуспешно пытался вывести, что известно об этом культе исторической науке. Кастро, похоже, был прав, утверждая, что он остался никому не известным. Специалисты из университета в

Тулэйне, куда обратился Леграсс, не смогли сказать что-либо ни о самом культе, ни о фигурке идола, которую он им показал, и теперь инспектор обратился к ведущим специалистам в данной области, но не услышал ничего более существенного, чем гренландская история профессора Уэбба.

Лихорадочный интерес, вызванный у присутствовавших специалистов рассказом Леграсса и подкрепленный продемонстрированной им фигуркой, отразился лишь в последующей корреспонденции этих специалистов и оказался лишь вскользь упомянут в официальном отчете археологического общества. Осторожность – первейшая забота ученых, часто сталкивающихся с шарлатанством и попытками мистификации. Фигурку идола Леграсс на какое-то время передал профессору Уэббу, но после смерти последнего получил ее обратно, и она хранилась у него, поэтому увидеть загадочную вещицу я смог лишь совсем недавно. Она действительно довольно жуткого вида и несомненно очень похожа на изготовленную во сне юным Уилкоксом.

Мне несколько не удивительно, что мой дед оказался весьма взволнован рассказом юного скульптора, ибо какие же еще мысли могли у него возникнуть после истории Леграсса о загадочном культе, когда перед ним оказался невероятно восприимчивый молодой человек, который не только увидел во сне фигурку и точное изображение надписи странными значками, как на обнаруженных в луизианских болотах и гренландских льдах, но и узнал во сне, по крайней мере, три слова из тех, что присутствовали в заклинаниях эскимосских сатанистов и луизианского отребья? Профессор Анджелл тут же начал свое собственное расследование, что было

вполне естественно, хотя, сказать откровенно, я лично подозревал юного Уилкокса в том, что тот, каким-то образом прознав об этом культе, выдумал серию так называемых «сновидений», чтобы создать такое продолжение этой истории, которое заинтересовало бы моего деда. Записи изложения сновидений и вырезки из газет, собранные профессором, были, конечно же, серьезным подкреплением его догадок; однако мой рационализм и экстравагантность всего этого дела привели меня к заключению, которое я тогда считал наиболее благоразумным. Так что, тщательно изучив рукопись еще раз и соотнеся теософические и антропологические выписки с рассказом Леграсса, я решил совершить путешествие в Провиденс, чтобы высказать справедливые упреки скульптору, позволившему себе столь нагло обманывать серьезного пожилого ученого.

Уилкоккс все еще проживал один в апартаментах во Флер-де-Лиз-Билдинг на Томас-стрит, в здании, представлявшем собой уродливую викторианскую имитацию бретонской архитектуры семнадцатого века, оштукатуренный фасад которого громоздился среди очаровательных домиков в колониальном стиле на древнем холме прямо возле самой изумительной георгианской церкви Америки. Я застал скульптора за работой и, осмотрев хаотично расставленные по комнате произведения, понял, что передо мной несомненно выдающийся и подлинный талант. Я практически уверился, что когда-нибудь услышу о нем как об одном из самых известных декадентов, ибо он сумел воплотить в глине и сможет когда-нибудь отразить в мраморе те ночные кошмары и фантазии, которые Артур Мейчен описал в прозе, а Кларк Эштон Смит оживил в стихах и живописных полотнах.

Смуглый, хрупкого сложения и отчасти неряшливого вида, он вяло откликнулся на мой стук в дверь и, не поднимаясь с места, поинтересовался, что мне нужно. Когда я назвал себя, он проявил некоторый интерес; видимо, в свое время мой дед вызвал в нем любопытство, изучая его странные сновидения, хотя так и не раскрыл перед ним истинных причин своего внимания. Я тоже не просветил его на этот счет, но все же постарался разговорить.

Спустя очень короткое время я убедился в его несомненной искренности, ибо он говорил о своих снах в такой манере, которая рассеяла мои подозрения. Эти сновидения и их отпечаток на бессознательном повлияли сильнее всего на его творчество; он показал мне ужасного вида статую, заставившую меня вздрогнуть от сильнейшего впечатления заключенной в ней мощи темной силы. Он не припомнил никаких иных впечатлений, сподвигших его на это творение, помимо того самого сделанного во сне барельефа, причем очертания этой фигуры сами собой возникали под его руками. Это, несомненно, было очертаниями одной из гигантских теней, привидевшихся ему во время лихорадки. Довольно скоро я убедился, что он понятия не имеет о тайном культе, хотя настойчивые расспросы моего деда вызвали у него определенные подозрения; и тогда я снова склонился к мысли, что кошмарные образы пришли к нему каким-то образом извне.

О своих снах он рассказывал в необычной поэтической манере, благодаря чему я почти воочию узрел ужасающее видение сырого циклопического города из скользкого зеленоватого камня – сама геометрия в котором, как с недоумением заметил скульптор, была совершенно неправильной – и пугающе явственно различил непрерывный, отчасти мысленный зов из-под земли: «Ктулху фхтагн! Ктулху фхтагн!»

Эти слова составляли часть жуткого призыва, обращенного к мертвому Ктулху, лежащему под каменными сводами в Р'лайхе, и я ощутил глубокое волнение несмотря на свой рационализм. Я почти не сомневался, что Уилкоккс все-таки слышал раньше об этом культе, возможно случайно, мимоходом, и вскоре позабыл, а эти сведения растворились в массе других, не менее жутких, прочитанных в книгах или бывших плодом фантазии. Позднее, из-за его острой впечатлительности, сведения о культе нашли воплощение в снах, в барельефе и в этой жуткой статуе, которую я сегодня увидел; таким образом, мистификация могла быть непреднамеренной. Этот молодой человек относился к людям того типа, склонность к аффектации и

дурные манеры которых вызывали у меня раздражение; однако это ничуть не мешало отдать должное его дарованиям и искренности. Расставался я с ним вполне дружески и пожелал ему всяческих успехов, которых его талант несомненно заслуживал.

Суть этого таинственного культа продолжала интересовать меня, и время от времени я встречался с коллегами деда, чтобы узнать их точку зрения на его происхождение и связь с другими культурами. Я побывал в Новом Орлеане, встречался с Леграссом и другими участниками того давнего полицейского рейда, увидел устрашающий каменный символ и даже смог опросить оставшихся в живых пленников-полукровок. Престарелый Кастро, к сожалению, умер за несколько лет до того. Полученное из первых рук только подтвердило уже известное мне из рукописи деда, но все же взбудоражило меня; ибо теперь я не сомневался, что напал на след реально существующей, исключительно тайной и очень древней религии, открытие которой научному миру сделает меня известным антропологом. Мои воззрения тогда базировались на абсолютном материализме (крайне сожалею, что сейчас это уже не так), и меня крайне раздражала непозволительная алогичность совпадения по времени сновидений и событий, отраженных в собрании газетных вырезок покойного профессора Анджелла.

Но уже тогда я начал подозревать (а сегодня могу утверждать, что *знаю* это), что смерть моего деда была вовсе не естественной. Он упал на узкой улочке, идущей вверх по холму, на которой полно всякого заморского сброда, после того, как его толкнул моряк-негр. Я не забыл, что среди поклонников этого культа в Луизиане было много людей смешанной крови и моряков, и нисколько не удивился бы, если бы они применяли отравленные иглы и другие тайные способы умерщвления, столь же бесчеловечные и древние, как их тайные ритуалы. Да, и правда, Леграсса и его людей никто не тронул, однако в Норвегии моряк, оказавшийся свидетелем подобной оргии, закончил свой путь загадочной смертью. Разве не могли слухи о тех исследованиях, которые совершал мой дед после изучения снов скульптора, достичь чьих-то ушей? Думаю, профессор Анджелл умер потому, что слишком много знал или, во всяком случае, мог узнать слишком много. Суждено ли мне покинуть мир так же внезапно, как и он, покажет будущее, ибо уже сейчас я знаю слишком много...

III. Морское безумие

Если бы небеса откликнулись на мои мольбы, то лучшим благодеянием стало бы полное устранение последствий случайного стечения обстоятельств, побудившего меня приглядеться к постеленной на полке газете. Ничто иное не смогло бы заставить меня прочитать статью из этого старого номера австралийского еженедельника «Сиднейский бюллетень» от 18 апреля 1925 года, ускользнувшую от внимания тех, кто занимались сбором газетных и журнальных вырезок для моего деда.

К тому времени я почти бросил попытки исследования того, что профессор Анджелл прозвал «культом Ктулху», и находился в гостях у одного своего друга-ученого из Патерсона, штат Нью-Джерси, куратора местного музея и довольно известного специалиста по минералогии. Рассматривая как-то не участвующие в экспозиции образцы камней в запаснике музея, я обратил внимание на странное изображение на старой газете, постеленной на полку под камнями. Это как раз и был упомянутый мною «Сиднейский бюллетень», а на полутоновой иллюстрации оказалось изображение мерзкой каменной фигурки, почти точно такой, как обнаруженная Леграссом на болотах.

С жадностью вытащив газету из-под драгоценных экспонатов коллекции, я внимательно прочитал статью и был разочарован разве что ее малым объемом. Содержание же, однако, оказалось необычайно важным для моих загложших уже было поисков, и потому я аккуратно вырезал эту статью. В ней сообщалось следующее:

НАЙДЕНО ТАИНСТВЕННОЕ БРОШЕННОЕ СУДНО

«Бдительный» прибывает с брошенной новозеландской яхтой на буксире. На борту обнаружены один живой и один мертвый. История об отчаянной битве и гибели на море. Спасенный моряк отказывается сообщить подробности странных событий. У него обнаружен причудливый идол. Предстоит расследование.

Грузовое судно «Бдительный», принадлежащее компании «Моррисон», отправившееся из Вальпараисо, подошло сегодня утром к своему причалу в Дарлинг-Харборе, имея на буксире имеющую повреждения и неуправляемую, но прекрасно вооруженную яхту на паровом ходу «Тревожная» из Данедина, Новая Зеландия, найденную 12 апреля в 34 градусах 21 минуте южной широты и 152 градусах 17 минутах западной долготы с одним живым и одним мертвым человеком на борту.

«Бдительный» покинул Вальпараисо 25 марта, а 2 апреля был вынужден значительно отклониться к югу от своего курса из-за необыкновенно сильного шторма и гигантских волн. 12 апреля было замечено брошенное судно; яхта на первый взгляд казалась совершенно пустой, но затем на ней углядели живого человека в полубессознательном состоянии, а также покойника, умершего явно не менее недели назад.

Оставшийся в живых сжимал в руках страшного вида каменного идола неизвестного происхождения, высотой примерно в фут, о назначении которого специалисты Сиднейского университета, Королевского общества, а также музея на Колледж-стрит высказали полное недоумение. Сам выживший моряк заявил, что обнаружил эту вещь в салоне яхты на небольшом, совершенно стандартном резном алтаре.

Этот человек, когда пришел в чувство, рассказал чрезвычайно странную историю о пиратстве и кровавой резне. Он назвался Густавом Йохансенем, хорошо образованным норвежцем, вторым помощником капитана на двухмачтовой шхуне «Эмма» из Окленда, которая отплыла 20 февраля в Каллао, имея на борту команду из одиннадцати человек.

По его словам, «Эмма» задержалась в пути и отклонилась к югу от своего курса из-за сильного шторма 1 марта, а 22 марта в 49 градусах и 51 минуте южной широты и 128 градусах

и 34 минутах западной долготы повстречалась с «Тревожной», на которой оказалась странная и зловещего вида команда из канаков и людей смешанной расы. Получив ультимативное требование повернуть назад, капитан Коллинз отказался выполнить его; тогда странный экипаж без всякого предупреждения открыл яростный огонь по шхуне из медных пушек, которыми была вооружена яхта.

Команда «Эммы», как сказал выживший моряк, приняла вызов и, хотя шхуна уже начала тонуть от пробоин ниже ватерлинии, смогла подвести свое судно бортом к борту яхты, перебраться на нее и вступить в схватку на ее палубе с диким экипажем, в результате которой перебили всех их – хотя те обладали численным перевесом, их яростное и отчаянное сопротивление было организовано крайне плохо.

Из экипажа «Эммы» оказались убиты трое, среди них – капитан Коллинз и первый помощник Грин; оставшиеся восемь под командой второго помощника Йохансена разобрались с управлением захваченной яхты и направились своим прежним курсом, движимые любопытством, зачем экипаж яхты требовал от них его изменить.

На следующий день они обнаружили маленький остров и высадились на него, хотя о его существовании в этой части океана никто никогда не слышал; шестеро каким-то образом погибли на этом острове, причем в этой части своего рассказа Йохансен стал крайне скупым на слова и сообщил лишь, что они упали в глубокие расщелины между камнями.

Судя по всему, спустя какое-то время он и его оставшийся в живых компаньон сели на яхту и смогли справиться с управлением ею, но 2 апреля попали в шторм.

Случившееся с этого момента и до часа своего спасения 12 апреля Йохансен почти не помнит и не может указать, когда умер его напарник, Уильям Брайден. Смерть последнего, как показал осмотр, не была насильственной и произошла, судя по всему, в результате перевозбуждения или перегрева.

Из Данедина по телеграфу сообщили, что «Тревожная» была хорошо известным торговым судном, курсировавшим между островами Тихого океана, и пользовалась по всему побережью дурной репутацией. Ею владела странная группа представителей смешанных рас, достаточно необычная, частые сборища которой и ночные походы в лесную чащу вызывали немалое любопытство; она в крайней спешке вышла в море сразу же после шторма и подземных толчков 1 марта.

Наш оклендский корреспондент сообщает, что «Эмма» и ее экипаж имели прекраснейшую репутацию, а Йохансена характеризует как трезвомыслящего и достойного человека.

Адмиралтейство распорядилось о расследовании этого происшествия, которое начнется завтра; в ходе него попытаются получить от Йохансена больше информации, чем есть в настоящее время.

Вот и вся заметка, которую сопровождал фотоснимок демонического изображения; но какую цепь догадок она у меня породила! Ведь это же были бесценные новые сведения о культуре Ктулху, подтверждающие, что он имеет отношение к морю, а не только к земле. С чего вдруг странный экипаж с ужасным идолом приказал «Эмме» повернуть назад, повстречавшись с ней на своем пути? Что это был за неизвестный остров, на котором умерли шестеро из экипажа «Эммы» и о котором Йохансен рассказал так мало? Что открылось в результате расследования, предпринятого адмиралтейством, и что знали об этом губительном культе в Данедине? А самое удивительное, что имелась какая-то глубокая и сверхъестественная связь между датами этих событий и поворотами в других событиях, тщательно описанных моим дедом.

1 марта – у нас это было 28 февраля из-за разницы во времени между часовыми поясами – имели место землетрясение и шторм. Из Данедина «Тревожная» со своим неприятным экипажем отбыла весьма поспешно, как будто по чьему-то настоятельному требованию, и в тот же момент на другом конце земли поэты и художники в своих снах начали видеть странный, пропитанный сыростью циклопический город, а юный скульптор, не просыпаясь, вылепил из

глины фигурку наводящего ужас Ктулху. 23 марта экипаж «Эммы» высаживается на неведомом острове, где теряет шестерых человек; именно в этот день сны чувствительных людей обретают особую яркость, а кошмар усиливается ощущением преследования гигантским монстром; в этот же день архитектор сходит с ума, а скульптор внезапно впадает в лихорадку! Что же означает шторм 2 апреля – в день, когда все сны о сочащемся влагой городе неожиданно прекращаются, а Уилкокс чудесным образом избавляется от странной лихорадки? Что означает все это в целом – вместе с намеками престарелого Кастро об опустившихся во глубину вод Старцах, пришедших со звезд, и об их грядущем владычестве, вместе с культом верующих в них и их способность управлять сновидениями? Неужели я балансирую на краю космического ужаса, превышающего тот предел, что может постичь и вынести человек? Если это так, то об этом не должен узнать более никто, ибо второго апреля эта чудовищная угроза, уже начавшая разъедать душу человечества, каким-то образом оказалась остановлена.

Тем же вечером, отправив несколько телеграмм, я попрощался с другом, у которого был в гостях, и сел на поезд до Сан-Франциско. Менее чем через месяц я уже был в Данедине, но, однако, в портовых тавернах мало что знали о служителях странного культа. Разного рода отбросы общества не были темой, достойной упоминания, но все же имелись смутные слухи насчет одного их путешествия в глубь острова, во время которого с тех отдаленных холмов доносились приглушенные звуки барабана и виднелись красные языки пламени.

В Окленде я узнал, что после возвращения Йохансена его русые волосы оказались совершенно седыми; пройдя небрежный и неполноценный допрос в Сиднее, он продал свой особняк на Вест-стрит в Данедине и вместе с женой отплыл к своему старому дому в Осло. Другим о своем необычайном приключении он рассказал не больше, чем сообщил представителям адмиралтейства, но они смогли дать мне его адрес в Осло.

После этого я отправился в Сидней и совершенно безрезультатно побеседовал с моряками и с представителями адмиралтейского суда. Я увидел на Круговом причале Сиднейской бухты «Тревожную», ныне проданную и используемую как торговое судно, но это не добавило ничего к моим сведениям. Скрюченная фигурка с головой как у каракатицы, драконьим туловищем, крыльями и с надписью странными значками на пьедестале теперь хранилась в музее сиднейского Гайд-парка; я долго и внимательно рассматривал ее, признав вещь, выполненной с исключительным мастерством, столь же таинственной, пугающе древней и из того же странного неземного материала, как и меньший по размеру экземпляр Лэграсса. Хранитель музея, геолог по специальности, сказал мне, что считает ее чудовищной загадкой, ибо на земле не существует камня, подобного тому, из которого она сделана. Затем я с содроганием вспомнил слова престарелого Кастро, сказанные Лэграссу о происхождении Великих Старцев: «Они сами пришли со звезд и принесли с собой Свои изображения».

Все это настолько ошеломило меня, что я направился в Осло специально для встречи с Йохансеном. Доплыв до Лондона, я перебрался на корабль, следующий в норвежскую столицу, и в один прекрасный осенний день ступил на набережную в тени замка Эгеберга.

Я узнал, что Йохансен проживал в Старом Городе короля Харольда Хаардредра, сохранявшем имя «Осло» даже на протяжении всех тех веков, пока окружающий его город маскировался под именем «Христиания». Совершив короткую поездку на такси, вскоре я с бьющимся от волнения сердцем постучал в дверь опрятного старинного домика с оштукатуренным фасадом. Женщина в черном с печальным лицом выслушала мои объяснения и, с трудом говоря по-английски, сообщила ошеломившую меня новость – Густав Йохансен умер.

После возвращения он прожил совсем недолго, сказала его жена, ибо события 1925 года надломили его. Он рассказал ей не больше, чем всем остальным, но оставил большую рукопись – касательно «технических вопросов», по его словам, – написанную на английском, вероятно для того, чтобы жена случайно с нею не ознакомилась. Как-то во время прогулки по узкой улочке близ Готенбургского дока на него из окна мансарды одного из домов упала связка каких-

то бумаг и сбила с ног. Двое ласкаров, матросов-индийцев, помогли ему подняться, но он скончался еще до прибытия врача. Медики не смогли установить причину смерти и приписали ее сердечной недостаточности и общему ослабленному состоянию.

С того момента, как я узнал об этом, меня преследует темный страх, и я знаю, что он не оставит меня, пока я тоже не найду свой конец, «случайно» или еще как-то. Убедив вдову, что имею вполне конкретное отношение к тем «техническим вопросам», о которых написал ее муж, я смог получить рукопись в свое полное распоряжение и начал читать ее на обратном пути в Лондон.

Это оказалось неприятным и довольно бессвязным сочинением – попыткой простого моряка задним числом записать дневник происшедших событий – восстановить, день за днем, то ужасное последнее путешествие. Не буду даже пытаться приводить его дословно, ввиду невнятности изложения, повторов и перегруженности лишними подробностями, но постараюсь изложить общий сюжет, чтобы вы поняли, почему звук воды, бьющей в борта корабля, постепенно стал для меня настолько невыносимым, что пришлось затыкать уши ватой.

Йохансен, слава Богу, хотя увидел и город, и ту Тварь, узнал далеко не все, но я теперь никогда не смогу спокойно заснуть, помня о том, что притаилось совсем рядом с нашей жизнью, о проклятых тварях, прибывших к нам с более древних звезд и спящих сейчас под толщей морских вод, которым поклоняется зловещий культ, готовый призвать их к власти над нашим миром, когда их чудовищный каменный город снова поднимется к солнцу и воздуху от другого землетрясения.

Путешествие Йохансена началось в точности так, как он сообщил в адмиралтействе. «Эмма», для устойчивости загруженная балластом, покинула Окленд 20 февраля и испытала на себе полную силу той бури, вызванной подземным толчком, что подняла со дна моря ужасы, наполнившие сны многих людей. Как только корабль снова стал управляемым, он тут же поплыл дальше, пока не был атакован «Тревожной» 22 марта, и я почувствовал горечь и сожаление в словах помощника капитана, когда он описывал, как их шхуна подверглась обстрелу, а затем затонула. О смуглолицых служителях культа, находившихся на борту «Тревожной», он говорил с нескрываемым отвращением. В них было что-то невероятно гнусное, из-за чего уничтожение их казалось почти священным долгом, и потому Йохансен с искренним недоумением воспринял обвинение экипажа шхуны в жестокости, прозвучавшее во время слушания в суде. Затем, движимые любопытством, они мчались дальше на захваченной яхте под командованием Йохансена, пока, в 47 градусах 9 минутах южной широты и 126 градусах 43 минутах западной долготы, не наткнулись на береговую линию, где посреди липкой грязи и ила обнаружили примитивную, но циклопическую каменную кладку – не что иное, как материализованный ужас нашей планеты, кошмарный город-групп Р'лайх, построенный бесчисленные века назад гигантскими отвратительными созданиями, спустившимися с темных звезд. Там покоились великий Ктулху и его несметные полчища, скрывающиеся под осклизлыми зелеными каменными сводами, уже бесчисленные столетия насылающие те самые ночные кошмары, проникающие в сны чутких людей и призывающие своих поклонников исполнить миссию освобождения и возрождения повелителей. Йохансен обо всем этом не подозревал, но, видит Бог, вскоре он увидел более чем достаточно!

Предполагаю, что над поверхностью воды выступила только какая-то одна верхушка чудовищной, увенчанной монолитом цитадели, в которой покоится великий Ктулху. Когда же я подумал о том, что могло быть под нею, меня посетила мысль о самоубийстве. Йохансен и его матросы прониклись благоговейным трепетом перед лицом космического величия этого затонувшего Вавилона древних демонов и догадались без всякой подсказки, что это не могло быть творением обитателей ни нашей, ни какой-либо другой обычного типа планеты. В каждой строке повествования бывшего помощника капитана ощущается трепет от невыносимого раз-

мера зеленоватых каменных блоков, от потрясающей высоты огромного монолита с высеченной фигурой, от ошеломляющего сходства колоссальной статуи-барельефа со странной фигуркой, обнаруженной на корабельном алтаре «Тревожной».

Не имея никакого представления о футуризме, Йохансен почти в точности следовал ему, рассказывая о городе, ибо вместо точного описания какого-либо сооружения или здания ограничивался только общим впечатлением от гигантских плоскостей или каменных поверхностей – поверхностей слишком больших, чтобы их мог создать кто-то из обитателей этой планеты, – покрытых к тому же устрашающими изображениями и письменами. Я обращаю здесь внимание на его высказывания об углах, поскольку оно напомнило мне один момент в рассказе Уилкокса о своих сновидениях. Он сказал, что сама геометрия пространства, явившегося ему во сне, была неправильной, неэвклидовой и пугающе обильной сферами и измерениями, отличными от привычных нам. И вот, как видите, малограмотный моряк ощутил то же самое, глядя на ужасную реальность.

Йохансен и его команда высадились на отлогий илистый берег этого чудовищного акрополя и стали карабкаться, соскальзывая, наверх по титаническим, сочащимся влагой каменным блокам лестницы, явно предназначенной не для простых смертных. Даже солнце на небе словно бы искажалось в миазмах, исходяемых этой погруженной в море громадой, а в норвящих ускользнуть от глаз углах резного камня таилась угроза и опасность – второй взгляд обнаруживал впадину на том месте, на котором первый замечал выпуклость.

Нечто очень похожее на испуг охватило всю команду еще до того, как они увидели хоть что-то помимо камней, ила и водорослей. Каждый из них убежал бы обратно, если бы не опасался насмешек от остальных, и все только делали вид, будто ищут чего-то – совершенно напрасно, как стало потом понятно какой-нибудь небольшой сувенир на память об этом месте.

Португалец Родригес, первым забравшийся к подножию монолита, крикнул, что увидел нечто интересное. Остальные поспешили присоединиться к нему, и все с любопытством уставились на огромную резную дверь с уже знакомым изображением головоногого дракона. Она была похожа, писал Йохансен, на дверь огромного амбара; все сразу поняли, что это именно дверь, из-за витиевато украшенной перемычки, порога и косяков, хотя не смогли разобраться, располагается ли она горизонтально, как дверь-люк, или стоит под наклоном, как дверь внешнего погреба. Как говорил Уилкоккс, геометрия в этом месте была совершенно неправильной. Нельзя было даже с уверенностью сказать, расположены ли море и поверхность земли горизонтально, поскольку относительное расположение всего окружающего непонятным образом все время менялось.

Брайден в нескольких местах попробовал нажимать на камень, но безрезультатно. Затем Донован последовательно оступал по краям всю дверь, нажимая по мере продвижения на каждый участок. Он карабкался по гигантскому покрытому плесенью камню – то есть следовало предположить, что он карабкался, если только она не располагалась все-таки горизонтально, – вызывало изумление, что во вселенной вообще может существовать дверь такого огромного размера. Затем очень мягко и медленно панель размером в акр начала опускаться, и они поняли, что она удерживается в равновесии.

Донован соскользнул вдоль ее края и присоединился к своим товарищам, и они все вместе наблюдали, как плита, закрывавшая чудовищный резной портал, странным образом опускается. В этом фантастическом мире призматического искажения плита двигалась совершенно неестественно, под наклоном, так что все правила движения материи и законы перспективы казались нарушенными.

Открывшийся проем был черным, и темнота в нем была почти материальной. Точнее, мрак этот был отсутствием материальности, и он стал расплываться наружу наподобие дыма, словно вырывался из многовекового заточения, и когда клубы врывались в сморщенное горбатое небо, будто хлопающие перепончатые крылья, солнце меркло на глазах. Из открывшихся

глубин поднимался совершенно невыносимый смрад, а отличавшийся острым слухом Хокинс уловил доносившееся снизу неприятное хлюпание. И когда все прислушались, перед ними, перегородив весь проход и источая слизь, появилось Оно и стало протискивать Свою зеленую желеобразную безмерность через черный проем в отравленную атмосферу этого города безумия.

С этого места рукопись бедняги Йохансена становится маловразумительной. Из шести человек, не вернувшихся на корабль, по его мнению, двое умерли от страха тут же, на месте. Описать Тварь не представляется возможным – ибо нет языка, способного передать такую бездну вопящего и не удерживающегося в памяти безумия, такого категорического несоответствия всем законам материи, энергии и космического порядка. Шагающая или ковыляющая горная вершина – о Боже! Ничего удивительного в том, что на другом конце земли сошел с ума выдающийся архитектор, а получивший телепатический сигнал несчастный Уилкоккс впал в лихорадку. Тварь, представленная на идоле, зеленое липкое звездное отродье, пробудилась, чтобы заявить свои права на наш мир. Звезды вновь заняли благоприятное положение, и то, чего не удалось добиться древнему культу своими ритуалами, по чистой случайности совершила группа ничего не ведающих моряков. После многих вигинтиллионов лет великий Ктулху оказался вызволен из заточения и жаждал насладиться этим.

Троих смело гигантскими когтями, прежде чем кто-то успел повернуться к берегу. Да упокоит Господь их души, если где-то во Вселенной вообще есть место для упокоения. Это были Донован, Гуэрера и Ангстром. Паркер поскользнулся, когда трое остальных, потеряв голову от страха, неслись к лодке по камням, покрытым зеленой коркой, и Йохансен клялся, что структура кладки словно проглотила Паркера, когда он свалился и оказался под углом, какого не может быть в нашем мире. Так что до лодки добежали только Брайден и сам Йохансен: они отчаянно принялись грести к «Тревожной», а гороподобное чудовище спустилось по слизким камням и в нерешительности бродило у края воды.

Двигатель яхты не был заглушен полностью, и потому, несмотря на нехватку рабочих рук, после нескольких минут суматошной беготни из рубки в машинное отделение и обратно им удалось отплыть. Медленно набирая ход, несмотря на неопишное искажение всего окружающего, «Тревожная» начала вспенивать эту несущую смертельную опасность воду, тогда как титаническая Тварь на краю нагромождения камней, которое никак нельзя было назвать «берегом», бормотала что-то и пускала слюни, подобно Полифему, посылающему проклятия вслед удаляющемуся кораблю Одиссея. Затем великий Ктулху, оказавшийся смелее, чем легендарные циклопы, шлепнулся в воду и начал преследование, поднимая гигантские волны гребками космической мощи. Брайден оглянулся – и потерял рассудок; с того момента он непрерывно смеялся, делая лишь короткие паузы, пока наконец не умер ночью в рубке, в то время как Йохансен в полном отчаянии бродил по палубе.

Однако Йохансен все же не сдался. Зная, что Тварь без труда настигнет «Тревожную», даже если идти на всех парах, он решился на отчаянный шаг: запустив двигатель на самый полный ход, взбежал на мостик и резко развернул штурвал. Поднялись мощные волны и закипела соленая вода, тогда как двигатель завывал все громче и громче, а храбрый норвежец направил нос корабля прямо на преследующее их чудовищное желе, возвышавшееся над грязной пеной словно корма дьявольского галеона. Ужасная голова с извивающимися щупальцами возвышалась почти до бушприта отважной яхты, но Йохансен упрямо вел корабль вперед.

Взрыв был такой, будто лопнул гигантский пузырь, и вместе с тем было отвратительное ощущение разрезаемой титанической медузы, сопровождаемое зловонием тысячи разверстых могил и звуком, который бывший помощник капитана не в силах описать. Корабль в миг накрыло едкое и слепящее зеленое облако, так что была видна лишь яростно бурлящая вода за кормой; и хотя – все милостивый Боже! – разметавшиеся клочья не имеющего названия звезд-

ного отродья постепенно воссоединялись в свою ненавистную первоначальную форму, расстояние между ним и яхтой стремительно увеличивалось.

Все закончилось. С того момента Йохансен лишь сидел в рубке, поглядывая поверх фигурки идола, да время от времени готовил нехитрую еду для себя и сидящего рядом смеющегося безумца. Он даже не пытался управлять судном после той отчаянной гонки, ибо, похоже, его душевные силы полностью иссякли. Затем случился шторм 2 апреля, и сознание Йохансена начало затуманиваться. Он ощущал лишь призрачное вихревое кружение в бездне времен, бешеную скачку сквозь крутящиеся вселенные на хвосте кометы, истерическое метание из бездны на луну и обратно в бездну, сопровождавшееся хохотом веселящихся древних богов и зеленых, обладающих перепончатыми крыльями, гримасничающих бесов Тартара.

Где-то за пределами этого сна пришло спасение – «Бдительный», суд адмиралтейства, улицы Данедина и долгое возвращение на родину, в старый дом возле замка Эгеберга. Он не мог никому рассказать о случившемся – его приняли бы за сумасшедшего. Он хотел, пока еще жив, описать происшедшее, но так, чтобы жена ни о чем не подозревала. Смерть представлялась ему благословением свыше, если только могла стереть все из его памяти.

Вот каков был документ, который я прочел, а затем положил в жестяной ящик с барельефом и бумагами профессора Анджелла. Сюда же я помещу и свои собственные записи – это будет свидетельством моего здравого рассудка, – соединяющие в единую картину то, что, надеюсь, никто больше не соберет воедино. Я заглянул в глаза самого великого ужаса Вселенной, и с того момента даже весеннее небо и летние цветы отравлены для меня его ядом. Но я не думаю, что мне суждено жить долго. Так же, как ушел из жизни мой дед, как ушел бедняга Йохансен, так и мне предстоит покинуть этот мир. Я знаю слишком много, а культ все еще жив.

Ктулху тоже по-прежнему существует и, предполагаю, снова пребывает в каменной пропасти, хранящей его с тех времен, когда наше солнце было молодым светилом. Его проклятый город снова ушел под воду, ибо «Бдительный» беспрепятственно прошел над этим местом после апрельского шторма; но его служители на Земле все еще поклоняются ему, совершают обряды и приносят человеческие жертвы в пустынных местах возле увенчанных фигурками идола монолитов. Должно быть, он пока не может выбраться из своей бездонной черной пропасти, иначе весь мир сейчас кричал бы от страха и бился в припадках безумия. Кто знает, чем все закончится? Восставший может погрузиться в бездну, а погрузившийся в бездну может вновь восстать. Воплощение мерзости спит, дожидаясь своего часа, в глубине, и смрад порчи расплзается над гибнущими городами людей. Настанет время... Но я не должен и не могу об этом думать! Молю лишь о том, что если мне не доведется пережить эту рукопись, то пусть мои душеприказчики не совершат безрассудства и не позволят прочесть ее другим людям.

Данвичский ужас⁹

Горгоны, гидры и химеры – страшные рассказы о Келено и гарпиях – могут воспроизводиться в голове суеверного человека – однако они существовали в нашем мире прежде. Все это – копии, типы – точнее архетипы, которые есть в нас и существуют извечно...

...Иначе как же могло бы затрагивать нас то, что мы считаем выдумкой?.. Разве ужас мы испытываем тогда, когда считаем, что нечто способно причинить нам физическую боль? – О, вовсе нет! Эти страхи имеют более древнее происхождение. Основа их лежит за пределами тела – иначе говоря, даже не будь у нас тела, они бы все равно оказывали воздействие...

...Тот страх, о котором мы говорили, чисто духовной природы; то, что он силен, не будучи привязан ни к какому земному объекту, и то, что он преобладает в период нашего безгреховного младенчества, – это затрудняет поиск способа проникнуть в глубины нашего доземного бытия и хотя бы одним глазком заглянуть в царство теней предсуществования.

Чарльз Лэмб. Ведьмы и другие ночные страхи

I

Если, путешествуя по северным районам центральной части Массачусетса, на развилке дороги в Эйлсбери близ Динз-Корнерс повернуть не в ту сторону, вы окажетесь в пустынном и любопытном месте. Местность становится холмистой, а обсаженные вереском каменные стены все ближе подбираются к пыльной извилистой дороге. Деревья в многочисленных полосах леса кажутся слишком большими, а дикие травы, сорняки и заросли куманики чувствуют себя здесь куда вольготнее, чем в обжитых районах. В то же время возделываемые поля становятся более скудными и встречаются все реже; при этом немногочисленные разбросанные здесь дома несут на себе удивительно сходный отпечаток большого возраста, разрушения и запущенности. Неизвестно почему, обычно путешественники не решаются спросить дорогу у одиноких людей грубоватой наружности, попадающихся там и сям на полуразвалившихся крылечках или на наклонных лугах среди разбросанных камней. Они кажутся такими тихими и вороватыми, что подозреваешь рядом что-то запретное, от чего лучше держаться подальше. Когда дорога поднимается так высоко, что видишь горы над темными лесами, ощущение смутной тревоги усиливается. Вершины кажутся слишком округленными и симметричными, чтобы давать чувство комфорта и естественности, а порой на фоне неба с особой четкостью вырисовываются странные круги из высоких каменных колонн, которыми увенчаны здесь большинство вершин.

Дорога пересекает узкие ущелья и овраги значительной глубины, а грубо сколоченные мосты через них кажутся довольно опасными. Затем дорога снова спускается и проходит по болотистой местности, вызывающей инстинктивную неприязнь, а по вечерам – почти страх из-за стрекота невидимых козодоев, светлячков, в необыкновенном изобилии танцующих под скрипучее пение жаб. Узкая сверкающая лента Мискатоника в его верховьях, огибающая подножия куполообразных холмов, очень напоминает змею.

⁹ Перевод Олега Колесникова

По мере приближения к холмам их покрытые густыми лесами склоны начинают вызывать большие опасения, чем увенчанные камнями вершины. Хочется оставить в стороне эти темные и крутые склоны, но здесь нет дороги, позволяющей держаться от них на почтительном расстоянии. После крытого мостика начинается городок, зажатый между рекой и крутым склоном Круглой горы, удивляющий видом своих полусгнивших двускатных мансардных крыш – архитектура их говорит скорее о давности постройки, а не о местных традициях. Большинство домов заброшены и готовы обвалиться, а в церкви с обломанным шпилем обосновалась единственная во всем поселении торговая лавка. Довериться темному тоннелю крытого мостика кажется жутковатым, но другого пути нет. А едва переберешься на другую сторону, сразу ощущаешь слабый, но скверный запах здешних улиц – запах плесени и многолетнего гниения. Покидая это место, обычно испытывают облегчение; узкая дорога огибает затем подножия холмов, пересекает почти гладкую равнину и наконец воссоединяется с главной трассой в сторону Эйлсбери. Но если вы проявите любопытство, то можете узнать, что побывали в Данвиче.

Посторонние в Данвич стараются не заглядывать, а после одного периода непрерывного ужаса это название убрали со всех указателей. С эстетической точки зрения окружающий ландшафт здесь более чем прекрасен; тем не менее здесь не бывает ни художников, ни просто летних туристов. Пару веков назад, когда над рассказами о ведьмовстве, служителях сатаны, ведьминой крови и странных лесных тварях никто не посмеивался, этой местности старались всячески избегать. В наш рациональный век – хотя все сведения о данвичском ужасе 1928 года были тщательно скрыты стараниями людей, искренне беспокоящихся о благополучии этого городка, да и всего нашего мира, – люди, сами не зная почему, по-прежнему остерегаться этого места. Возможно, одна из причин – хотя это объяснение неприменимо в отношении неинформированных путешественников – то, что местные жители заметно опустились, ушли довольно далеко по пути регресса и упадка, характерного для многих захолустных уголков Новой Англии. Обитатели таких мест образуют особую расу, для которой свойственны признаки умственного и физического вырождения и последствия близкородственных кровных связей. Средний уровень их интеллектуального развития удручающе низкий, а их летописи изобилуют порочностью, убийствами, кровосмешениями и почти неопишуемой жестокостью и извращенностью. Местная мелкая знать, представленная несколькими гербоносными семьями, переселившимися сюда из Салема в 1692 году, еще как-то удерживается над уровнем общей деградации; хотя многие ветви этих семей настолько смешались с общей массой, что только фамилии напоминают об их происхождении. Некоторые из Уэйтли и Бишопов все еще посылают своих старших сыновей в Гарвардский или Мискатоникский университеты, но сыновья эти обычно не возвращаются под ветхую крышу дома, где родились они сами и их предки.

Никто, даже те, кто знает правду о недавних ужасных событиях, не может объяснить, что же с Данвичем не в порядке; между тем предания рассказывают о тайных собраниях и греховных обрядах индейцев, на которых они вызывали призраков с больших круглых холмов, исступленно взывая к ним, и это сопровождалось громким треском и грохотом, доносившимися из-под земли. В 1747 году преподобный Авия Хоадли, недавно назначенный в конгрегационалистскую церковь Данвич-Вилледж, произнес памятную проповедь по поводу близкого соседства Сатаны и его бесов; в ней он говорил следующее:

Вилледж, произнес памятную проповедь по поводу близкого соседства Сатаны и его бесов; в ней он говорил следующее:

«Нужно признать, что Богохульства инфернальной Свиты Демонов слишком заметны, чтобы их можно было игнорировать: проклятые Голоса Азазеля и Базразля, Веельзевула и Велшала доносятся до нас сейчас из Подземного мира, что подтверждают заслуживающие доверия Свидетели, ныне живущие. Я сам не далее как две недели назад явственно слышал Речь дьявольских Сил под Холмами за моим Домом; она сопровождалась Треском и Грохотом, Стоном, Скрежетом, Шипом и Свистом, издавать какие не способна ни одна Тварь на

этой Земле, доносящимися, несомненно, из тех Пещер, доступ к которым дает только черная Магия, а отмыкает один лишь Дьявол».

Мистер Хоадли исчез вскоре после этой проповеди, однако сохранился текст ее, отпечатанный в Спрингфилде. Сообщения о странных звуках в холмах продолжают поступать год от года и по-прежнему остаются загадкой для геологов и физиографов.

Другие предания сообщают о неприятных запахах вблизи венчающих холмы колец из каменных колонн, о воздушных потоках, шум которых слышен только из определенной точки на дне глубокого оврага; и есть предания о так называемом Хмельнике Дьявола – склоне холма, полностью лишенном растительности. А еще местные жители смертельно боятся многочисленных в этих краях козодоев, которые заводят свои песни теплыми ночами. Они уверены, что эти птицы – проводники в загробный мир, караулящие души умирающих, и что они кричат в унисон с последними тяжелыми вздохами. Если им удастся поймать летящую душу, когда та покидает тело, они тут же улетают с ней, издавая дьявольский смех; если им не удастся этого, их крики постепенно замолкают.

Эти выдумки, конечно, давно устарели и сейчас звучат курьезно; однако они пришли к нам с очень древних времен.

Данвич и в самом деле был очень старым поселением – древнее, чем любое другое в пределах тридцати миль от него. К югу от городка еще до сих пор сохранились стены погребца и дымоход древнего дома Бишопов, возведенного еще до 1700 года; а руины мельницы у водопада, построенной в 1806 году, – это самое современное здание. Промышленность в этих краях не прижилась, а появившееся в девятнадцатом веке стремление строить повсюду фабрики оказалось недолговечным. Старейшие сооружения здесь – круги на вершинах холмов, образованные огромными грубо вытесанными каменными колоннами, но их обычно относят к деятельности индейцев, а не более поздних поселенцев. Россыпи черепов и человеческих костей внутри этих кругов, а также возле огромного камня в форме стола на Сторожевом холме свидетельствуют в пользу распространенных представлений о том, что подобного рода сооружения были местами массовых погребений покумтуков¹⁰, хотя многие этнологи считают такую трактовку полным вздором, настаивая на том, что это останки людей европеоидной расы.

¹⁰ Группа мелких индейских племен, проживавшая в долине реки Коннектикут от западного Массачусетса до юго-западного Нью-Гэмпшира. В результате войн и переселений перемешались с другими племенами.

II

Именно возле Данвича, в большом и частично необитаемом фермерском доме в основании склона холма, в четырех милях от городка и в полутора милях от ближайшего жилья 2 февраля 1913 года, в воскресенье, в 5 часов утра родился Уилбур Уэйтли. Эту дату запомнили, потому что в тот день было Сретение, которое в Данвиче отмечают под другим названием, а еще и потому, что всю ночь от холмов доносился грохот, и все собаки в округе беспрерывно заливались лаем. Менее важным представляется то обстоятельство, что мать его была из угасающего рода Уэйтли, непривлекательная альбиночка 35 лет с обезображенным лицом, проживавшая со своим престарелым полусумасшедшим отцом, о колдовских делах которого во времена его молодости ходили жутковатые истории.

Мужа у Лавинии Уэйтли не было, но она, в соответствии с местными традициями, не стала отказываться от ребенка; в соответствии с этими же традициями местные жители могли – и делали это – судачить о предполагаемом отце ребенка сколько им вздумается. Более того, казалось, что Лавиния даже гордится своим темноволосым смазливим младенцем, внешность которого составляла разительный контраст с ее болезненного вида лицом альбиночки с красными глазами, и многие не раз слышали, как она бормочет странные пророчества относительно его необыкновенных возможностей и потрясающего будущего.

Такие пророчества вполне соответствовали обычному поведению Лавинии, ибо она вела одинокий образ жизни, часто бродила по холмам во время грозы и пыталась читать ветхие тома, собранные семейством Уэйтли за два века и унаследованные ее отцом, изъеденные червями и разваливающиеся на части. Лавиния ни разу не была в школе, но старик Уэйтли напичкал ее обрывками древних знаний. Местные жители сторонились их одинокого фермерского дома из-за предполагаемых занятий стариком Уэйтли черной магией; репутация этого дома стала еще хуже после таинственной насильственной смерти миссис Уэйтли, случившейся, когда Лавинии было двенадцать лет. Оказавшись во всем этом странном окружении в одиночестве, Лавиния часто погружалась в грандиозные и безудержные грезы наяву и вообще предавалась странным занятиям; ее досуг не красили хлопоты по дому, в котором давно исчезли чистота и порядок.

В ночь, когда Уилбур появился на свет, люди слышали ужасный вопль, заглушивший собачий лай и доносившийся от холмов грохот; ни врач, ни повивальная бабка при этом рождении не присутствовали. Соседи узнали о новорожденном только через неделю, когда старик Уэйтли приехал по снегу на санной повозке в Данвич-Вилледж и обратился с почти бессвязной речью к группе зевак возле лавки Осборна. Казалось, в старике произошла какая-то перемена – появилась настороженность в его поведении, странным образом преобразовавшая старика из устрашающего в уstraшенного, хотя он был не таким человеком, которого могли бы обеспокоить какие-либо заурядные человеческие события в его семье. В дополнение к этому в нем была заметна гордость, позднее замеченная и у его дочери, а сказанное им по поводу возможного отца ребенка услышавшие не раз вспоминали и годы спустя.

«Меня не волнует, что подумают соседи, но если парень Лавинии похож на своего папу, то он будет не похож ни на что, к чему вы привыкли. Не следует полагать, что люди везде такие же, как здесь. Лавиния много читала и видела кое-что такое, о чем вы знаете только по слухам. А избранный ею мужик ничуть не хуже любого по эту сторону Эйлсбери; и если бы вы знали про наши холмы то, что известно мне, то понимали бы, что никакое венчание в церкви ей не требуется. Поверьте в мои слова: настанет день, и вы, парни, услышите, как дитя Лавинии прокричит имя своего отца с вершины Сторожевого холма».

Из посторонних в первый месяц жизни Уилбура его видели только старый Захария Уэйтли, из тех Уэйтли, что еще не совсем деградировали, и Мейми Бишоп, невенчанная жена

Эрла Сойера. Мейми заглянула к ним в гости из чистого любопытства, и рассказы об этом делают честь ее наблюдательности; Захария же привел пару олдернийских коров, которых старик Уэйтли приобрел у его сына Кертиса. С этой сделки начались регулярные закупки скота семейством маленького Уилбура, завершившиеся лишь в 1928 году, когда начался и закончился данвичский ужас; тем не менее ветхий хлев Уэйтли никогда не казался переполненным скотиной. Спустя какое-то время это стало вызывать такое любопытство, что некоторые из соседей попытались тайком сосчитать стадо, беспризорно пасущееся на склоне за старым фермерским домом, но в нем ни разу не оказывалось более десяти-двенадцати худосочных вялых животных. Очевидно, какая-то хворь или зараза, вероятно, вызванная плохим пастбищем или вредным грибок и гнилым деревом грязного скотного двора, приводила к падежу скота. На телах животных были заметны странного вида раны и болячки, похожие на следы порезов; а несколько раз, еще в первый год жизни ребенка, некоторые гости замечали такие же ранки над горлом седого небритого старика и его дочери-альбиноски, белокурой и серолицей.

Весной того же года, когда родился Уилбур, Лавиния вернулась к беспечным блужданиям по окрестным холмам, держа в миниатюрных руках смуглолицего младенца. Всеобщее любопытство к делам семейства Уэйтли постепенно сошло на нет, по мере того как большинство жителей смогли посмотреть на мальчика, но никто не задумался о быстром развитии ребенка, взрослевшем, казалось, с каждым днем. Скорость роста Уилбура действительно была феноменальной, ибо спустя три месяца после рождения он достиг размеров и физической силы, какие редко наблюдаются у детей до одного года. Его движения и даже издаваемые звуки отличались сдержанностью и осмотрительностью, не характерными для младенца, и никто не ожидал, что уже в семь месяцев он начнет ходить без посторонней помощи, а еще через месяц будет делать это уверенно.

Еще какое-то время спустя, на Хэллоуин, в полночь люди видели большое пламя на вершине Сторожевого холма, там, где в окружении древних костей лежал огромный камень в форме стола. Широко судачить об этом стали после того, как Сайлас Бишоп – из благополучных Бишопов – рассказал, что примерно за час до появления пламени видел, как мальчик уверенно бежал впереди своей матери вверх по склону холма. Сайлас, загонявший назад отбившуюся от стада телку, почти позабыл о своей миссии, заметив в колеблющемся свете фонаря эти две фигуры. Они почти бесшумно неслись через мелкий кустарник, и пораженному наблюдателю показалось, что они совершенно раздеты. Спустя некоторое время он не был уверен в этом относительно мальчика и говорил, что на нем, похоже, были ремешок с бахромой и темные трусы или короткие штанишки. Позже никто и никогда не видел, чтобы, находясь в здравом уме, Уилбур не был тщательно застегнут на все пуговицы, и малейший беспорядок в одежде и даже угроза подобного беспорядка пробуждали в нем тревогу и гнев. Это представляло разительный контраст с его неопытными матерью и дедом и вызывало у всех недоумение до тех пор, пока ужас 1928 года не дал сему факту абсолютно исчерпывающее объяснение.

На следующий год в январе главным предметом сплетен оказалось то, что «чернявый ублюдок Лавинии» начал разговаривать, и это при возрасте всего лишь в одиннадцать месяцев. Его речь была примечательна не только отсутствием местного акцента, но и тем, что не напоминала детский лепет, обычно сохраняющийся у детей до трех-четырёхлетнего возраста. Мальчик был не особенно разговорчив, но когда говорил, в его речи чувствовалось нечто неуловимое, совершенно не характерное для Данвича и его обитателей. Странность была не в том, что он говорил, и даже не в примитивных идиомах, которые он использовал, но скорее относилась к звучанию его голоса или действию тех частей его тела, что отвечали за формирование звуков. Лицо его было примечательно своей зрелостью; ибо хотя он и унаследовал от матери и деда отсутствие подбородка, однако прямой и вполне уже сформировавшийся нос в сочетании с выражением больших, темных, почти латинского типа глаз придавал ему облик почти взрослого человека со сверхъестественным интеллектом. Тем не менее, несмотря на бле-

стящую внешность, он был чрезвычайно уродлив; что-то козлиное или звериное было в его отвислых губах, желтоватой коже с большими порами, жестких курчавых волосах и причудливо удлиненных ушах. Довольно скоро его невзлюбили еще сильнее, чем его мать и деда, и все догадки насчет него теперь увязывались с прежней склонностью к магии старика Уэйтли, который однажды заставил холмы содрогнуться, стоя посреди круга из каменных столбов на вершине одного из них, держа в руках раскрытую книгу и выкрикнув ужасное имя «Йог-Сотот». Собаки ненавидели мальчика, и ему всегда приходилось принимать какие-то меры защиты, когда они с лаем бросались в его сторону.

III

Старик Уэйтли тем временем продолжал приобретать скот, хотя стадо его от этого не увеличивалось. Кроме того, он напилил бревен и занялся восстановлением заброшенных частей дома – довольно большого сооружения с остроконечной крышей, задняя часть которого практически уходила в скалистый склон холма, трех сносно сохранившихся комнат которого на основном этаже всегда вполне хватало для проживания самого старика и его дочери. Должно быть, в старике сохранился немалый запас сил, позволивший ему завершить этот каторжный труд, и хотя время от времени он чего-то бессвязно лепетал, в целом плотницкие работы, похоже, оказали на него положительное влияние. Началось это еще до рождения Уилбура – одна из мастерских была вдруг приведена в порядок, заново обшита досками и снабжена новым крепким замком. Теперь же, занимаясь восстановлением заброшенной мансардной части дома, он показал себя старательным мастером. Помешательство его проявилось, пожалуй, только в том, что он тщательно заколотил досками все окошки восстановленной части дома – впрочем, многие полагали, что сама по себе забота о восстановлении такого дома уже признак безумия. Гораздо более разумным казалась отделка одной из комнат наземного этажа для появившегося у него внука – эту комнату некоторые из гостей видели, тогда как на полностью переделанную мансарду никого не пускали. В комнате для внука он устроил крепкие стеллажи до самого потолка, на которых постепенно начал в продуманном порядке размещать все подпорченные древние книги и их фрагменты, что прежде были беспорядочно свалены в углах разных комнат.

«Некоторые из них мнегодились, – говорил он, подклеивая порванные листы с помощью специально сваренного на поржавевшей кухонной печи клея, – но мальчик сможет использовать их значительно лучше. Он наверняка постарается усвоить из них как можно больше, и они дадут ему все нужные знания».

В сентябре 1914 года, когда Уилбуру исполнилось год и семь месяцев, его размеры и развитие начали вызывать беспокойство у окружающих. Он вырос в четырехлетнего ребенка и разговаривал свободно и невероятно разумно. Малыш без труда бегал по полям и холмам, сопровождая мать во всех ее блужданиях. Дома он сосредоточенно и прилежно изучал причудливые рисунки и карты в книгах своего дедушки, а старик Уэйтли обучал его в форме вопросов и ответов долгими и тихими послеполуденными часами. Труды по восстановлению дома к этому времени были завершены, и всех, кто его видел, удивляло, зачем одно из окошек мансарды заменено прочной, обшитой досками дверью. Окно это было в заднем торце, со стороны холма; и никто не мог вообразить, для чего к нему возведена из досок наклонная дорожка от самой земли. После того как все эти работы по дому завершились, было замечено, что старая мастерская, без окон и обшита заново досками, всегда тщательно запечатана с момента появления Уилбура, вновь оказалась заброшенной. Дверь ее была небрежно прикрытой, и когда Эрл Соьер однажды заглянул внутрь, после того как пригнал старику Уэйтли очередную партию скота, его изумил странный запах этого помещения – такое зловоние, утверждал он, ему доводилось встречать разве что возле оставшихся от индейцев кругов из каменных столбов на вершинах холмов, запах чего-то нездорового или вообще не из нашего мира. Но, впрочем, дома и сарай Данвича никогда не источали приятных ароматов.

В последующие месяцы не случилось ничего значительного, что позволило всем обратить внимание на медленное, но постоянное усиление грохота, доносившегося от холмов. На Вальпургиеву ночь 1915 года произошли подземные толчки, которые ощутили даже жители Эйлсбери, а во время Дня всех святых раскаты грома из-под земли странным образом совпали со вспышками пламени – «проделками этой ведьмы Уэйтли» – на вершине Сторожевого холма; Уилбур продолжал развиваться удивительно быстро и к четырем годам выглядел как десятилетний. Теперь он много времени проводил за чтением, а разговаривал меньше, чем раньше.

Молчаливость стала чертой его характера, и окружающие наконец стали замечать нечто дьявольское на его напоминающем козлиное лице. Иногда он бормотал какие-то слова на неизвестном языке, словно напевая их в причудливом ритме, отчего случайных слушателей пробирало леденящее чувство необъяснимого ужаса. Ненависть к нему всех местных собак стала настолько явной, что мальчику приходилось носить с собой пистолет, чтобы спокойно прогуливаться по городку и его окрестностям. Использование им время от времени, в силу необходимости, этого оружия не способствовало его популярности среди владельцев четвероногих защитников.

Редкие посетители, бывающие в их доме, часто заставляли Лавинию в одиночестве в основной части дома, в то время как с мансарды с заколоченными окнами доносились странные выкрики и звуки мощных шагов. Она никогда не рассказывала, чем там занимаются ее отец и мальчик, и однажды смертельно побледнела, увидев, что шуточный разносчик рыбы, заглянувший в дом, попытался открыть дверь, ведущую на мансарду. Этот разносчик рассказывал затем посетителям лавки в Данвич-Вилледж, что ему показалось, будто оттуда доносится конский топот. Обыватели сразу же припомнили необычную дверь и сходни, а также про стремительно исчезающий куда-то скот. Затем их передернуло от страха при воспоминании о молодых годах старика Уэйтли и о странных существах, которых можно вызвать из-под земли, если принести в жертву выхолощенного бычка определенным языческим богам в правильное время. К тому же какое-то время назад заметили, что все местные собаки стали ненавидеть и бояться всю усадьбу Уэйтли столь же яростно, как прежде ненавидели и боялись юного Уилбура.

В 1917 году пришла война, и сквайр Соьер Уэйтли, председатель местной призывной комиссии, несмотря на все старания, не смог изыскать в Данвиче полагающегося количества молодых мужчин, пригодных для отправки в лагерь военной подготовки. Правительство, озабоченное признаками вырождения, проявившимися во всем регионе, отправило несколько чиновников и медицинских экспертов, чтобы те внесли ясность в этот вопрос; читатели газет Новой Англии, возможно, вспомнят о результатах этого. Интерес общественности к этим исследованиям привлек внимание репортеров к семье Уэйтли, и в результате «Бостон глоуб» и «Аркхем эдвертайзер» напечатали изобилующие колоритными подробностями статьи о необыкновенно быстром развитии Уилбура, черной магии старика Уэйтли, стеллажах со старинными книгами, заколоченной досками мансарде фермерского дома и о таинственности всей этой местности, где от холмов доносится грохот. Уилбуру было в то время четыре с половиной года, а выглядел он на пятнадцать. На губах и щеках у него пробивался темно-коричневый пушок, а голос начал ломаться.

Эрл Соьер сопровождал группу репортеров и группу фотографов к дому Уэйтли и обратил их внимание на странный запах, сочившийся, казалось, с тщательно заделанной мансарды. Этот запах, сказал он, точно такой же, как тот, что он заметил в мастерской, заброшенной после того, как дом был восстановлен; и такой же, как запах, который он иногда ощущал возле круга из каменных столбов на вершине холма. Жители Данвича, читая газетные статьи, посмеивались над очевидными ошибками авторов. Также у них вызывало недоумение, почему журналисты придавали огромное значение тому факту, что старик Уэйтли всегда платил за приобретаемый скот старинными золотыми монетами. Сами Уэйтли принимали посетителей с плохо скрываемым раздражением, но не гнали их прочь и не отказывались от беседы, опасаясь вызвать подобными действиями еще большие кривотолки.

IV

В последующее десятилетие летопись семьи Уэйтли вполне вписывается в течение жизни этого нездорового в целом общества, спокойно относящегося к странностям и возмущающемуся лишь оргиями на Вальпургиеву ночь и на День всех святых. Дважды в год они возжигали огни на вершине Сторожевого холма, и тогда грохот многократно усиливался; в остальное время они занимались своими странными и зловещими делами в одиноко стоящем фермерском доме. Со временем их гости стали слышать звуки из тщательно заделанной мансарды даже тогда, когда все семейство Уэйтли находилось внизу, и задавались вопросом: быстро ли или, наоборот, крайне медленно приносятся в жертву бычки и коровы? Некоторые обыватели обсуждали возможность подать жалобу в Общество защиты животных, но далее разговоров это не продвинулось, ибо жители Данвича не любят привлекать к себе внимание внешнего мира.

Где-то в 1923 году, когда Уилбуру было лет десять, а его разум, голос, фигура и бородатое лицо создавали впечатление зрелого мужчины, в старом доме началась вторая великая перестройка. На этот раз все происходило внутри закрытой верхней части дома, и по выброшенной древесине люди заключили, что молодой человек и его дед сломали все перегородки и даже разобрали в мансарде часть пола, в результате чего образовалось обширное пространство от пола наземного этажа до двускатной крыши. Они также разобрали большой старый дымоход и приделали к печи хлипкую жестяную дымовую трубу.

Весной после всего этого старик Уэйтли обратил внимание, что все больше козодоев прилетают из лощины Холодных ключей по вечерам, чтобы посвистеть под его окнами. Он, похоже, воспринял это обстоятельство как важный знак и сказал бездельникам возле лавки Осборна, что, похоже, его время пришло.

«Они свистят созвучно моему дыханию, – сказал он, – думаю, они собираются поймать мою душу. Они прознали, что конец уже близок, и стараются не пропустить его. Когда я умру, вы, парни, узнаете, поймали они меня или нет. Если поймают, то будут петь и смеяться до самого вечера. Если нет, то будут вести себя тихо. Подозреваю, что между ними и душами, за которыми они охотятся, иногда случаются жестокие драки».

В ночь на Праздник урожая 1924 года Уилбур Уэйтли, проскакав во тьме на своей единственной лошади до лавки Осборна, срочно вызвал из Эйлсбери доктора Хоутона. Доктор застал старика Уэйтли в очень тяжелом состоянии, работа сердца и затрудненное дыхание указывали на то, что конец близок. Неопрятная дочь-альбинос и бородатый внук стояли рядом с кроватью, в то время как сверху, откуда-то над их головами, доносились всплески или шлепки, напоминающие плеск волн. Доктора, однако, более беспокоил свист ночных птиц за окнами: казалось, целый легион козодоев выкрикивал свой нескончаемый плач, дьявольски созвучный тяжелому неровному дыханию умирающего человека. Это было жутковато и неестественно, как, впрочем, – подумал доктор Хоутон, – и все в этой местности, куда он так неохотно поехал, отозвавшись на срочный вызов.

Около часа ночи старик Уэйтли пришел в сознание, перестал хрипеть и с трудом заговорил, обращаясь к внуку: «Больше места, Уил, скоро понадобится больше места. Ты растешь, а *он* растет быстрее. Скоро он сможет тебе служить, мальчик. Открой врата к Йог-Сототу при помощи того длинного псалма, который найдешь на странице 751 полного издания, а затем поджигай эту тюрьму. Обычный огонь с этим не справится».

Очевидно, он окончательно спятил. После паузы, во время которой стая козодоев за окном подстраивала свои крики к изменившемуся дыханию старика, а с холмов доносился пока что слабо различимый рокот, он добавил еще немного: «Корми его регулярно, Уил, и следи за количеством; но не позволяй расти слишком быстро, а то места не хватит, и он разломает помещение и выберется наружу, прежде чем ты откроешь врата к Йог-Сототу, и тогда ничего

не получится. Только те, что оттуда, смогут все преумножить... Только те старцы, если захотят вернуться...»

Удушье прервало его речь, и Лавиния вскрикнула, услышав, как отреагировали на это козодой. Так продолжалось больше часа, когда наконец речь старика оборвал финальный горловой хрип. Доктор Хоутон опустил рукой сморщенные веки на остекленевшие серые глаза, а шум и крики птиц как-то незаметно стихли до полной тишины. Лавиния всхлипнула, а Уилбур хмыкнул, услышав донесшиеся с холмов громовые раскаты.

«Они упустили его», – пробурчал он густым басом.

К этому времени Уилбур стал уже известным эрудитом в своей области, с ним были знакомы по переписке многие библиотекари в самых отдаленных местах, где хранились редкие и запрещенные древние книги. В Данвиче его ненавидели все сильнее и боялись из-за нескольких странных исчезновений подростков, произошедших подозрительно близко к его дому; однако ему всегда удавалось остановить расследование при помощи страха или все тех же старинных золотых монет, которые, как и при жизни его деда, продолжали расходоваться на регулярную закупку скота.

Теперь он выглядел совершенно зрелым мужчиной, а рост его, достигнув среднего для взрослых людей, уже немного его превышал. В 1925 году, когда к нему заехал один из его корреспондентов из Мискатоникского университета, отбывший затем бледным и озадаченным, в нем было шесть и три четверти фута.

Все эти годы Уилбур с растущим презрением относился к своей матери, уродливой альбиноске, и в конце концов запретил ей сопровождать его при восхождении на вершину холма на Вальпургиеву ночь и на День всех святых, а в 1926 году несчастная женщина даже призналась Мейми Бишоп, что боится своего сына:

«К сожалению, я не могу рассказать тебе, Мейми, всего, что знаю о нем, – сказала Лавиния, – да теперь я уже и не все знаю. На Господа лишь уповаю, ибо не знаю ни чего хочет мой сын, ни чего он пытается добиться».

На тот раз в День всех святых грохот с вершин был сильнее обычного, но гораздо более внимание людей привлекли дружные крики множества козодоев, собравшихся, по-видимому, возле неосвященного дома Уэйтли. После полуночи их вопли перешли в демонический хохот, заполнивший все окрестности, и только к рассвету они наконец утомнились. Затем они снялись и все полетели на юг, с запозданием на добрый месяц. В эту ночь никто из местных жителей, похоже, не умер, но бедную Лавинию Уэйтли, непривлекательную альбиноску, никто больше не видел.

Летом 1927 Уилбур отремонтировал два сарая во дворе фермы и принялся перетаскивать туда свои книги и прочее имущество. Вскоре после этого Эрл Сойер сообщил зевакам возле лавки Осборна, что в доме Уэйтли вновь начались плотницкие работы. Уилбур заколотил окна и двери основной части дома и, похоже, разбирает все перекрытия, как они с дедом сделали четыре года назад на мансарде. Он жил сейчас в одном из сараев и стал, по мнению Сойера, робким и озабоченным. Люди подозревали, что ему кое-что известно по поводу исчезновения матери, и очень немногие решались появляться вблизи его дома. Рост Уилбура уже превышал семь футов, и не было никаких признаков, что на этом он остановится.

V

В последующую зиму произошло такое странное событие, как первая поездка Уилбура за пределы Данвича.

Переписка с библиотекой Уиденера в Гарварде, *Bibliothèque Nationale* в Париже, Британским Музеем, Университетом Буэнос-Айреса и библиотекой Мискатоникского университета в Аркхеме не помогла ему раздобыть те книги, в которых он отчаянно нуждался; поэтому в конце концов он отправился сам – в поношенной одежде, неопрятный, обросший бородой, разговаривающий на диалекте из сельской глубинки, – чтобы ознакомиться с книгой в мискатоникской библиотеке, географически самом близком к нему источнике необходимой литературы. Почти восьмифутового роста, с дешевым чемоданом из лавки Осборна, похожий на темную и чем-то напоминающую козла горгулью, он прибыл в Аркхем, чтобы получить хранящийся под замком в библиотеке колледжа ужасный том – «Некрономикон» безумного араба Абдулы Альхазреда в латинском переводе Олая Вормия, изданный в семнадцатом веке в Испании. Он никогда прежде не бывал в городе, но отправился напрямик к университету, на территорию которого прошел, не обращая внимания на огромного сторожевого пса с белыми клыками, который с невероятной яростью и враждой лаял на Уилбура и пытался сорваться с крепкой цепи.

Уилбур захватил с собой бесценный, но неважно сохранившийся экземпляр английского перевода интересующей его книги, выполненный доктором Ди, доставшийся ему в наследство от деда, и, едва заполучил латинский перевод, сразу же занялся сравнением двух текстов с целью найти определенный фрагмент, который должен был находиться на 751-й странице его собственной поврежденной книги. Это ему пришлось не вполне дружелюбно объяснить библиотекарю – тому самому эрудиту Генри Армитажу (магистр наук Мискатоникского университета, доктор физических наук университета Принстона, доктор литературы колледжа Джонса Хопкинса), который когда-то приезжал к нему на ферму, а сейчас вежливо докучал расспросами. Уилбур признался, что ищет нечто типа магической формулы или заклинания, содержащее устрашающее имя «Йог-Сотот», причем озадачен наличием расхождений, повторов и двусмысленностей, которые крайне затрудняют нахождение правильного варианта. Пока он переписывал ту формулу, которую наконец выбрал, доктор Армитаж непреднамеренно посмотрел через его плечо на открытые страницы; книга, лежащая слева, латинская версия, содержала чудовищные угрозы миру и спокойствию человечества.

«А также не следует полагать, – гласил текст, который Армитаж в уме переводил на английский, – что человек – исконный или последний владыка Земли или что известный нам способ существования живых существ – единственно возможный. Старцы были, Старцы есть, и Старцы будут. Не в том пространстве, какое мы знаем, но *между* пространствами, невозмутимые и первоосновные, не имеющие измерений и незримые. *Йог-Сотот* знает врата. *Йог-Сотот* и есть врата. *Йог-Сотот* – это и страж врат и ключ к ним. Прошлое, настоящее и будущее сливаются в нем воедино. Он знает, где Старцы совершили прорыв в прошлом, и где Они сделают это вновь. Он знает, где Они ступали по земле, и где Они все еще ступают, и почему никто не может увидеть, как Они делают это. По запаху Их люди могут иногда узнать, что Они рядом, но о внешности Их никакой человек ведать не может, разве что *о некоторых чертах по ниспосланным Имми к человечеству тварям*, коих существует великое множество – от таких, что полностью повторяют образ человека, до таких, у которых нет ни формы, ни материальной субстанции – то есть таких, как Они сами. Они проходят незамеченными, оставляя дурной запах, в тех безлюдных местностях, где поизносятся Слова и исполняются Обряды в подходящее для Них время. Ветер бормочет Их голосами, земля отзывается на Их помыслы. Они пригибают леса и сокрушают города, но ни лес, ни город не узрят руку, их разрушающую. Кадат среди холодных пустошей знал Их, но какому человеку ведом Кадат? В ледяной пустыне Юга

и на затонувших островах Океана сохраняются камни, на которых запечатлен их знак, но кто побывал в скованном жестоким морозом городе или возле запечатанной башни, давно обросшей морскими водорослями и ракушками? Великий Ктулху – Их двоюродный брат, но даже он может видеть Их только смутно. *Йа! Шаб-Ниггурат!* Лишь по зловонию узнаете Их. Руки Их на горле у вас, но вы не видите Их, и обиталище Их там же, где ваше, но за охраняемым порогом. *Йог-Сотот* – вот ключ к тем вратам, где смыкаются сферы. Человек властвует сейчас там, где раньше властвовали Они; скоро Они будут властвовать там, где сейчас властвует человек. После лета наступает зима, после зимы наступает лето. Они ждут, могучие и терпеливые, ибо они будут царствовать здесь снова».

Доктор Армитаж, сопоставляя прочитанное только что с тем, что уже знал о Данвиче и его мрачных обитателях, о Уилбуре Уэйтли и его мрачной и устрашающей ауре, начиная от его странного появления на свет и до возможной причастности к смерти собственной матери, ощутил волну страха, столь же осязаемую, как дуновение липкого холода из могилы. Этот пригнувшийся, напоминающий козла гигант, сидевший перед ним, казался порождением иного мира или иного измерения; словно бы это было нечто лишь отчасти человеческое, но связанное с черными безднами сущности и сущностности, простирающимися титаническими фантомами по ту сторону энергии и материи, пространства и времени. Затем Уилбур поднял голову и заговорил своим странным резонирующим голосом, таким, словно его звуковоспроизводящие органы отличались от человеческих.

– Мистер Армитаж, – сказал он, – я вижу, что мне надо бы взять эту книгу с собой. В ней есть кое-что, что следует проверить в определенных условиях, а здесь их соблюсти невозможно, и будет непростительным грехом не позволить мне этого, исходя из каких-то бюрократических правил. Разрешите на время взять ее с собой, сэр, и клянусь, что никто более не узнает. Безусловно, я буду очень аккуратен с ней. Могу оставить вам пока этот перевод Ди, не в очень хорошем...

Он замолчал, прочитав на лице библиотекаря твердый отказ, и его похожее на козлиное лицо приняло коварное, хитрое выражение. Армитаж, почти готовый сказать, что разрешает сделать копию с нужных страниц, вдруг подумал о возможных последствиях и сдержал себя. Слишком великую ответственность принимал бы он на себя, выдавая в руки такому существу ключ к столь богохульным внешним сферам. Уэйтли прочитал все это в его взгляде и постарался снять напряжение.

– Что ж, ладно, раз вы так к этому относитесь. Надеюсь, в Гарварде отнесутся к этому спокойнее. – И, не сказав больше ни слова, встал и покинул здание, пригибаясь в каждом дверном проеме.

Услышав дикий лай огромного сторожевого пса, Армитаж внимательно проследил за гориллоподобной походкой Уэйтли, пересекавшего ту часть университетского двора, что была видна в окно. Ему припомнились всякие услышанные безумные истории, статьи в воскресных выпусках «Эдвертайзера», а также то, о чем он узнал от грубых и неотесанных жителей Данвича во время своего единственного визита туда. Невиданные на земле твари – по крайней мере, на трехмерной земле, – ужасные и зловонные, таились в лощинах Новой Англии и бесстыдно обосновались на верхушках холмов. Все это вселило в него уверенность, что он поступил правильно. Теперь казалось, что он ощутил близкое присутствие надвигающегося ужаса и увидел мельком дьявольское приближение древнего, но пребывавшего прежде бездеятельным ночного кошмара. Армитаж с дрожью отвращения запер «Некрономикон», однако в комнате все еще оставалось неопознаваемое, но какое-то омерзительное зловоние. «По зловонию узнаете Их», – припомнил он написанное в книге. Да – этот запах был точно такой же, как и тот, от которого ему стало дурно в фермерском доме Уэйтли менее трех лет назад. Его мысли вернулись к Уилбуру, зловещему, звероподобному, и он насмешливо хмыкнул, вспомнив сельские сплетни о его происхождении.

«Кровосмешение? – пробормотал вслух Армитаж. – Боже мой, какие простаки! Если бы они увидели Великого Бога Пана из рассказа Артура Мейчена, то подумали бы, что это плод заурядного данвичского блуда! Но что за тварью – какой дьявольской бесформенной сущностью на этой трехмерной земле или вне ее – был отец Уилбура Уэйтли? Мальчик родился на Сретение – спустя девять месяцев после Вальпургиевой ночи 1912 года, когда слухи о странных звуках из-под земли ходили даже по Аркхему – что же произошло на вершине холма той майской ночью и кто там побывал? Какой ужас воплотился в нашем мире на Воздвижение Креста Господня в получеловеческой плоти и крови?»

За последующие недели доктор Армитаж постарался собрать все возможные данные об Уилбуре Уэйтли и присутствии в районе Данвича чего-то бесформенного. Он связался с доктором Хоутоном из Эйлсбери, присутствовавшим при последних минутах старика Уэйтли, и нашел в последних словах старика, переданных ему врачом, немало поводов для размышлений. Поездка в Данвич-Вилледж почти не дала новой информации, но внимательное изучение «Некрономикона», особенно тех страниц, которыми так страстно заинтересовался Уилбур, дало ему новые ужасные ключи к природе, методам и вожделениям странного зла, столь смутно угрожающего этой планете. Беседы с несколькими исследователями древних учений из Бостона, обмен письмами со многими другими в самых различных местах вызвали у него растущее изумление, которое, медленно развиваясь через разные стадии беспокойства, в конце концов дошло до состояния острого духовного страха. Лето проходило, и он смутно чувствовал, что необходимо предпринять какие-то действия в отношении кошмара, затаившегося в верховьях Мискатоника, и чудовищного создания, известного людям под именем Уилбур Уэйтли.

VI

Сам данвичский ужас пришелся на период между праздником урожая и равноденствием 1928 года, и доктор Армитаж был одним из свидетелей его чудовищного пролога. Он прослышал об эксцентричной поездке Уилбура в Кембридж и его отчаянных попытках заполучить «Некрономикон» в свое распоряжение или снять копии с его страниц в библиотеке Уиденера. Попытки эти оказались напрасными, поскольку Армитаж успел настоятельно попросить всех библиотекарей, в чьем распоряжении имелся этот ужасный том, ни в коем случае не выдавать его. Оказавшись в Кембридже, Уилбур ужасно нервничал; ему очень хотелось заполучить эту книгу и столь же сильно хотелось побыстрее попасть домой, как будто он опасался каких-то последствий своего долгого отсутствия.

В начале августа случилось вполне ожидаемое. В ночь на третье августа, через несколько часов после полуночи, доктор Армитаж был внезапно разбужен диким, яростным лаем свирепого сторожевого пса на университетском дворе. Внушающие ужас басовитые гавканья, полубезумный рык и лай не прекращались; в них были пугающие, имеющие какое-то зловещее значение паузы, после которых они становились с каждым разом еще громче. А затем оттуда донесся вопль, вырвавшийся из другой глотки, – такой вопль, что разбудил в Аркхеме половину спавших и затем долго преследовал их во сне – такой вопль, какого не могло издать ни одно земное существо, или, во всяком случае, полностью земное.

Армитаж, одевшись наспех и поспешив через лужайку и улицу к зданиям колледжа, увидел, что не он один торопится посмотреть, что произошло, некоторые опережали его, и услышал эхо завываний охранной сигнализации, установленной в библиотеке. В лунном свете чернел провал открытого окна. Незванный гость безусловно смог проникнуть внутрь, ибо лай, теперь переходящий в вой и глухое рычание, доносился уже изнутри. Какое-то чутье подсказало Армитажу, что происходящее там не стоит видеть неподготовленному человеку, поэтому он властно осадил толпу, заставив чуть отступить, после чего отпер двери вестибюля. Увидев среди зевак профессора Уоррена Райса и доктора Фрэнсиса Моргана, он высказал им свои предположения и предчувствия, и они присоединились к нему, готовые сопровождать его внутри. Звуки, доносившиеся из библиотеки, к тому моменту стали значительно тише, сменившись монотонными жалобными поскуливаниями; но тут же из окружающих кустов зазвучал целый хор козодоев, посвистывающих дьявольски ритмично, как будто в унисон с последними вдохами умирающего.

Внутри здания оказалось ужасное зловоние, слишком хорошо знакомое доктору Армитажу, и все трое направились через вестибюль к маленькому читальному залу, откуда доносились басовитые подвывания. Несколько секунд никто из них не решался зажечь свет, но наконец Армитаж собрался с мужеством и щелкнул выключателем. Один из троих – трудно сказать, кто именно, – громко закричал, увидев то, что было распростерто перед ними среди раздвинутых в беспорядке столов и опрокинутых стульев. Профессор Райс позднее рассказывал, что на мгновение потерял сознание, хотя и удержался на ногах.

Существо, лежавшее, скрючившись, на боку в зловонной луже зелено-желтого гноя, липкого как деготь, достигало в длину почти девяти футов, и собака содрала с него всю одежду и частично кожу. Оно было еще не совсем мертво и судорожно подергивалось, а грудь его вздымалась в чудовищной синхронности с безумным пением собравшихся снаружи козодоев. Обрывки одежды этого существа и кусочки кожи с его ботинок были разбросаны по комнате, а прямо в окне, где, очевидно, и был брошен, лежал пустой холщовый мешок. Возле главного стола на полу лежал пистолет, и несработавший патрон со вмятиной от бойка впоследствии объяснил, почему это оружие не было пущено в ход. Однако само существо, лежащее на полу, в тот момент отвлекло внимание от всех прочих подробностей. Можно было бы шаблонно и не

вполне добросовестно заявить, что описать его невозможно, но более справедливым будет признать, что его невозможно описать тому, чьи представления слишком тесно связаны с характерными для этой планеты формами жизни и с тремя известными нам измерениями. Отчасти это существо было человеческим, руки и голова были очень похожи на мужские, козлиное лицо без подбородка имело характерные черты семейства Уэйтли. Однако торс и нижняя часть тела были тератологически загадочными, и, судя по всему, лишь большое количество одежды позволяло существу передвигаться по земле без ущерба для своих конечностей.

Выше пояса оно было отчасти антропоморфным, хотя его грудь, куда все еще впивались когти настороженно замершего пса, была покрыта кожей с сетчатым узором, наподобие крокодиловой. Спину покрывало чередование желтых и черных пятен, напоминающее чешую некоторых змей. Ниже пояса, однако, все выглядело ужасно, ибо тут всякое сходство с людьми заканчивалось и начиналась область полнейшей фантазии. Кожу покрывала густая черная шерсть, а из области живота свободно свисало множество длинных зеленовато-серых щупалец с красными ртами-присосками. Их взаимное расположение было странным и, казалось, соответствовало симметрии некой космической геометрии, неизвестной на Земле или в Солнечной системе. На каждом из бедер, глубоко утопленные в розоватых и снабженных ресницами впадинах, располагалось то, что казалось недоразвитыми глазами; на месте хвоста у существа было что-то типа хобота или щупа, составленного из пурпурных колечек, и многое свидетельствовало о том, что это недоразвитый рот. Нижние конечности, если не принимать во внимание покрывавшую их густую шерсть, напоминали лапы гигантских доисторических ящеров; завершались они подушечками с набухшими венами, не походившими ни на когти, ни на копыта. При дыхании существа его хвост и щупальца ритмично меняли цвет, как будто подчиняясь какому-то циклическому процессу, от нормального до совершенно нечеловеческого зеленого оттенка; на хвосте же это проявлялось еще в перемене от желтого до грязноватого серо-белого в тех местах, что разделяли пурпурные кольца. Никакой крови не было – только зловонная зеленовато-желтая сукровица, растекающаяся по крашеному полу за пределы загустьевшей лужицы и странным образом обесцвечивающая его.

Присутствие трех человек, похоже, побудило умирающее существо бороться с силами, оно забормотало что-то, не поворачиваясь и не поднимая головы. Доктор Армитаж не сделал записи произнесенных звуков, но твердо заверил, что не было произнесено ни одного слова по-английски. Поначалу произносимые слоги не походили ни на какой из известных на Земле языков, однако затем стали появляться разрозненные фрагменты, заимствованные, судя по всему, из «Некрономикона», этой чудовищно богохульной книги, в поисках которой существо явно и прибыло сюда. Эти фрагменты, как припомнил Армитаж, звучали следующим образом: «Н’гаи, н’гха’гхаа, багг-шоггог, й’хах; Йог-Сотот, Йог-Сотот...» Это постепенно стихало, сопровождаемое криками козодоев, ритмичным крещендо злобного предвкушения смерти.

Затем дыхание остановилось, пес поднял голову и издал протяжный траурный вой. В желтом, напоминающем козлиное, лице лежащего на полу существа произошли изменения, огромные черные глаза запали ужасающе глубоко. Крики козодоев за окном вдруг прекратились, раздалось паническое хлопанье крыльев, перекрывающее ропот собравшейся толпы, и луну на время закрыла туча пернатых наблюдателей, скрывшихся затем из вида, обозленных, что добыча им не досталась. Пес вдруг резко сорвался с места, испуганно гавкнул и выскочил через окно. Из толпы донеслись крики, но доктор Армитаж громко объявил собравшимся снаружи, что никого нельзя впускать в здание до тех пор, пока не приедет полиция или медицинский эксперт. Он порадовался, что окна расположены достаточно высоко и в них нельзя заглянуть с улицы, но тем не менее старательно опустил темные шторы на каждом окне. В это время прибыли двое полицейских; доктор Морган встретил их в вестибюле и попросил, ради их собственного блага, не торопиться заходить в пропитанный зловонием читальный зал,

пока не прибудет медицинский эксперт и распростертое на полу существо не будет чем-нибудь накрыто.

Тем временем на полу читального зала происходили пугающие перемены. Наверное, не стоит описывать, какого рода распад происходил перед глазами доктора Армитажа и профессора Райса и насколько стремительным он был, но имеет смысл отметить, что, помимо внешнего очертания лица и рук, подлинно человеческих элементов в Уилбуре Уэйтли, похоже, было крайне мало. Когда прибыл медицинский эксперт, на крашеном деревянном полу осталась только липкая беловатая масса, да и зловоние почти исчезло. Судя по всему, Уэйтли не имел черепа и костного скелета, во всяком случае, в том смысле, как мы это понимаем. Наверное, в этом отношении он был похож на своего неизвестного отца.

VII

Но все это было лишь прологом к самому данвичскому ужасу. Озадаченные представители официальной власти выполнили необходимые формальности, аномальные детали происшедшего были старательно скрыты от публики и прессы; в Данвич и Эйлсбери были отправлены официальные представители с целью установить, какая осталась собственность и кто может являться наследником покойного Уилбура Уэйтли. Они застали сельских жителей в большом волнении как из-за усилившегося грохота из-под куполообразных холмов, так и от жуткого зловония и громких всплесков и шлепков, доносящихся из пустого остова, обшитого досками, который прежде был домом семьи Уэйтли. Эрл Сойер, присматривавший во время отсутствия Уилбура за лошадью и скотиной, заполучил тяжелое нервное расстройство. Официальные представители предпочли не входить в заколоченный досками дом, такой шумный и пугающий, и ограничились однократным осмотром жилища покойного, то есть недавно построенного сарая. Они составили и сдали в Эйлсбери солидный отчет обо всем этом, на основании которого до сих пор ведутся тяжбы о наследовании между бесчисленными Уэйтли, проживающими в верховьях Мискатоника.

Почти бесконечная рукопись со странными символами в огромном гроссбухе, более всего похожая на дневник, о чем свидетельствовали промежутки между записями, использование различных чернил и изменения в почерке, оказалась неразрешимой загадкой для тех, кто нашел ее на стареньком бюро, служившем хозяину дома письменным столом. После недели всяческих обсуждений ее отослали в Мискатоникский университет вместе с коллекцией странных книг, для изучения и возможной расшифровки; но даже лучшие лингвисты вскоре поняли, что решить эту загадку будет очень непросто. Никаких следов старинного золота, которым всегда расплачивались Уилбур и старик Уэйтли, обнаружено не было.

Ужас вырвался на свободу вечером девятого сентября. В этот вечер грохот от холмов был особенно сильным, и собаки всю ночь неистово лаяли. Проснувшиеся рано утром десятого сентября ощутили в воздухе странное зловоние. Около семи часов утра Лютер Браун, мальчишка-поденщик на ферме Джорджа Кори, расположенной между ложиной Холодных ключей и городком, в диком испуге прибежал домой, не завершив свой обычный утренний маршрут к Десятиакровому лугу, где выпасался скот. Забившись на кухню, он пребывал почти в истерике от страха; во дворе топталось и жалобно мычало столь же напуганное стадо – коровы в панике побежали вслед за мальчиком. С трудом дыша, Лютер попытался рассказать миссис Кори:

– Там, выше по дороге, за ложиной, миссис Кори... там что-то такое! Запах как при грозе, а все кусты и маленькие деревья помяты и придавлены в сторону от дороги, как будто проталили целый дом. Но это еще не все, это не страшное. Там есть следы на дороге, миссис Кори... огромные круглые отпечатки, как от днища бочки, но глубоко вдавлены, как будто прошел слон, только их намного больше, чем сделали бы четыре ноги! Я посмотрел на несколько таких отпечатков, прежде чем убежал оттуда; в каждом такие линии, идущие из одной точки, как у пальмового листа... только раза в три больше... И запах ужасный, примерно как возле старого дома Колдуна Уэйтли...

На этом он остановился и снова впал в дрожь от страха, заставившего его бегом вернуться домой. Миссис Кори, не имея никакой другой информации, принялась обзванивать соседей, начиная тем самым увертюру паники, предварявшую главный кошмар. Когда она дозвонилась до Салли Сойер, экономки Сета Бишопа, ближайшего соседа Уэйтли, то настал ее черед выслушивать, а не рассказывать: Чонси, мальчик Салли, которому ночью не спалось, прошелся вдоль холма в сторону дома Уэйтли и, едва взглянув мельком на их усадьбу и на пастбище, где на ночь были оставлены коровы мистера Бишопа, в ужасе побежал назад.

– Да, миссис Кори, – голос Салли на том конце провода дрожал, – Чонси сразу же прибежал и не мог ничего толком рассказать – так напуган был! Говорит, что дом старика Уэйтли весь разломан и доски разбросаны вокруг, как будто его изнутри динамитом взорвали, но при этом пол нижнего этажа цел, только весь заляпан пятнами, как будто дегтем, и пахнут они ужасно и капают на землю через край там, где доски все разломаны. И еще там какие-то ужасные отметины в саду – большие круглые отметины размером с большую бочку, и во всех них такая же липкая дрянь, как и во взорванном доме. Чонси говорит, что они ведут туда, к лугам, и продавленный след там шире, чем большой амбар.

И он еще сказал, такое сказал, миссис Кори, что решил поискать коров Сета, хоть и был напуган до смерти; и он их нашел на верхнем пастбище возле Хмельника Дьявола, и они были в жутком виде. Половина из них совсем исчезли, как не было, а у остальных как будто почти всю кровь высосали и такие болячки, как, помните, были у скотины Уэйтли, после того как у Лавинии родился этот чернявый ублюдок. Сет пошел посмотреть на коров, хотя, клянусь чем угодно, он вряд ли решится приблизиться к дому Колдуна Уэйтли! Чонси толком не разглядел, куда ведут эти глубокие круглые отметины, но говорит, что, скорей всего, они идут к лощине, через которую дорога в городок.

Я скажу вам, миссис Кори, там что-то есть такое, что-то не то... Думаю, этот Уилбур Уэйтли – он заслужил такой плохой конец, потому что все это из-за него. Он не совсем человек, я это всегда всем говорила, и думаю, что они со стариком Уэйтли что-то там выращивали в этом своем заколоченном доме, что-то еще более плохое, чем он сам. Вокруг Данвича всегда водились призраки – нечто живое – не такие, как люди, и опасные для людей.

Земля вчера опять не молчала, а под утро Чонси слышал, как в лощине Холодных ключей громко кричали козодои, он глаз сомкнуть не мог. А потом ему показалось, что он слышит другие, слабые, звуки со стороны дома Колдуна Уэйтли, – как будто дерево трещит или доски отдирают, или как будто ящик деревянный разламывают. Он ночью до рассвета не спал, а встав, первым делом пошел к Уэйтли, чтобы посмотреть, и скажу вам, миссис Кори, увидел он достаточно! Ничего хорошего в этом нет, и я думаю, что в этом все должны принять участие. Я знаю, что происходит что-то ужасное, и чувствую, что мне недолго осталось жить, но только один Бог знает, что это.

А ваш Лютер заметил, куда ведут эти большие следы? Нет? Что ж, миссис Кори, если они были на дороге с этой стороны лощины и если они не привели к вашему дому, тогда они, скорее всего, уходят туда, в лощину. Так должно быть. Я всегда говорила, что эта лощина Холодных ключей – нездоровое и дурное место. Козодои и светлячки ведут себя совсем не так, как Божьи твари, а, кроме того, говорят, что там вы можете услышать странные вещи, снизу, если будете стоять между обрывом и Медвежьей Берлогой.

К полудню три четверти мужского взрослого населения Данвича и подростки ходили толпами по дорогам и лугам между свежими развалинами дома Уэйтли и лощиной Холодных ключей, в ужасе рассматривая чудовищные гигантские следы, изувеченных коров Бишопа, странные, зловонные остатки фермерского дома и примятые заросли растительности на полях и обочинах дороги. То, что вырвалось на свободу в наш мир, без сомнения, спустилось в находившееся там огромное зловещее ущелье: все деревья на его краю были согнуты или сломаны, а в нависающем над крутым склоном подлеске образовалась широкая дорога. Можно было подумать, что по крутому склону ущелья соскользнуло что-то размером с дом, пропахав густые заросли деревьев и кустарника. Снизу не доносилось ни звука, а только отдаленное, почти неразличимое зловоние; неудивительно, что собравшиеся мужчины предпочитали стоять наверху крутого склона, вместо того чтобы спуститься вниз и напасть на ужасного неведомого циклопа в его логове. Три собаки, сопровождавшие людей, поначалу яростно заливались лаем, однако, приблизившись к ущелью, трусливо притихли. Кто-то позвонил и сообщил все новости в «Эйлсбери транскрипт», однако редактор, привыкший к диким рассказам из

Данвича, ограничился тем, что составил небольшую, в один абзац, юмористическую заметку, которую затем воспроизвело агентство «Ассошиэйтед пресс».

К ночи все забились по своим домам и максимально крепко забаррикадировали двери всех домов и сараев. Конечно же, ни одна корова не была оставлена на пастбище. Около двух часов ночи ужасающее зловоние и дикий собачий лай разбудили семейство Элмера Фрая на восточном склоне лощины Холодных ключей, и все потом единодушно уверяли, что откуда-то неподалеку доносились приглушенные всплески и шлепки. Миссис Фрай предложила позвонить соседям, и Элмер уже готов был с ней согласиться, но тут их дискуссию прервал треск ломающегося дерева. Звуки доносились, по всей видимости, из сарая: сразу же за этим послышались ужасные крики и топот скота. Собаки подползли и прижались к ногам ошеломленных от страха людей. Фрай в силу привычки зажег фонарь, но прекрасно понимал, что выйти сейчас в темноту двора равносильно смерти. Дети и женщины хныкали, удерживаясь от крика только каким-то загадочным, почти подавленным инстинктом самосохранения, говорящим им, что их жизни зависят от сохранения тишины. Наконец крики скота затихли, перейдя в жалостливое мычание, после чего стали слышны удары, стук и треск. Семейство Фраев, прижавшись друг к другу в гостиной, не решалось двигаться, пока звуки перемещения снаружи не затихли где-то далеко внизу в лощине Холодных ключей. Лишь тогда Селина Фрай бросилась к телефону и, под сдавленные стоны, доносящиеся из хлева, и демонические крики ночных козодоев, несущиеся из лощины, рассказала всем, кому смогла, о второй фазе данвичского ужаса.

На следующий день всю округу охватила настоящая паника: перепуганные группки людей прохаживались, не общаясь друг с другом, по месту вчерашних дьявольских событий. Две широкие продавленные полосы протянулись от лощины ко двору Фраев, чудовищные отпечатки покрывали оголенные участки земли, а у старого сарая одна стена полностью отсутствовала. Из стада удалось найти только четвертую часть. Некоторые из коров были растерзаны, а оставшихся в живых пришлось пристрелить. Эрл Соьер предложил обратиться за помощью в Эйлсбери или Аркхем, но все прочие сошлись во мнении, что проку от этого не будет. Старый Завулон Уэйтли, из той ветви Уэйтли, что занимала промежуточную стадию между нормальностью и вырождением, высказал мрачные предположения относительно тех обрядов, которые, видимо, совершались на вершинах холмов. Он происходил из семейства, где крепки традиции, и потому его воспоминания о песнопениях внутри огромных кругов из каменных столбов были связаны не только с Уилбуrom и его дедушкой.

Тьма снова опустилась на пораженный ужасом городок, слишком пассивный, чтобы организовать реальное сопротивление. В нескольких случаях семейства, связанные близким родством, собирались вместе и пребывали в мрачном унынии под одной крышей, однако в большинстве случаев повторилось вчерашнее баррикадирование, доказавшее свою бесполезность; некоторые зарядили мушкеты и поставили наготове вилы. Однако в эту ночь ничего не произошло, если не считать рокота, доносившегося с холмов, и, когда наступило утро, многие надеялись, что кошмар прекратился так же внезапно, как и пришел. Некоторые отчаянные головы даже предлагали совершить экспедицию в лощину, в качестве наступательной меры, однако никто не рискнул подать собой пример для пассивного большинства.

И снова наступила ночь, вновь баррикадировались входы в жилища, хотя теперь меньшее количество семей собирались вместе. Наутро и семейство Фраев, и домочадцы Сета Бишопа сообщили о волнении среди собак, а также о непонятных звуках и запахах, доносящихся издали; в то время как вышедшие поутру на разведку добровольцы с ужасом обнаружили свежие отпечатки чудовищных следов на дороге, проходящей по краю Сторожевого холма. Как и прежде, обе стороны дороги несли на себе следы повреждений, вызванных прохождением дьявольской гигантской массы, при этом характер следов говорил о движении в двух направлениях, словно бы движущаяся гора пришла со стороны лощины Холодных ключей, а затем вернулась обратно. У самого подножья холма полоса смятого кустарника тридцатифутовой

ширины уходила вверх, и у следопытов перехватило дыхание, когда они увидели, что неумолимый след идет даже по наиболее отвесным, почти перпендикулярным земле участкам. Каким бы ни было это кошмарное существо, оно могло взбираться по практически вертикальной каменной стене; когда же исследователи взобрались безопасными тропами на самый верх, они обнаружили, что там следы заканчиваются, или, точнее, поворачивают в противоположную сторону.

Здесь было то самое место, где Уэйтли прежде разводили костры и проводили свои дьявольские песнопения у камня в форме стола на Вальпургиеву ночь и на День всех святых. Теперь этот камень лежал в центре обширного пространства, истоптанного циклопическим ужасным существом, а его слегка вогнутая поверхность была измазана той же густой и зловонной липкой массой, которая была на полу разрушенного дома Уэйтли, когда кошмар начался. Очевидно, ужасное существо спустилось тем же путем, каким поднялось сюда. Пытаться что-либо понять было бесполезно. Логика, разум и нормальные представления о мотивации действий здесь явно не срабатывали. Только старый Завулон, сегодня никуда не ходивший, мог бы, наверное, разобраться в ситуации и дать возможное объяснение.

Ночь четверга началась примерно так же, как и предыдущая, однако окончание ее было трагическим. Козодой в лощине кричали с такой необыкновенной настойчивостью, что многим не удавалось уснуть, а где-то около трех часов ночи в некоторых домах раздались телефонные звонки. Снимавшие трубку слышали только, как обезумевший от страха человек кричал: «Помогите, о Боже!..», затем грохот падения, и разговор прерывался. Никто не решился выйти из дому попытаться что-либо предпринять, и до самого утра неизвестно было, откуда звонили. Поутру же стали обзванивать все номера подряд и обнаружили, что не отвечает только номер Фраев. Истина открылась часом позже, когда торопливо собранная группа вооруженных мужчин подошла к дому Фрая, расположенному у начала лощины. То, что там увидели, ужасало, хотя и не было неожиданным. Там появились дополнительные проплешины на земле и еще множество страшных отпечатков, но никакого дома уже не осталось. Он был смят и раздавлен, как яичная скорлупа, причем среди развалин не удалось найти ни живых, ни мертвых. Только зловоние и липкая масса. Семейство Элмера Фрая было стерто из Данвича подчистую.

VIII

А тем временем более тихая, хотя в духовном смысле куда более драматическая часть этих ужасных событий разворачивалась в Аркхеме за закрытыми дверями заставленной книжными полками комнаты. Загадочная рукопись, записи или дневник Уилбура Уэйтли, присланная в Мискатоникский университет для расшифровки, вызвала беспокойство и озадаченность специалистов как по древним, так и по современным языкам; даже использованный в ней алфавит, имеющий некоторое сходство с применявшимся когда-то в Месопотамии, был абсолютно неизвестен даже самым лучшим специалистам. Окончательное заключение лингвистов гласило, что текст представляет собой запись с использованием искусственного алфавита, что дает эффект шифрования; однако ни один из простых методов криптографии не дал никакой подсказки, никакого ключа к пониманию, даже когда их последовательно перебрали применительно к различным языкам, которым мог бы пользоваться ведущий записи. Древние книги из дома Уэйтли хотя и были исключительно интересными и в ряде случаев открывали возможность провести перспективные научные исследования, ничем не помогали в расшифровке текста рукописи. Одна из них, объемистый том с железной застежкой, тоже была написана неизвестным алфавитом – совсем другой природы, имеющим большое сходство с санскритом. Старый гроссбух в конце концов оказался в распоряжении доктора Армитаж, как ввиду его особого интереса к семейству Уэйтли, так и благодаря обширным лингвистическим познаниям и знакомству с мистическими формулами античных времен и Средневековья.

У Армитаж была мысль, что этот алфавит может представлять собой средство тайнописи, использующееся некоторыми запрещенными культурами, сохранившимися с глубокой древности и унаследовавшими многие формы и традиции от колдунов Сарацинии. Однако этот аспект он считал не самым важным, ибо не так уж важно знать источник и происхождение написания самих символов, если они использовались, как он подозревал, для зашифровки текста на современном языке. Его убеждение основывалось на том, что при таком гигантском объеме текста пишущий вряд ли стал бы пользоваться иным языком, помимо родного, разве что в случае отдельных особых формул и заклинаний. Исходя из этого он штурмовал тайну рукописи, предполагая, что в основе ее лежит английский язык.

Доктор Армитаж знал, судя по серии неудачных попыток своих коллег, что загадка сложная и трудноразрешимая; что не стоит даже пытаться найти какое-то простое решение. Весь остаток августа он штудировал в огромном количестве исследования по криптографии; обложился наиболее важными сочинениями по этим вопросам, нашедшимися в библиотеке, и проводил бессонные ночи среди тайн «Polygraphia» Тритемия, «De Furtivis Literarum Notis» Джамбаттиста Порты, «Traité des Chiffres» де Виженера, «Cryptomenysis Patefacta» Фальконера, изучил трактаты восемнадцатого века Дэвиса и Тикнесса, а также труды современных специалистов, таких как Блэйр, фон Мартенс и Клубер¹¹; в результате он пришел к убеждению, что имеет дело с одной из самых изощренных криптографических систем, в которой списки взаимно соотносящихся букв выстроены как таблица умножения, и текст составляется при

¹¹ *Иоганн Тритемий* считается одним из основателей современной криптологии, его книга «Polygraphiae» (1508) посвящена методам шифрования; «De Furtivis Literarum Notis» («Про скрытую значимость отдельных букв») (1563) – фундаментальный труд по криптологии; в «Traité des Chiffres ou Secrètes Manières d'Écrire» («Трактат о цифрах и тайнописи») (1586) Блеза де Виженера описывается метод шифрования, впоследствии названный «шифр Виженера»; *Джон Фальконер* – автор книги «Cryptomenysis Patefacta» (1685); *Джон Дэвис* – автор работы «An Essay on the Art of Decyphering: in which is inserted a Discourse of Dr. Wallis» (1737); *Филип Тикнес* – автор работы «A Treatise on the Art of Decyphering and of Writing in Cypher» (1772); *Уильям Блэйр* – автор статьи «Шифрование» в «Новой энциклопедии» 1819 года; *Георг Фридрих фон Мартенс* – автор трехтомного «Cours diplomatique ou tableau des relations extérieures des puissances de l'Europe» (1801); *И. Х. Клубер* – автор книги «Cryptographik» (1908). Имена и названия Лавкрафт выписал из статьи «Криптография» в Британской энциклопедии 1911 года.

помощи ключевых слов, известных лишь ограниченному кругу лиц. Ученые прошлого дали ему гораздо больше, чем современные исследователи, и Армитаж решил, что ключ к рукописи происходит из глубины веков, но, без сомнения, многократно преобразован экспериментаторами-мистиками. Несколько раз казалось ему, что впереди забрезжил свет истины, но всякий раз какое-то обстоятельство становилось неодолимым препятствием. И наконец в сентябре тучи начали рассеиваться. Удалось точно идентифицировать некоторые буквы, находившиеся в определенных местах рукописи, и стало ясно, что исходный текст действительно написан на английском.

Вечером второго сентября от его усилий пал последний барьер, и Армитаж смог прочитать первый связный фрагмент записей Уилбура Уэйтли. Как и предполагали с самого начала, это был дневник: текст отражал как огромную эрудицию в отношении оккультизма, так и общее невежество странного существа, ведущего эти записи. Одна из первых длинных заметок, расшифрованных Армитажем, относилась к 26 ноября 1916 года и оказалась крайне странной и вызывающей тревогу. Это было написано, вспомнил ученый, мальчиком трех с половиной лет, внешне выглядевшим на двенадцать-тринадцать:

«Сегодня учил Акло для Саваофа (получилось), он мне не понравился, отвечают с холма, а не из воздуха. Который наверху опережает меня больше, чем я думал, и, кажется, у него немного земных мозгов. Выстрелил в Джека, колли Элама Хатчинса, когда тот подбежал уку-сить меня, и Элам сказал, что убьет меня, если тот умрет. Думаю, что нет. Вчера вечером дедушка заставлял меня повторять формулу Дхо, и я, похоже, видел внутренний город у двух магнитных полюсов. Я попаду на эти полюса, когда земля будет очищена, если не смогу пробиться при помощи заклинания Дхо-Нха, когда совершу это. Которые из воздуха сказали мне на шабаше, что пройдут годы, прежде чем я смогу очистить землю, и к тому времени дедушка, скорее всего, уже умрет, поэтому я должен выучить все наклоны планов и все формулы заклинания от Йр до Нххнгр. Которые снаружи помогут, но они не способны занять тело без человеческой крови. Который наверху, похоже, будет точным образцом этого. Я могу отчасти видеть его, когда сотворяю знак Вууриш или посыпаю порошком Ибн Гази, и он похож на тех, кто бывает на Холме в Вальпургиеву ночь. Интересно, как я буду выглядеть, когда земля будет очищена и на ней не останется земных существ? Тот, кто ответил на Акло Саваофа, сказал, что я, наверное, преобразованный, чтобы те, которые снаружи, могли действовать».

Утро доктор Армитаж встретил в холодном поту от ужаса и безумной концентрации усилий. Он всю ночь не отрывался от рукописи, сидя при свете электрической лампы и дрожащими руками переворачивая страницу за страницей, стараясь как можно быстрее расшифровать загадочный текст. Он взволнованно позвонил домой жене и сказал, что не придет, а когда она принесла ему завтрак, съел лишь самую малость. Весь день он продолжал читать, время от времени с раздражением останавливаясь, когда требовалось применять более сложный ключ. Ему принесли ланч и обед, но он опять съел лишь самую малость. В середине следующей ночи он задремал, сидя на стуле, но вскоре оказался разбужен кошмаром, почти столь же ужасным, как раскрытая им истинная угроза существованию человечества.

Утром четвертого сентября профессор Райс и доктор Морган настояли на встрече с ним, после которой вышли дрожащие и пепельно-серые. Вечером он лег спать, но спал беспокойно. На следующий день, в среду, он вернулся к расшифровке рукописи и принялся делать обширные выписки из новых записей и тех, что он читал ранее. После полуночи он немного поспал, прямо в кресле в своем кабинете, но к рассвету уже вновь работал над рукописью. Незадолго до полудня доктор Хартвелл, врач, навестил его и настаивал на прекращении этой изнуряющей работы. Армитаж отказался, заявив, что для него важно как можно скорее дочитать рукопись и найти объяснение происходящему. Этим вечером, едва наступили сумерки, он наконец завершил это ужасное чтение и в полном бессилии откинулся в кресле. Жена, принеся ужин, нашла его в полубессознательном состоянии, но он оказался в состоянии резким окри-

ком остановить ее, когда увидел, что она смотрит на записи, сделанные его рукой. С трудом поднявшись, он собрал исписанные листы и запечатал их в большой конверт, который положил во внутренний карман пальто. Ему хватило сил дойти до дома, но он явно нуждался в медицинской помощи, поэтому немедленно был вызван доктор Хартвелл. Когда доктор укладывал Армитажа в постель, тот лишь беспрестанно бормотал: «Но что же, во имя Господа, мы можем сделать?»

Выспавшись, на следующий день доктор Армитаж как будто бредил. Он ничего не объяснил доктору Хартвеллу, но в недолгие периоды успокоения настаивал на серьезном и долгом разговоре с Райсом и Морганом. Его бессвязный лепет был довольно причудливым, например, он неистово требовал уничтожить что-то такое, что находится в запертом фермерском доме; ссылаясь на какой-то фантастический план уничтожения всей человеческой расы, всей животной и растительной жизни на земле какой-то ужасной более древней расой существ из иного измерения. Он кричал, что мир в опасности, поскольку Древние Существа хотят полностью очистить его и утащить из Солнечной системы и космического пространства в какую-то другую грань или фазу вечности, откуда он однажды выпал, вигинтиллионы эпох назад. А иногда просил принести ему чудовищный «Некрономикон» или «Демонолатрию» Ремигия, в которых надеялся найти какую-нибудь формулу, способную волшебным образом развеять нависшую опасность.

«Их надо остановить! – выкрикивал он время от времени. – Эти Уэйтли собираются впустить их, и самый опасный все еще остался! Скажите Райсу и Моргану, что мы должны сделать что-нибудь – совершать это придется вслепую, но я знаю, как изготовить порошок... Его не кормили со второго августа, когда Уилбур прибыл сюда и обрел здесь смерть, и с таким темпом...»

По счастью, Армитаж обладал крепким для своих семидесяти трех лет здоровьем и, выспавшись, смог справиться и не впасть в полное помешательство. В пятницу утром он проснулся с ясной головой, но терзаемый изнутри страхом и осознанием огромной ответственности. В субботу он чувствовал себя уже достаточно хорошо, чтобы дойти до библиотеки и вызвать к себе Райса и Моргана, так что оставшуюся часть дня и весь вечер трое ученых напрягали свои умственные способности в яростных дискуссиях и для проверок даже самых диких предположений. Книги странного, загадочного и ужасного содержания были в огромных количествах принесены с полок и из хранилищ; копии диаграмм, формул и заклинаний делались с лихорадочной быстротой и в пугающем изобилии. Скептицизм у них полностью отсутствовал. Все трое видели тело Уилбура Уэйтли, лежавшее на полу в комнате этого самого здания, и после этого ни один из них не мог относиться к его дневнику как к запискам сумасшедшего.

По вопросу, нужно ли обратиться в полицию штата Массачусетс, мнения разделились, и негативное в итоге возобладало. Здесь дело касалось такого, во что непосвященный просто не поверил бы – дальнейшие события подтвердили, что это действительно так. Обсуждение завершилось поздно ночью, не породив никакого плана действий, а все воскресенье Армитаж был занят изучением древних рецептов и смешиванием различных химикатов, полученных из университетской лаборатории. Чем дольше он размышлял над дьявольским дневником, тем сильнее сомневался в возможности уничтожить каким-либо химическим средством существо, оставшееся после смерти Уилбура Уэйтли, – он еще не знал, что это существо, угрожающее всей планете, через несколько часов вырвется на волю и станет причиной надолго запомнившегося данвичского ужаса.

В понедельник продолжилось все то же, что было в воскресенье, ибо стоявшая перед ним задача требовала долгих исследований и многих экспериментов. Более тщательное изучение чудовищного дневника привело к появлению различных вариаций задуманного плана, и Армитаж не сомневался, что, сколько бы он ни готовился, полной уверенности в успехе все равно не будет. К вечеру вторника он наметил в основных чертах свои действия и принял

решение о необходимости отправиться в Данвич на этой неделе. После этого в среду ему довелось испытать шок.

В уголке страницы «Аркхем эдвертайзер» была перепечатана из «Ассошиэйтед пресс» шутивная заметка о том, про какое чудовище рассказывают в Данвиче после изрядных количеств самопального виски. Армитаж, крайне ошеломленный, смог только позвонить Райсу и Моргану. Их обсуждение закончилось далеко за полночь, а на следующий день все трое занимались лихорадочными сборами в дорогу. Армитаж отдавал себе отчет, что собирается задействовать чудовищное могущество, но вместе с тем понимал, что нет другой возможности предотвратить пагубные последствия уже совершенного зловещего вмешательства.

IX

Впятницу утром Армитаж, Морган и Райс отправились на автомобиле в сторону Данвича и прибыли в городок к часу пополудни. Погода была прекрасная, но даже в ярких лучах солнца казалось, что скрытый ужас и дурные предзнаменования зависли над необычными куполообразными холмами и глубокими затененными ущельями этой зловещей местности. Время от времени, скользнув взглядом в сторону неба, можно было заметить мрачные круги из каменных столбов на вершине холма. По атмосфере молчаливого страха возле лавки Осборна они догадались, что случилось что-то ужасное, и вскоре узнали об уничтожении дома Элмера Фрая и его семьи. В течение дня они ездили по окрестностям Данвича, расспрашивая местных жителей о произошедших событиях, и сами с ужасом осмотрели то, что осталось от дома Фрая, зловонные липкие следы, дьявольские отпечатки во дворе, изувеченный скот Сета Бишопа и гигантские полосы придавленной растительности. След, проходящий по Сторожевому холму вверх и вниз, показался Армитажу почти знаком вселенского катаклизма, и он долго смотрел на зловещий камень на самой вершине.

Наконец ученые, узнав, что из Эйлсбери утром приехали представители полиции, получившей телефонное сообщение о трагедии с семьей Фрая, решили найти их и обменяться результатами наблюдений. Однако они обнаружили, что это легче задумать, чем сделать; нигде не обнаружилось никаких следов прибывшей группы. В машине их прибыло пятеро, но сейчас машина стояла пустой во дворе фермы Фрая. Местные жители, уже успевшие пообщаться с полицией, сначала казались озадаченными этим не меньше, чем Армитаж и его коллеги. Затем старый Сэм Хатчинс толкнул в бок Фреда Фарра и указал на зев глубокого ущелья.

«Боже, – сказал он, тяжело дыша, – я же говорил им ни в коем случае не спускаться в лощину, да мне и в голову не пришло, что кто-то может туда полезть, там же эти следы и этот смрад, и козодои кричат день и ночь беспрестанно...»

Холодная дрожь пробрала и местных жителей и заезжих гостей, и все они замерли, инстинктивно прислушиваясь. Армитаж, впервые реально соприкоснувшийся с этим кошмаром и его чудовищными деяниями, ощутил сильнейшее волнение от груза принятой на себя ответственности. Скоро опустится ночь, и тогда горное чудовище примется за свое жуткое дело. «*Negotium perambulans in tenebris...*»¹². Старый библиотекарь повторил заклинание, которое заучил, сжимая в руке лист бумаги, на котором было записано дополнительное заклинание, которое он заучить не успел. Он проверил, работает ли его электрический фонарик. Стоявший рядом с ним Райс достал из саквояжа металлический опрыскиватель того типа, какие используют для борьбы с насекомыми, тогда как Морган снял чехол с крупнокалиберной винтовки, на которую надеялся, несмотря на предупреждение коллеги о том, что материальное оружие здесь не поможет.

¹² Язва, ходящая во мраке (*лат.*; Пс 90:6).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.